

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

181

КАМЕННЫЙ ВЕК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

181

КАМЕННЫЙ ВЕК

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА
«НАУКА»

1985

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты: В. Я. СЕРГИН, Ю. Г. СМИРНОВ

Каменный век

КСИА, вып. 181

Утверждено к печати Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии
АН СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян. Художественный редактор Г. П. Валлас. Технические
редакторы М. Н. Комарова, О. М. Гуськова. Корректоры Н. И. Казарина, К. П. Лосева
И Б № 29479

Сдано в набор 2.04.85. Подписано к печати 25.06.85. Т-02786. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага книжно-
журнальная импортная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 12,4
Усл. кр. отт. 11,55. Тираж 3500 экз. Тип. зак. 1317
Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», 117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ВВЕДЕНИЕ

Первая часть настоящего выпуска КСИА содержит статьи, написанные советскими специалистами по докладам, прочитанным ими на симпозиуме «Среда и охотничья деятельность в каменном веке», состоявшемся в рамках XI Международного конгресса по изучению четвертичного периода (ИНКВА) в Москве 4–6 августа 1982 г.* Эти статьи можно подразделить на проблемные, обобщившие материалы по данной проблеме в пределах крупных регионов Советского Союза (Кавказ, юг Русской равнины, Урал, Южная Сибирь, Дальний Восток и др.) и более частные, касающиеся лишь некоторых аспектов рассматриваемой темы (вопросы охотничьего вооружения в палеолите и неолите, разделки и утилизации охотничьей добычи и т. п.) или свидетельств об охоте в небольших областях, в отдельных культурах или стоянках. Хронологические рамки большинства статей — поздние, эпохи каменного века (верхний палеолит, мезолит, неолит) и в отдельных случаях (северные районы СССР) — эпоха бронзы и древнего железа вплоть до нашей эры. Охотничья деятельность человека более ранних эпох (ашель — мустье) представлена в гораздо меньшем объеме.

Главные темы публикуемых статей: охота, как ведущая форма хозяйства первобытного человека; взаимосвязанность среды и охотничьей деятельности. На массовом материале ряда регионов хорошо фиксируется изменение среды и охотничьей деятельности древнего человека на рубеже «плейстоцен-голоцен»: происходит расширение охотничьих угодий типа закрытых биотопов, меняется состав промысловых животных, создаются условия для индивидуального охотничьего промысла, изменяется материальная культура человека. В голоцене отмечается широкое развитие пушного, рыбного и морского промыслов. Охотничья деятельность в более ранние эпохи каменного века представлена главным образом материалами ашельских и мустьерских стоянок Кавказа. Отличия в охотничьем хозяйстве определяются здесь особенностями различных зоогеографических округов и высотных поясов или изменениями окружающей среды. Наблюдаемое пристрастие к добыче отдельных видов крупных животных свидетельствует о развитии специализации (избирательности) охотничьего промысла.

Широкий пространственный и тематический диапазон публикуемых материалов позволяет в какой-то мере проследить закономерности и этапы развития природы и палеоэкономики древних людей на протяжении заключительного этапа плейстоцена и в голоцене на значительной части территории Советского Союза.

Вторую часть сборника составляют статьи участников работы Секции человека V Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, проведенного в Уфе в 1981 г.** Специфику этой работы составляло совместное, скоррелированное и взаимосвязанное рассмотрение археологических, геологических, а в ряде случаев и палеоантропологических данных, связанных как с крупными сюжетами древнейшей истории нашей страны, так и с конкретными ключевыми объектами. В этом плане рассматрива-

* Подробные данные о работе симпозиума см. в статье В. П. Любина и П. И. Борисковского «Археология на Московском конгрессе ИНКВА» (Советская археология, 1984, № 2).

** О работе совещания см. статью Г. Н. Матюшина (КСИА, 1983, вып. 173, с. 113–116).

лись значительные группы материалов ряда регионов СССР, в том числе Урала, Поволжья, Сибири, Закавказья, Средней Азии. При этом практиковались параллельные исследования специалистов по указанным дисциплинам, прежде всего археологов и геологов. В статьях отражены материалы проведенных дискуссий. Особо должен быть отмечен экологический аспект этих статей, определение взаимодействия естественных и антропогенных факторов и роли его как в историческом процессе, так и в природном окружении. Совместные аналитические работы археологов и геологов представляют основное направление разработки указанного аспекта. Публикуемые статьи достаточно рельефно показывают плодотворность отмеченных совместных исследований и должны способствовать дальнейшему их развитию.

В. П. Любин, Н. Я. Мерперт

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО В КАМЕННОМ ВЕКЕ

В. П. ЛЮБИН, Г. Ф. БАРЫШНИКОВ

ОХОТНИЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДРЕВНЕЙШИХ (АШЕЛО-МУСТЬЕРСКИХ) ОБИТАТЕЛЕЙ КАВКАЗА

Географическое положение и огромная амплитуда высот обуславливают исключительное разнообразие природы Кавказа, богатство его животного мира. Соседство с Передней Азией предполагает доашельское заселение этой области человеком (пещера Азых, слой 7—10), однако достоверные свидетельства охотничьей деятельности древнейших обитателей Кавказа известны лишь с ашельского времени. Об этом можно судить по костным остаткам плейстоценовых позвоночных из многочисленных пещерных стоянок. Ашельские пещерные памятники приурочены к Закавказью, мустьерские найдены также на Северном Кавказе.

Промысел крупных млекопитающих, как основной способ получения пищи, являлся главнейшим видом охотничьей деятельности. Общий список промысловых млекопитающих насчитывает более 40 видов. Для ашельской эпохи они известны из древнейших на территории СССР пещерных стоянок Кударо 1, Кударо 3 и Цона в Юго-Осетии и Азых в Нагорном Карабахе. На стоянках Юго-Осетии обильны раздробленные кости пещерного медведя — до 75% остатков промысловых зверей в Кударо 1 и до 90 — в Цоне, а также благородного оленя, кавказского козла, косули. Второстепенное значение в охотничьей добыче имели, вероятно, бобры, дикобразы, зубры, носороги, архары¹. В ашельских слоях пещеры Азых, расположенной южнее и гипсометрически значительно ниже, к остаткам пещерного медведя (35%) и благородного оленя добавляются кости носорога Мерка, лошади Зюсенборна, бизона и др.²

В добыче охотников мустьерской эпохи на равнинах Предкавказья преобладает первобытный бизон (88%), мамонт, сайга, гигантский олень (Ильская стоянка)³, а в горных районах — бизон, кавказский козел, гигантский олень, муфлон (Баракаевская, Монашеская, Губский навес¹), а иногда и мамонт (Даховская). Здесь явно чувствуется фаунистическое влияние восточноевропейских равнин, однако отметим отсутствие шерстистого носорога, северного оленя, овцебыка, песца и других бореальных форм, составлявших основу промысловой фауны на Русской равнине и в Крыму.

Для мустьерских стоянок Закавказья характерно обилие костей пещерного медведя и полное отсутствие остатков мамонта. Пещеры Черноморского побережья: Навалишенская, Малая Воронцовская, Ахштырская и другие — содержат в мустьерских слоях преимущественно кости пещерного медведя (до 98%), а остатки копытных — благородных и гигантских оленей, косуль, лосей и козлов, как правило, единичны.

На стоянках Западной Грузии также преобладают кости пещерного медведя — до 95% в Джручале и до 80% в Сакажиа. В пещерном комплексе Цуцхвати в нижних мустьерских слоях доминирующее поло-

жение занимают остатки копытных (первобытного бизона), в верхних — пещерного медведя. Меньшее значение имели бобры, дикобразы, носороги и кабаны⁴. Большой остеологический материал получен из мустьерских слоев высокогорных памятников Юго-Осетии: Кударо 1, Кударо 3, Цона, Шагат-Хох. Основным объектом охоты здесь были пещерные медведи (до 77%), олени, козлы, косули. Значительно меньшую роль играли зубры, серны, мелкие дикобразы и сурки⁵.

Древние обитатели Восточной Грузии (стоянка Цопи) добывали кавказских козлов, европейских ослов, лошадей, бизонов, носорогов, а обитатели нагорий Армении (Ереванская стоянка) — лошадей, ослов, безоаровых козлов и муфлонов. В мустьерских отложениях пещер Азыз и Таглар в Азербайджане найдены остатки пещерного медведя (до 57%), безоарового козла, оленя, бизона и единичные кости кабана, лани и пещерного льва.

Пушной промысел, по всей видимости, не вполне еще обособился от охотничьей деятельности, связанной с добычей мясной пищи, являясь в некоторых случаях (пещерный медведь) лишь побочной задачей охоты на крупных животных. В то же время, на наш взгляд, допустима и специальная добыча таких пушных зверей как пещерный лев, леопард, барс, волк, куница, лисица, бобр с целью получения пушнины для одежды, подстилок, одеял. О вероятности выстилки стен и пола пещер шкурами крупных хищников может свидетельствовать большое количество костей стопы и кисти пещерного медведя в ашельских слоях пещеры Кударо 1, большое количество фаланг пещерного льва в одном из мустьерских уровней пещеры Кударо 3 и сравнительно многочисленные (около 1%) остатки леопарда в ашельских отложениях Кударо 1.

Охота на пернатую дичь. Кости птиц — лесных, полевых, водоплавающих, горных — встречены на многих стоянках. Наиболее активно добывались куриные. В пещере Кударо 1, например, 7 из 25 видов встреченных здесь птиц принадлежат куриным (кеклик, серая куропатка, кавказский тетерев, улар, фазан, перепел, дикая курица). Меньшую роль играли, наверное, водоплавающие, на которых охотились, вероятно, на пролете⁶.

Рыбный промысел. В мустьерских слоях Воронцовской пещеры и в мустьерских и ашельских слоях пещер Кударо 1 и 3, расположенных в верховьях черноморских рек Хоста и Риони, встречены кости крупного (длиной до 130 см, весом до 24 кг) черноморского лосося (*Salma trutta labrax Pallas*). Скопления костей лосося, обнаруженные в ашельских и мустьерских слоях Кударо 1, насчитывают до 50 000 костей. Два обстоятельства удостоверяют принадлежность этих скоплений к кухонным отбросам: 1) связь их с очажными пятнами; 2) состав костей в скоплениях (большое количество позвонков, фрагментов осевого скелета и малое количество костей головы) тождественны кухонным остаткам рыб из более поздних — верхнепалеолитических и неолитических — стоянок. Лососей, вероятнее всего, били на мелководных нерестилищах деревянными копиями, дротиками или просто камнями и дубинами⁷.

Взаимосвязанность среды и охотничьей деятельности. Обзор кавказских стоянок разного географического положения показывает, что видовой состав добычи ашело-мустьерских охотников обычно отражает характерные черты палеоландшафтов того или иного района Кавказа. Для степей Предкавказья, например, типичны бизон, сайга, осел, гигантский олень, мамонт; для сухих нагорий Закавказья — муфлон, безоаровый козел, лань; для южного склона Большого Кавказа — олень, косуля, лось, кавказский козел и т. д.

Изменения видового состава и количества остатков промысловых животных на многослойных высокогорных стоянках фиксируют также плейстоценовую динамику высотных ландшафтных поясов. Так, в нижних межледниковых ашельских слоях Кударо 1, когда пещера, судя по спорово-пыльцевым данным Г. М. Левковской⁸, находилась в поясе лесостепи (слой 5 в) и широколиственных лесов (5 б), обычны кости макака,

крупного дикобраза, этрусского носорога, а костные остатки пещерного медведя составляют 75—85% всех остатков промысловых видов млекопитающих. В слоях же мустьерского (вюрмского) возраста остатки макака и носорога отсутствуют, доля медвежьих костей составляет лишь 30—45%⁹. В более древних мустьерских уровнях, кударских пещер, когда они располагались в поясе темнохвойной тайги (межстадиал брёруп), отмечено большое количество остатков лесных животных (благородный олень, косуля, куница, барсук и др.). В верхах же мустьерских отложений, соответствующих более сухому и холодному периоду (пещеры в пределах субальпийского пояса), происходит резкое сокращение костей благородного оленя и косули и увеличение остатков кавказского козла¹⁰.

Состав охотничьей добычи, способы и эффективность охоты. На всех стоянках наблюдается явное преобладание остатков определенного вида — главного объекта древнего промысла. Длительные избирательные охоты вели, очевидно, к известной специализации первобытных охотников, к возрастанию эффективности охоты. Так, в ашельских слоях Кударо 1 в составе медвежьих костей преобладают остатки медвежат и молодых особей, в мустьерских слоях — взрослых и старых, которых, по всей видимости, было труднее добывать¹¹. Таким же образом возрастает эффективность охот на благородного оленя: в ашельских слоях Кударо 1 среди остатков этого животного преобладают кости молочных и старых особей, в мустьерских — взрослых особей (в основном самок)¹².

Сведения о масштабах охот и числе убиваемых зверей весьма неполны. Некоторое представление о них дает подсчет числа особей на стоянках. Так, в ашельском слое Кударо 1 найдены остатки не менее чем 166 особей пещерного медведя, в пещере Кударо 3 — 21¹³. Однако такие данные обычно значительно занижены и, по мнению Н. К. Верещагина¹⁴, должны быть увеличены по крайней мере в 8—10 раз.

В мустьерское время звери добывались, по-видимому, интенсивнее и видовой состав их стал разнообразнее. На Ильской стоянке учтено 43 особи бизона¹⁵. Пещерных медведей отмечено в Ахштырской стоянке — 47 особей, в Малой Воронцовской — 25, в Кударо 1 — 54, в Кударо 3 — 56. Учитывая, что эти памятники раскопаны не полностью и что не всех добытых зверей приносили на стоянки, можно говорить об истреблении многих тысяч копытных и хищных.

Наши представления о древних способах охоты предположительны. Они безусловно определялись характером ландшафтов и поведенческими особенностями промысловых видов, и, судя по разнообразию охотничьей дичи, были весьма эффективны. Приемы охоты на степных стадных копытных несомненно отличались от способов добычи горных козлов или пещерных медведей. Пещерных медведей могли забивать во время спячки или у входа в пещеру, сбрасывая на них сверху тяжелые камни. Об этом, возможно, говорит череп медведя из Кударо 3, проломленный в древности в области лба. Лесные копытные могли добываться скрадыванием и с помощью ловчих ям, а стадные степные — путем загонных охот. Особенно результативны загонные охоты были в условиях расчлененных плато, окруженных вертикальными обрывами. Так, очевидно, добывались бизоны и лошади в верховьях Кубани (Баракаевская).

Сведения о сезонности охот отрывочны и скудны. Молочные зубы оленей в мустьерском слое пещеры Кударо 3 принадлежали, судя по степени стертости, животным в возрасте от 1 месяца до года. Здесь же найдены черепа со сброшенными рогами. Охота на благородных оленей велась, очевидно, круглый год. В целом же, палеолитическая охота велась хищнически, в любые сроки, включая периоды размножения и выкармливания потомства, без нормирования эксплуатации отдельных популяций и, нередко, видимо, с превышением реальной потребности в пище.

Разделка туш и утилизация охотничьей добычи. Крупные звери разделывались, очевидно, на месте уоя. С них снималась шкура, туша

расчленялась, с костей срезалось мясо. Состав остатков бизонов из мустьерских слоев Баракаевской пещеры и остатков медведя из Кударских пещер показывает преднамеренность действия древнего человека в отборе частей тела животного. В Баракаевской пещере встречено большое количество обломков трубчатых костей при почти полном отсутствии обломков ребер, позвонков и мелких костей дистальных отделов конечностей¹⁶. На стоянку приносились лишь наиболее мясистые части тела бизонов (окорока). В ашельских слоях Кударо 1 по сравнению с мустьерскими явно преобладают метаподии, фаланги и изолированные зубы пещерных медведей. В периоды, когда человек оставял или редко посещал Кударские пещеры, увеличивается число позвонков, ребер, встречаются цельные трубчатые и плоские кости.

На обжитых пещерных стоянках Кавказа почти все кости тщательно раскалывались для извлечения костного мозга. Степень их раздробленности в ашельских слоях Кударских стоянок, когда пещеры были постоянным жилищем человека, примерно в 2,5 раза выше, чем в мустьерских¹⁷.

Раздробленность костного материала возрастает, вероятно, не только с увеличением интенсивности обитания пещер, но и с увеличением расстояния до мест массовой охоты. Это можно видеть, как кажется, в большом количестве целых метаподий и фаланг ослов европейского вида на стоянке Староселье в Крыму, находившейся рядом с местом их добычи¹⁸. В Баракаевской же пещере, расположенной, вероятно, дальше от удобных для загонной охоты мест, все кости бизонов, гигантских оленей и лошадей разбиты на мельчайшие фрагменты. О том, что район убоя зверей был удален, говорит и факт единичности здесь обломков позвонков и ребер крупных копытных, обычно обильных на памятниках палеолита.

Развитие охотничьего вооружения. В ашельское время охотничье вооружение было, по всей видимости, деревянным (рогатины, дротики, палыцы). В ряде мустьерских стоянок Кавказа (Тагларская, Ереванская, Джручула, Кударо 1 и 3) появляются остроконечники с искусственно утонченными или суженными базальными частями, приспособленными, как предполагается, для крепления их к древкам. Изобретение составных дистантных (метательных) орудий типа дротиков могло внести изменения в способы и организацию охоты. На Кавказе обнаружены также оригинальные крупные бифасиально обработанные наконечники рогатин (?)¹⁹.

Социальные аспекты охотничьей деятельности. Ашельские и мустьерские памятники Кавказа можно подразделить на мастерские, долговременные базовые стоянки и охотничьи лагеря. Пещера Цона — высокогорный лагерь ашельских охотников на крупных промысловых животных. Отправляясь в охотничью экспедицию в труднодоступный район Цоны, ашельские охотники, судя по находкам, брали с собой только самые необходимые и отборные каменные орудия (ашельские бифасы, ножи, чоперы), которые в условиях охотничьей страды не пополнялись: следы обработки камня на месте отсутствуют. Такие же охотничьи лагеря существовали и в мустьерское время (мустьерские слои пещер Кударо 1, 3, Джручула и др.).

Опасные охоты на крупных животных, длительные экспедиции, связанные с их поиском и преследованием, доставка на стоянку охотничьей добычи выполнялись, по всей видимости, группами мужчин-охотников. Если это так, то охотничьи лагеря — свидетельство разграничения мужского и женского труда, свидетельство целенаправленной и заранее спланированной деятельности части человеческого объединения в интересах всего коллектива. Деятельность ашельских и мустьерских людей была, таким образом, сознательной, социальной, она была ориентирована на цели отдаленные и общественные²⁰.

- ¹ *Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф.* Остатки млекопитающих в восточной галерее пещеры Кударо 1.— В кн.: Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М., 1980, с. 51—62; *Они же.* Остатки млекопитающих из пещеры Кударо 3.— В кн.: Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М., 1980, с. 63—78.
- ² *Гаджиев Д. В., Гусейнов М. М., Мамедов А. В., Ширинов Н. Ш.* Краткие результаты комплексных исследований Азыжской древнепалеолитической стоянки.— Изв. АН АзербССР, сер. наук о Земле, 1979, № 3, с. 10—15.
- ³ *Верещагин Н. К.* Млекопитающие Кавказа: История формирования фауны. М.; Л., 1959, с. 704.
- ⁴ *Векуа А. К.* Ископаемые позвоночные Цуцхватских пещер.— В кн.: Изучение пещер Колхиды. Тбилиси, 1978, с. 94—126.
- ⁵ *Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф.* Остатки млекопитающих в восточной галерее... *Они же.* Остатки млекопитающих из пещеры Кударо 3...
- ⁶ *Бурчак-Абрамович Н. И., Любин В. П.* Орнитофауна пещеры Кударо 1 (Закавказье).— СА, 1972, № 2, с. 159—164.
- ⁷ *Цепкин Е. А.* Остатки рыб из пещеры Кударо 1.— В кн.: Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М., 1980, с. 90—97; *Любин В. П.* Некоторые итоги изучения литолого-стратиграфических и биостратиграфических показателей кударских пещер.— В кн.: Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М., 1980, с. 153—166.
- ⁸ *Левковская Г. М.* Палинологическая характеристика отложений в пещерах Кударо 1 и Кударо 3.— В кн.: Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М., 1980, с. 128—151.
- ⁹ *Барышников Г. Ф.* Природная обстановка и фауна млекопитающих центрального Кавказа в позднем антропогене.— Изв. Всес. географ. об-ва, 1977, № 3, с. 246—254; *Любин В. П.* Некоторые итоги..., с. 153—166.
- ¹⁰ *Любин В. П., Левковская Г. М.* Пещера Кударо 3 (Юго-Осетия).— МИА, Л., 1972, № 185.
- ¹¹ *Барышников Г. Ф., Дедкова И. И.* Пещерные медведи Большого Кавказа.— Тр. Зоол. ин-та АН СССР, 1978, т. 75, с. 69—77.
- ¹² *Барышников Г. Ф., Николаев А. И.* Остатки благородного оленя из палеолитических стоянок Кударо на Кавказе.— Тр. Зоол. ин-та АН СССР, 1982, т. 111, с. 73—89.
- ¹³ *Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф.* Остатки млекопитающих в восточной галерее...
- ¹⁴ *Верещагин Н. К.* Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР.— Тр. Зоол. ин-та АН СССР, 1971, т. 69, с. 123—199.
- ¹⁵ *Верещагин Н. К.* Млекопитающие Кавказа...
- ¹⁶ *Барышников Г. Ф.* Териофауна и позднплейстоценовые ландшафты Горного Прикубанья.— Вестн. Ленинград. ун-та, 1979, № 12, с. 53—62.
- ¹⁷ *Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф.* Остатки млекопитающих в восточной галерее...
- ¹⁸ *Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф.* Млекопитающие предгорного северного Крыма в эпоху палеолита.— Тр. Зоол. ин-та АН СССР, 1980, т. 93, с. 26—59.
- ¹⁹ *Любин В. П.* Нижний палеолит.— В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970; *Loubine V. P.* L'Acheuléen de la partie Européenne de l'URSS et Caucase (matériaux et quelques problèmes).— Anthropologie, Brno, 1981, XIX/1.
- ²⁰ *Любин В. П.* Нижний палеолит...; *Он же.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977, 224 с.

Н. М. ЕРМОЛОВА

ОХОТНИЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

В эпоху палеолита на территории Сибири, судя по многочисленным костным остаткам животных из стоянок этого возраста, расположенных, в основном, в долинах таких крупных рек как Енисей и Ангара, древние охотники добывали мамонтов (*Mammuthus primigenius*), шерстистых носорогов (*Coelodonta antiquitatis*), лошадей (*Equus caballus*), куланов (*Equus hemionus*), ослов (*Equus hydruntinus*), северных и благородных оленей (*Rangifer tarandus*, *Cervus elaphus*), лосей (*Alces alces*), зубров (*Bison priscus*), байкальских яков (*Bos (Poephagus) baicalensis*), аргали (*Ovis ammon*), сибирских козорогов (*Capra sibirica*), сайгаков (*Saiga tatarica*), зайцев (*Lepus timidus*, *Lepus tolai*). Добычей человека были также песцы (*Alopex lagopus*), лисицы (*Vulpes vulpes*), волки (*Canis lupus*), россомахи (*Gulo gulo*), пещерные гиены (*Crocota spelaea*), пещер-

ные львы (*Pantera spelaea*), пещерные медведи (*Ursus cf. spelaeus*) и бурые медведи (*Ursus arctos*).

Охотничья деятельность человека находилась в прямой зависимости от экологической среды в месте его поселения¹.

В различные периоды позднего плейстоцена в одном и том же регионе объектами охоты были разные виды животных. Так, в начале верхнего плейстоцена в долине Среднего Енисея основной охотничьей добычей были непарнопалые (*Perissodactyla*), находившие оптимальные условия для своего существования на степных просторах этой территории в конце каргинского межледникового². Добывались шерстистый носорог, лошадь, кулан, осел, аргали, зубр, байкальский як, благородный олень, сайгак, пещерная гиена, пещерный лев и пещерный медведь. Мамонт и северный олень в то время в долине Енисея были так редки, что практически не добывались³.

В ранних палеолитических стоянках основой существования человека становятся мамонт и северный олень, хотя и шерстистый носорог играет еще важную роль в жизни человека как в долине Енисея, так и, особенно, в Приангарье. Количество лошадиных уменьшается, исчезает осел, як.

С развитием перигляциальных ландшафтов и увеличением снегового покрова в сартанское похолодание исчезает и перестает быть объектом охоты человека шерстистый носорог.

Мамонт продолжает быть одной из главных охотничьих добыч до середины сартанского похолодания, но, как правило, доминирующую роль в охоте начинает занимать северный олень.

К позднесартанскому времени остатков мамонта на верхнепалеолитических стоянках юга Сибири уже не встречается. Главной добычей становится северный олень и, местами, лошадь. Большое значение имеет охота на аргали, по размеру не уступающему северному оленю, но не водящемуся такими большими стадами. Охотятся на зубра, благородного оленя, кулана и лося. В горных районах одним из основных объектов охоты становится сибирский козерог.

На верхнепалеолитических стоянках конца плейстоцена, расположенных в Присаянье, нет остатков северного оленя, что можно объяснить лишь тем, что этот вид, являющийся основной охотничьей добычей в верхнем палеолите долины Енисея, не находил уже в то время благоприятных условий для своего существования на этой территории. Основной добычей здесь становится благородный олень⁴.

С развитием лесных ландшафтов в голоцене, в эпоху неолита, основными объектами охоты становятся лось, благородный олень и бурый медведь, а в лесостепных ассоциациях юга Сибири большое значение в жизни неолитического населения имела охота на массовый вид этой территории — косулю (*Capreolus capreolus pygargus*). Стал объектом охоты и кабан (*Sus scrofa*). В эпоху неолита появляется охота на таких пушных зверей, как бобр и соболь, которая позднее, в эпоху бронзы, развивается в специализированный промысел.

В каменном веке специализации охоты не существовало. В основном добывался всегда наиболее многочисленный в районе стоянки вид, дающий большее количество мяса или являющийся наиболее легкой добычей (получить больше мяса, затратив меньше труда). Одновременно добывались и другие животные. Преобладание разных видов животных на близкорасположенных одновозрастных стоянках или в разных слоях одной стоянки объясняется незначительными изменениями климатических факторов, которые могут быть крайне существенными для жизни отдельных видов. Разнообразие состава объектов охоты и численности добываемых видов на палеолитических стоянках долины Енисея также подтверждают отсутствие специализации охоты в то время⁵.

На мелких животных в эпоху палеолита практически не охотились. Исключение составляет заяц-беляк в периоды его массовой численности и, видимо, в отдельные годы, в зимнее время — песец, который в пищу не употреблялся, но использовалась его шкурка.

Охота на птиц носила случайный характер. Кости их в стоянках эпохи палеолита единичны и представлены в основном белой куропаткой (зимний период) и водоплавающими (летний).

Рыба в палеолите Сибири не имела значения как источник питания. В неолите добывают, в основном, крупную рыбу — осетра и тайменя.

Поселения охотников в палеолите Сибири имеют как относительно оседлый так и временный или сезонный характер. Наиболее оседлыми были племена ранней стадии верхнего палеолита, основными объектами охоты которых являлись крупные животные — мамонты и шерстистые носороги, позволяющие долгое время существовать поблизости от района обитания этих животных, добыча которых на долгое время обеспечивала людей мясом.

Временный или сезонный характер поселений верхнего палеолита зависел от обеспеченности того или иного региона стадными животными, пасущимися относительно постоянно на определенной территории или имеющими сезонные перемещения. Так называемых «бродячих охотников» в палеолите Сибири не было, они могли перемещаться лишь из района обитания одной популяции основного объекта охоты в район другой популяции.

Как правило с берегами рек Сибири были связаны стоянки более теплого времени года (время открытой воды), что в свою очередь связано с охотой на водопоях животных и с продвижением животных вдоль рек. В зимнее время стоянки могли располагаться на высоких террасах и водоразделах вдали от берега реки. О временном пребывании стоянок на берегах рек свидетельствуют и стерильные прослойки аллювия между культурными слоями.

В эпоху неолита древние охотники Сибири вели более подвижный образ жизни, так как лесные животные не образуют крупных стад и приходится чаще менять места охоты. Появление морского промысла и рыболовства к концу неолита способствовало развитию оседлости.

О непосредственной близости поселений каменного века к месту самой охоты свидетельствуют расположенные в анатомическом порядке в слоях поселений несъедобные части туши убитых животных, которые должны были быть оставлены на месте их добычи.

Различная степень использования человеком в пищу добытого животного зафиксирована на разных поселениях и зависит от насыщенности района стоянки объектами добычи. В наиболее благоприятном положении находились охотники на крупных животных (мамонтов, носорогов). Здесь обычно мало разбитых костей. В отдельные времена верхнего палеолита ощущался голод, о чем свидетельствуют даже разбитые II фаланги парнокопытных.

В неолите кости разбивались уже очень мелко, и I и II фаланги парнокопытных почти на всех стоянках разбиты (высасывался мозг). С развитием скотоводства утилизация костей уменьшается, начинают опять встречаться неразбитые кости.

Начиная с эпохи мустье в Сибири наблюдается использование костей животных в качестве орудий, но это еще не специально сделанные орудия, а лишь специально подобранные для той или иной цели обломки костей.

В верхнем палеолите костяная индустрия уже хорошо представлена и в виде орудий и как украшения, а в неолите и к началу бронзы использование костей в быту достигает своего апогея, так, например, в погребении окуневской культуры на обуви были нашиты по типу бисера зубы более 300 соболей⁶.

Таким образом, охота в каменном веке Сибири развивается от добычи более крупных стадных животных в начале верхнего палеолита к более мелким стадным в поздней стадии верхнего палеолита и к лесным нестадным животным в неолите.

- ¹ *Ермолова Н. М.* Фрагменты экологии человека каменного века Сибири.— В кн.: Соотношение древних культур тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1975.
- ² *Абрамова З. А., Ермолова Н. М.* Грот Двуглазка — жилище неандертальца.— *Природа*, 1976, № 12.
- ³ *Абрамова З. А., Ермолова Н. М., Ерицын Б. Г.* Новый мустьерский памятник Южной Сибири.— Археологические открытия 1975 года. М., 1976; *Абрамова З. А., Ермолова Н. М., Лисицын Н. Ф.* Раскопки грота Двуглазка в Хакасии.— Археологические открытия 1978 года. М., 1979.
- ⁴ *Ермолова Н. М.* Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск, 1978; *Ермолова Н. М.* Особенности формирования териофауны палеолита Енисея.— В кн.: Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982.
- ⁵ *Ермолова Н. М.* Охота и природа Южной Сибири в каменном веке.— В кн.: Палеоэкология древнего человека. М., 1977.
- ⁶ *Комарова М. Н.* Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее.— В кн.: Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.

Н. В. ЛЕОНОВА

ПЛАНИГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВ УТИЛИЗАЦИИ ОХОТНИЧЬЕЙ ДОБЫЧИ НА МАТЕРИАЛАХ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II

Для воссоздания исторического процесса большую роль играет понимание различных сторон социальной и хозяйственной деятельности древнего человека. В связи с этим изучение планиграфии древних стоянок, в структуре которых находит отражение разнообразная деятельность по утилизации охотничьей добычи, представляется весьма перспективным, так как дает дополнительную информацию о хозяйстве древних охотничьих коллективов. При этом не следует забывать о том, что эта информация в значительной степени неполна в силу конкретных условий формирования и залегания культурного слоя стоянок, но тем не менее данные планиграфических исследований могут служить существенным дополнением при комплексном изучении источника.

Рассмотрим некоторые планиграфические наблюдения над распределением фаунистических остатков на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка II. Стоянка Каменная Балка II вместе с рядом других стоянок верхнего палеолита, относящихся, вероятно, к одной археологической культуре, расположена на высоком борту древней балки, разрезающей правый берег Дона близ его устья. Стоянка открыта и исследовалась М. Д. Гвоздовер с 1958 по 1971 г., а с 1978 г. работы продолжает Донская археологическая экспедиция Истфака МГУ. К настоящему времени на стоянке вскрыто более 700 кв. м культурного слоя. Стоянка является выразительным образцом долговременной базовой стоянки, где происходила самая разнообразная деятельность по использованию охотничьей добычи¹.

Скопления фаунистических остатков и смешанные скопления кремня и кости располагаются по площади стоянки неравномерно (рис. 1). Неравномерны также качественный и количественный состав костных и смешанных скоплений, их взаимосвязь с крупными скоплениями кремня. Это позволяет намечать выделение различных хозяйственных зон, а также дает возможность рассматривать и различные аспекты использования продуктов охотничьей добычи. Самые мощные скопления кости можно отметить в южной, юго-западной и восточной частях стоянки. Остальные

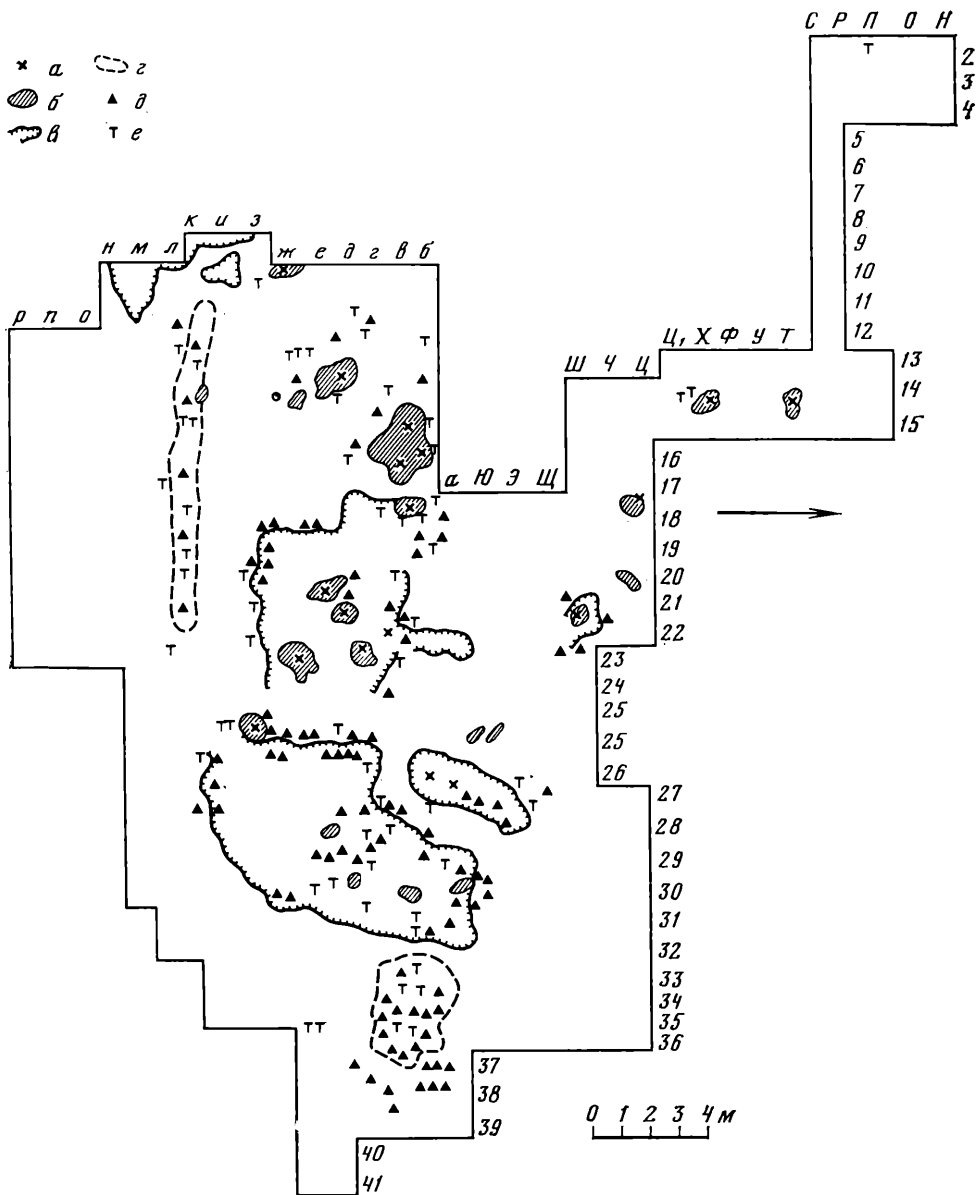

Рис. 1. Схема расположения основных структурных элементов культурного слоя на стоянке Каменная Балка II

а — очаг; б — зольное пятно; е — гумусированность; з — крупное скопление костей; д — длинные кости; е — тазовые кости

скопления кости чаще всего невелики по площади и приурочены к скоплениям кремня, очагам (рис. 1).

Основными объектами охоты обитателей стоянки, судя по составу костных скоплений, были древние зубры (*Bison pr.*) и дикая лошадь (*Equus caballus*); встречены северный олень (*Rangifer tarandus*), бурый медведь (*Ursus arctus*), заяц (*Lepus sp.*), баран (*Ovis ovis*), различные грызуны². Бизон представлен 849 определимыми костями от 49 особей, лошадь 705 костями от 39 особей, остальные виды единичны. Следует отметить, что кость на стоянке очень сильно фрагментирована в результате человеческой деятельности и воздействия природных факторов, поэтому доля определимых костей мала по сравнению с количеством кости в слое вообще. Плохая сохранность кости во многом ограничива-

ла возможности предпринятого исследования, но тем не менее выборка определенных костей достаточно репрезентативна и, видимо, довольно объективно отражает видовой состав фауны и характер использования промысловых животных³.

У двух основных промысловых видов: бизона и лошади — наиболее полно представлены длинные кости конечностей, тазовые кости, зубы, нижние челюсти. Позвонки и ребра практически отсутствуют, очень мало лопаток. Характерно, что при большом количестве зубов, черепных костей также очень мало. После статистической проверки выяснилось, что значимо различаются группы костей базиподия (бизон — 18,7%, лошадь — 12,2%); таза (бизон — 10,9%, лошадь — 3,9%). Несмотря на общее преобладание костей бизона, зубов его встречается в два раза меньше, чем зубов лошади: бизон — 21,5% (158 экз.), лошадь — 48,6% (234 экз.). Нижних челюстей лошади в костном материале значительно меньше, чем фрагментов верхних челюстей или мозговой части черепа.

Отсутствие среди костных остатков целых групп костей, соответствующих определенным частям скелета, групп костей, расположенных в анатомическом порядке, позволяет предположить, что разделка туш проводилась вне базовой стоянки, а на нее приносились лишь определенные их части. Подобная практика широко известна у различных охотничьих племен и достаточно отражена в литературе⁴.

Перейдем к рассмотрению планиграфического распределения представленных на стоянке различных групп костей.

Длинные кости конечностей (рис. 1).

В эту группу объединены все кости передних и задних конечностей, за исключением костей стопы. Зачастую это кости с одним сохранившимся эпифизом. Распределение длинных костей передних и задних конечностей не различается.

Длинные кости конечностей встречаются в основном у крупных скопленений культурных остатков и у очагов. Среди длинных костей довольно много стоящих вертикально и наклонно в небольших скоплениях из массивных костей, расположенных в неглубоких ямках. Эти скопления часто располагаются группами. Такие ямки со вкопанными костями (сохранившимся эпифизом вниз) обнаружены в нижней части длинного костного скопления в юго-западной части стоянки, вблизи очагов, а также вокруг весьма специфического скопления культурных остатков, характер которого позволяет трактовать его как остатки наземного жилища. Возможно, что ямки со вкопанными костями могли быть элементами каких-то легких строительных конструкций. Подобные ямки встречены и у очагов, где они могли служить для создания ветровых заслонов. Некоторая часть длинных костей с эпифизами и без них лежит в непосредственной близости от очагов и, возможно, является запасами топлива или поделочного сырья.

Довольно много длинных костей расположено в восточной части стоянки, в большом (3×2 м) костном скоплении овальной формы.

Кости таза и лопатки (рис. 1).

Тазовые кости встречаются в крупных скоплениях костей и близ очагов, очень редко они встречаются в ямках со вкопанными костями. Исключением является длинное скопление костей в южной части стоянки, где кости таза вместе с трубчатыми костями служили материалом для забутовки. Обычно же тазовые кости встречаются в верхних частях костных скоплений. Очень много тазовых костей окружает по периметру уже упоминавшееся скопление на месте предполагаемого жилища, образуя вместе с длинными костями и редкими лопатками единую систему. Лопаток вообще очень мало, и они в основном находятся в овальном костном скоплении в восточной части стоянки.

Кости стопы

Кости стопы встречаются практически по всей центральной части раскопанной площади, но, как правило, их нет вблизи очагов, они не составляют сколько-нибудь характерной черты каких-либо скоплений.

их нет с южной и юго-восточной стороны предполагаемого жилища, они не попадают в забутовки ямок. Больше всего костей стопы в овальном костном скоплении, встречаются они и в длинном скоплении кости. Распределение этой группы костей не позволяет судить о какой-либо отсортированности материала. Скорее всего это можно объяснить тем, что стопы копытных животных не используются в пищу, не использовались для поделок и, видимо, не имели какого-то культового значения. Совсем иной характер имеет находка костей лапы медведя в ямке вблизи очага — весь археологический контекст свидетельствует о ее особом значении.

Челюсти и зубы

Почти все челюсти, к сожалению, плохой сохранности, располагаются в скоплениях кремня вблизи очагов, очень редко они встречаются в костных скоплениях, единственный раз челюсть бизона найдена под очагом. В тех скоплениях кремня, где были найдены нижние челюсти всегда очень много пластинок с притупленным краем. Возможно, что такая отсортированность материала указывает на то, что нижние челюсти использовались в определенных технологических операциях. Нижняя челюсть лошади очень прочна и, кроме того, при незначительной доработке (удаление зубов, что крайне несложно) могла использоваться как основа при изготовлении вкладышевого орудия⁵. Может быть, этим можно объяснить относительно большое количество нижних челюстей лошади, найденных на стоянке, при отсутствии костей черепа, и их взаимосвязь с микропластинками с притупленным краем.

Зубы распространены по всей площади стоянки и не приурочены к каким-либо объектам или скоплениям. Следует отметить, что на месте предполагаемого жилища зубы встречаются лишь по краям в сочетании с другими костными остатками.

В 1979 г. была найдена ямка, заполненная зубами лошади, аналогичных находок на стоянке пока не обнаружено.

Неравномерность в количественном составе верхних и нижних зубов и челюстей была отмечена выше и, возможно, объясняется особой ценностью нижней челюсти для каких-то производственных целей.

Подводя итоги вышесказанному, попытаемся оценить характер утилизации разных групп костей. В основном это кости посткраниального скелета; сильно разрушенные кости черепа встречаются очень редко — остатки 3 черепов (2 бизона, 1 лошадь) встречены на месте предполагаемого жилища. Представляется, что длинные кости с эпифизами и тазовые кости в основном использовались как строительный материал при создании легких наземных конструкций — эпифизы и длинные кости как упоры для столбов, а тазы для обкладки и придавливания шкур. Такие конструкции могли быть у очагов и у мест, где происходила активная обработка кремня. Длинные кости могли служить и запасами топлива.

Челюсти — возможный поделочный материал или какой-то технологический элемент, использовавшийся в производственном процессе.

Вернемся теперь к рассмотрению плана стоянки (рис. 1)

Длинное костное скопление в южной части стоянки является, по-видимому, остатками какой-то строительной конструкции, разделявшей два различных по характеру участка стоянки. Один из них связан с активным расщеплением кремня, на другом культурный слой необычайно беден. Рядом с основанием этого костного скопления в 1969 г. был открыт клад кремневых изделий и сырья⁶.

Длинное костное скопление не носит характера хаотического намыва кости, прилежащие участки слоя не несут каких-либо следов переложности, скопление достаточно мощное, четко выраженное в плане, по осевой его линии прослеживаются ямки со вкопанными костями.

Овальное костное скопление в восточной части стоянки, состоящее в основном из крупной расщепленной кости, представляет собой не столько свалку, сколько потенциальный склад топлива и сырья, так как здесь много длинных костей с эпифизами, много тазовых костей, несколько лопаток, остатки двух черепов, челюсти. В пользу этого предположения го-

ворит и то, что здесь же найдены и единственные группы костей в анатомическом порядке (кости ног лошади).

Группа небольших костных скоплений, образующих фигуру овально-округлой формы в юго-восточной части стоянки, возможно является остатками конструкции легкого наземного жилища.

Обратимся теперь к иным аспектам рассмотрения планиграфического распределения кости. Большая насыщенность слоя Каменной Балки не позволила выделить участки, связанные с охотой на один из видов животных, однако можно отметить известное преобладание кости бизона в юго-юго-восточной части стоянки и большое количество костей лошади на северо-северо-западе. Намечается участок к западу от длинного скопления костей, где практически найдены все костные остатки северного оленя. Причем кости оленя встречаются только с костями лошади. Наблюдения подобного рода могут помочь проследить отдельные периоды (сезоны) охоты на тот или иной вид животных.

Как уже говорилось выше, плохая сохранность кости на стоянке обусловила отсутствие костяных поделок. Однако обилие резцов и резцовых отщепков в кремневом инвентаре стоянки позволяет намечать выделение мест работы с костью. Сочетание большого количества резцов и резцовых отщепков с крупными костями позволяет считать такими местами кв. И-23 (5 резцов и 24 резцовых отщепка), кв. БВГД-21, 22 (128 резцов), кв. Л-19, 20 (29 резцов), кв. Д-36, Ж-29 (18 резцов), кв. Ж-21 (24 резца, 34 резцовых отщепка).

Одним из видов использования продуктов охоты было шитье одежды из меха и кожи, а также использование шкур в ветровых заслонах и жилищах. Об использовании шкур мы можем говорить гипотетически, опираясь на этнографические аналогии. В нашем материале об этом могут говорить относительно широкие тазовые кости, которые очень редко бывают углублены, а чаще всего расположены у очагов, ямок с вертикально вкопанными костями и по краям предполагаемой строительной конструкции — следовательно они могли служить для придавливания нижнего края шкур.

О шитье одежды и обработке меха говорит обилие скребков и довольно большое количество проколов (47 шт.) в кремневой коллекции. Выделяются участки на кв. БВ-19, 22 (9 прокол, 2 микроострия); кв. ВЗ-23, 24 (9 прокол), Е-31, Ж-29 (12 прокол); АВ-31, 32, 33 (2 микроострия, 3 микрорезца, 14 скребков), кв. 7 (10 скребков), И-19 (8 скребков) и т. д., где имеется достоверно значимое преобладание проколов и происходили эти операции. Но так как слой стоянки Каменная Балка II очень насыщен, что, видимо, свидетельствует о достаточно длительном обитании, выделение таких участков можно считать только предположением. На памятниках с тонким культурным слоем подобные процедуры могут быть более достоверными.

Подводя итоги вышесказанному, можно еще раз отметить довольно высокую информативность планиграфического исследования памятников каменного века для построения реконструкций различных сторон хозяйственной жизни древнего общества.

¹ *Гвоздовер М. Д.* Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона.— В кн.: *Борисковский П. И., Праслов Н. Д.* Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л., 1964; *Гвоздовер М. Д.* О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона.— *Вопросы антропологии*, 1967, вып. 27; *Леонова Н. Б.* Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений.— *Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977.*

² Фаунистические определения сделаны Э. А. Вангенгейм.

³ *Olsen S. J.* The relative value of fragmentary mammalian remains.— *American Antiquity*, 1961, vol. 26, N 4; *Idem.* Zooarchaeology and their interpretation. Addison-Wesley Modular Publication, Module 2, 1971, p. 1—30.

⁴ *Binford L. B.* Nunamiut ethnoarchaeology.— NY, 1978.

⁵ *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы. М.; Л., 1935, с. 79; *Коробкова Г. Ф.* Древнейшие жатвенные орудия и их производительность.— *СА*, 1978, № 4;

Childe U. G. The story of tools. London, 1944, p. 9, fig. 48; Cutwen E. C. Prough and Pasture. London, 1946, p. 90.
* *Гвоздовер М. Д., Леонова Н. Б. Клад*

кременя из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II.— В кн.: Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977.

В. И. БИБИКОВА

ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ В ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Развитие фауны млекопитающих в позднем квартере, в том числе и фауны промысловых животных, на территории юга Европейской части СССР проходило различно в горно-крымском и степном регионах¹.

В памятниках палеолита и мезолита Северного Причерноморья животные, добываемые для пищи, представлены, как правило, всеми частями скелета, что позволяет говорить о добыче их близости от мест обитания древнего человека. Особенно четко это прослеживается на территории Крыма, где поселения разного возраста расположены рядом или даже на одном месте, сменяя друг друга.

Средне- и позднепалеолитические поселения постоянного типа в Крыму располагались преимущественно на границе предгорий и равнины в речных долинах (Киик-Коба, Заскальное, Волчий грот, Чокурча, Шайтан-Коба, Сюреньские навесы, Мурзак-Коба и др.). Естественно, что охота проводилась в различных биоценологических условиях — горных и предгорных ландшафтов и открытых пространств на животных с различными биологическими и поведенческими характеристиками. Хотя человек удалялся от места своего постоянного обитания не далее 30—40 км в условиях равнины, а в закрытых биотопах и горных участках — еще меньше.

Для горно-крымского региона хорошо изучена фауна среднего палеолита. Основными промысловыми формами в это время здесь были мамонт и гидрунтинный осел, плейстоценовая лошадь, первобытный бизон и сайгак. Особенно много мамонта добывалось в нижней части предгорий (Чокурча, Волчий грот, Заскальное и др.), где остатки мамонта на поселениях составляют 14—15%. В памятниках же, находящихся на более высоких уровнях предгорий и низких гор (Киик-Коба, Шайтан-Коба, Кош-Коба) этот показатель составляет всего 3—4%. В среднем палеолите в Крыму особенно много добывалось осла (70% по костным остаткам). В поселениях, расположенных на границе со степной зоной (Чокурча, Староселье, Киик-Коба и др.) наиболее многочисленны остатки лошади, осла и бизона. Кости сайгака встречаются во всех поселениях среднепалеолитического возраста, но особенно его много в Аджи-Коба, расположенном в зоне высокой яйлы, где сайгакам принадлежат более 90% всех костей. Помимо этих животных в эпоху среднего палеолита в Крыму добывали, хотя и значительно реже, гигантского, благородного и северного оленей, косулю, кабана, барана и шерстистого носорога².

В эпоху позднего палеолита промысловая фауна Крыма имела несколько обедненный видовой состав, чем в среднем палеолите. Исчезли мамонт и носорог, не обнаружена косуля. Основной охотничьей добычей был сайгак (более 77% от общего числа костей). Существенную роль в промысле в это время играли лошадь, бизон, гигантский и благородный олени. Совсем мало в позднем палеолите Крыма добывалось северного оленя, осла и кабана.

В мезолите, в результате общего изменения биоценологической обстановки к началу голоцена, направление охотничьего промысла в Крыму

меняется очень существенно. Исчезает северный олень. Основными объектами добычи становятся животные полузакрытых и закрытых биотопов: благородный олень, кабан, косуля. Заметное значение еще сохраняет сайгак. Лошадь, осел и бизон становятся случайной добычей. Причем роль кабана и косули как охотничьей добычи, к позднему мезолиту значительно возрастает, а благородного оленя — падает.

Уменьшается в Крыму и значение, как объектов охоты, сайгака, добыча которого в позднем мезолите резко сократилась, лошади, осла (0,7% костей и 3,1% по особям в раннюю и менее 0,1% костей и 0,6% особей в позднюю пору мезолита) и бизона.

В степной зоне Северного Причерноморья в среднем палеолите, по данным двух памятников — Кодак в Надпорожье Днепра³ и Антоновка II на Донбассе (по раскопкам В. Н. Гладылина) основными объектами добычи были мамонт и бизон. Из других крупных животных добывались шерстистый носорог, лошадь, гигантский, северный и благородный олени.

В позднем палеолите в степи исчезли мамонт, носорог и гигантский олень. Охота велась главным образом на бизона, остатки которого доминируют во всех многочисленных местонахождениях этого региона. Особенно выделяются такие памятники как Амвросиевка с его «бизоньей монокультурой», Аккаржа в Одесской области⁴. Ведущим промысловым видом является бизон и в Анетовке II* в Ильской и в Каменной балке II⁵. Повсеместно в степи велась охота на лошадь. Остатки (кости) ее, как и бизона, встречаются во всех позднепалеолитических памятниках этой зоны, но всюду по количеству уступают остаткам бизона.

Северный олень в позднем палеолите степной зоны играл незначительную роль в охотничьей добыче, за исключением поселения на юге Волыно-Подольской возвышенности Владимировка, где остатки его составляют 92% от всех костей (Бибикова, Белан, 1979). Редкой добычей в позднем палеолите степной зоны был и сайгак.

В мезолитическое время в степной зоне Северного Причерноморья состав основных промысловых животных, как и в Крыму, по сравнению с поздним палеолитом, существенно меняется**.

К началу мезолита на этой территории исчезают северный олень и, по-видимому, лошадь, а возможно и бизон. Остатков этих видов пока не встречено. Для ранней поры мезолита степей известны остатки тарпана, тура и сайгака⁶. Основу охотничьего промысла в раннем мезолите в степи составлял тарпан. Заметную долю в добыче имел и тур, в меньшей степени — сайгак.

В позднем мезолите, судя по материалам памятников Гиржево и Мирное, состав добывавшихся в степной зоне животных расширяется. Меняется и направление промысла. Основным в промысле обитателей степи в это время становится тур. Довольно большое значение в позднем мезолите имела охота на тарпана. В это время по сравнению с начальной порой мезолита добыча тарпана снизилась примерно в 2—2,5 раза. В небольшом количестве в позднемезолитическое время добывался гидрунтинский осел, сайгак, кабан и благородный олень⁷.

На границе позднего палеолита и мезолита степной зоны Северного Причерноморья в развитии промысловой фауны также наблюдается смена видового состава основных промысловых животных.

На протяжении палеолита и мезолита в обоих регионах Северного Причерноморья идет процесс постепенного возрастания в добыче роли животных полузакрытых и закрытых биотопов и снижение охоты на животных открытых пространств. На территории горно-крымского региона в среднем палеолите остатки видов полузакрытых и закрытых биотопов составляют менее 3%. В позднем палеолите Крыма добыча этих

* Раскопки В. Н. Станко.

** Материалы по мезолиту степей имеются только с крайнего запада. Не исключено, что развитие фауны и промысла в восточной части зоны протекало несколько иначе.

животных несколько возрастает, составляя 13—14% всех находок. С началом мезолита добыча животных полузакрытых и закрытых биотопов в Крыму возрастает очень резко на что указывают 83% находок. В позднемезолитическое время значение этой группы животных в добыче обитателей Крыма становится почти абсолютным — количество остатков их составляет 96% от общего числа костей.

Процесс этот прослеживается и в степной зоне, хотя здесь он выражен менее четко, чем в Крыму. В среднем палеолите в зоне степи доля этой группы в охотничьих трофеях составляет чуть более 13% от общего числа костей. Для позднего палеолита этой зоны из видов, тяготеющих к закрытым местам обитания отмечены только благородный и гигантский олени и кабан. В мезолите значение животных полузакрытых и закрытых биотопов и стаций в промысле обитателей степи также возрастает, особенно к позднему мезолиту, когда количество костных остатков видов этой группы доходит до 84% от всего количества костей.

Смена основных объектов охоты на протяжении палеолита и мезолита, особенности биологии и различия их поведенческих реакций не могли не обусловить изменения типа промысла, а параллельно с этим и изменения охотничьего снаряжения. Преобладание в палеолите в териоценозах Северного Причерноморья крупностадных животных, в основном обитателей открытых пространств и нагорий — бизон, лошадь, осел, сайгак, мамонт, носорог и другие определило развитие в это время разного типа загонных охот с последующим добыванием раненых животных копьями, рогатинами, камнями, палками. По всей видимости, в тех условиях загонная охота была наиболее добычливой. С исчезновением и сокращением численности в конце среднего и особенно конце позднего палеолита крупных и крупностадных животных, облавные охоты становятся менее продуктивными.

Возрастание в конце позднего палеолита и в мезолите значимости в териоценозах Северного Причерноморья мелкостадных видов и обитателей полузакрытых и закрытых охотничьих угодий, определило смену типа промысла. Изменение типа охотничьих угодий, иные поведенческие особенности «новых» ведущих промысловых животных (благородный олень, косуля, кабан, тур, тарпан) определили изменение и вооружения охотников.

¹ Бибилова В. И., Белан Н. Г. Локальные варианты и группировки позднпалеолитического териокомплекса Юго-Восточной Европы.— Бюлл. Моск. общ.-ва исп. прир., отд. биолог. М., 1979, т. 84, вып. 3, с. 3—14.

² Громова В. И., Громов В. И. Материалы к изучению палеолитической фауны Крыма в связи с некоторыми вопросами четвертичной стратиграфии.— Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA). Л., 1937, 4, с. 52—96; Векилова Е. А. Каменный век Крыма. Некоторые итоги и проблемы.— МИА, 1971, № 173, т. 6, с. 117—161; Верещакин Н. К., Барышников Г. Ф. Млекопитающие предгорного северного Крыма в эпоху палеолита.— В кн.: Млекопитающие Восточной Европы в антропогене.— Труды Зоологического института АН СССР, 1980, т. 93, с. 26—49.

³ Подпличко И. Г. Фауна Кодацкой палеолитической стоянки. Природа, 1936, № 6, с. 118—120.

⁴ Бибилова В. И. О некоторых биологических чертах первобытного зубра.—

Бюлл. Моск. об.-ва исп. прир., отд. биол., 1950, т. 55, вып. 5, с. 35—43; Подпличко И. Г. Материалы до вивчення минулих фаун УРСР. Київ, 1956, вып. 2, 234 с.; Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днестра и Приазовья.— САИ. М.; Л., 1964, А1—5, с. 37—46.

⁵ Леонова Н. Б. Планиграфическое исследование свидетельств утилизации добычи на материалах стоянки Каменная балка II.— Тез. и докл. на Симпозиуме «Среда и охотничья деятельность в каменном веке. XI Конгресс INQUA. Тезисы докладов. М., 1982, т. 3, с. 193, 194.

⁶ Бибилова В. И. Фауна из мезолитических поселений Белолесье и Гиржево (Нижнее Поднепровье).— В кн.: Археологические исследования Северного Причерноморья. Киев, 1978, с. 17—29.

⁷ Бибилова В. И. Фауна из мезолитических поселений...; Бибилова В. И. Териофауна поселения Мирное.— В кн.: Станко В. Н. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982, с. 139—164.

EQUUS HYDRUNTINUS —
ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ
ОХОТНИЧЬЕЙ ДОБЫЧИ ЧЕЛОВЕКА
ВЕРХНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА

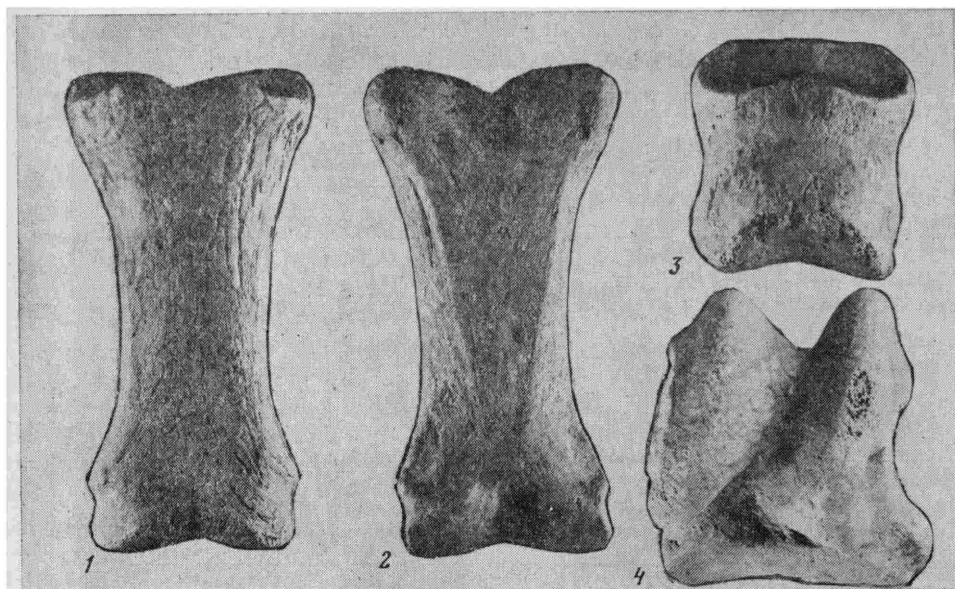
(по материалам южной зоны европейской части СССР)

На протяжении всего плейстоцена лошади были одной из доминирующих групп териофауны, обитавшей на территории Восточной Европы. По материалам плейстоценовых местонахождений остатков эквид установлено более 10 различных форм лошадей, описанных чаще всего в качестве самостоятельных видов или подвидов широко понимаемого вида *Caballus*. Остатки ослов на территории Восточной Европы встречаются начиная с конца эоплейстоцена¹. Их описывали под разными названиями: *Equus (Asinus) sp.*, *E. asinus*, *E. hemionus*, *E. hydruntinus*. Преобладающая часть находок оказалась принадлежащей виду *E. hydruntinus* Reg., называемому в палеонтологической литературе европейским ослом.

Остатки однопалых лошадей непременно встречаются в каждом более или менее крупном местонахождении и почти в каждом культурном слое палеолитических стоянок. Уже один этот факт сам по себе свидетельствует о том, что лошадь была одним из главных промысловых животных в охоте человека древнего каменного века.

Наиболее полную информацию о лошадях как предмете охоты дает верхний плейстоцен. По материалам стоянок европейской части СССР отчетливо выделяются две группы: крупные (кабаллоидные) лошади — *Equus latipes*, *E. cf. germanicus*, *E. cf. taubachensis* и мелкие (*E. hydruntinus* и *E. cf. hemionus*). На сопредельной территории, в Румынии к ним добавляется еще *Equus skythicus*², также представляющая собой мелкую лошадь. Для стоянок южной зоны Восточноевропейской равнины и северного Предкавказья в это время особенно характерно присутствие европейского осла.

На территории Восточной Европы самые древние остатки ослов встречены в отложениях таманского и тираспольского комплексов³. По отдельным находкам осел установлен в фауне сингильского комплекса Поволжья. Однако массовость это животное приобретает в верхнем плейстоцене. Этому времени уже отвечает высокая специализация охоты. Особенно интересен в этом отношении интервал, отвечающий началу последнего (валдайского) оледенения, с которым связано развитое мустье. Имеются основания думать, что широкое распространение на Восточноевропейской равнине *E. hydruntinus* получил еще в период микунинского межледниковья. Начавшееся валдайское оледенение резко сдвинуло на юг стада этих животных, создав этим кормовую базу для человека того времени. Это предположение находит свое подтверждение в археологических документах. Именно с культурными слоями развитого (позднего) мустье связаны наиболее богатые скопления остатков европейского осла. На Северном Кавказе — это стоянка у станции Ильской, в Приазовье — Рожок, в Молдавии — Дуруиторы и др. Особенно известен этот вид по мустьерским стоянкам Крымского полуострова (Чокурча, Заскальная IV, Староселье, Бахчисарайская, Киик-Коба, Чагорак-Коба, Аджикоба и др.). Сведения об облике этого животного дали нам материалы из стоянки Чокурча II (раскопки О. Н. Бадера в 1974, 1975 и 1977 гг.). Мустьерские слои крымских стоянок относятся к вюрму I⁴. В целом комплекс териофауны этого времени достаточно холодоустойчив. В нем обычны олени (северный и благородный), зубры, лисицы (в том числе и песцы), пещерные хищники (медведь, лев, гиена), сайгаки, мамонты и шерстистые носороги⁵.

Рис. 1. Остеологический материал из раскопок

1, 2 — первая задняя фаланга *Equus hydruntinus* из стоянки Чокурча II (ГИН № ЧП—43), вид впереди, вид сзади; 3 — вторая задняя фаланга *Equus hydruntinus*, оттуда же (ГИН № ЧП—18), вид спереди, нат. вел.; 4 — таранная кость *Equus hydruntinus* оттуда же (ГИН № ЧП—48), вид спереди, нат. вел.

Несмотря на то, что в ряде стоянок Крыма остатки европейских ослов существенно доминируют, трудно дать общее представление об этом животном. Среди костных остатков лучше сохранились мелкие кости конечностей и отдельные коренные зубы. Абсолютные размеры и индексы фаланг (рис. 1, 1—3; табл. 1—2) и таранной кости (рис. 1, 4; табл. 3) позволили убедиться, что остатки ослов крымских стоянок принадлежат форме, близкой к типичному *Equus hydruntinus* Regalia, лучше всего описанному из Отранте в Италии⁶. Однако средиземноморская раса этого вида, также хорошо представленная в материалах из грота Ригаб во Франции⁷, несколько стройнее восточноевропейской. Почти также строен осел из Бинагадов (Азербайджанская ССР), описанный В. Гаджиевым⁸ как *Equus cf. hydruntinus*.

Остеологические материалы местонахождений Восточной Европы свидетельствуют, что вид *E. hydruntinus* имел наибольшую экономическую ценность во время последнего межледниковья (R—W) и особенно для первой половины последнего оледенения (W₁). В это время в степных районах Восточной Европы был широко распространен зубр⁹. Но зубр не был там предметом регулярной охоты. Для разных районов был свой охотничий промысел. Для жителей горной части Кавказа главным источником существования был пещерный медведь. Его остатки найдены во всех кавказских стоянках¹⁰.

Европейский осел был основным объектом охоты позднемустьерского человека южной зоны равнинных областей Молдавии, Украины, Приазовья и Северного Кавказа. В центральных районах европейской части СССР этот вид лошади встречается редко. По мере развития эпохи последнего оледенения количество остатков ослов в стоянках палеолита заметно снижается. Этот вид уступает место лошадям группы *saballus*. Основным объектом охоты в верхнем палеолите становятся северный олень и мамонт. Однако лошадям еще принадлежит значительное место в комплексе промысловых животных. Находка остатков *E. cf. hydruntinus* в верхнем палеолите Костенок (Костенки XII) показывает, что этот вид продолжал встречаться в центре Восточноевропейской равнины до

Таблица 1
Первая и вторая фаланги Equus hydruntinus

№ п/п	Промер, мм, индекс, %	Чокурча II (сборы О. Н. Бадера), горизонт развитого мустье			
		первая фаланга		вторая фаланга	
		передняя	задняя	передняя	задняя
1	Полная длина кости	74-79	73-78	36	39
2	Длина по средней линии передней поверхности	68-74	71-72	28	30
3	Ширина верхнего конца	39-41	39-41	40	35
4	Ширина нижнего конца	34-36	33-34	—	33
5	Ширина кости в середине	25-26	23-24	—	31
	Индекс массивности (5 : 1)	32-34	29-30	—	79

Таблица 2
Третья (копытная) фаланга Equus hydruntinus

№ п/п	Промер, мм, индекс, %	Чокурча II (развитое мустье)	
		передняя	задняя
1	Длина кости вдоль передней поверхности	38-41	40
2	Поперечник кости	44-48	44
3	Наибольшая ширина кости	50-52	46
4	Высота кости	30-33	31
	Отношение ширины к длине (3 : 1)	125-136	115

Таблица 3
Таранная кость Tequus hydruntinus

№ п/п	Промер, мм, индекс, %	Чокурча II (развитое мустье)	
		левая	правая
1	Наружная длина	50	48
2	Внутренняя длина	48,5	48
3	Длина медиального гребня	50	—
4	Наибольшая ширина кости	47	47
5	Ширина суставного блока перпендикулярно к оси кости	39	37,5
	Индекс ширины к длине (4 : 2)	100	100

конца плейстоцена¹¹. Можно считать, что начало вымирания европейского осла приходится на самый конец последней ледниковой эпохи (поздний валдай) и примерно одновременно с мамонтом, шерстистым носорогом, пещерным львом и другими представителями мамонтовой фауны. На крайнем юго-западе Восточноевропейской равнины (уже на территории СРР) европейский осел зафиксирован еще в отложениях голоцена, в раннем неолите¹². На территории европейской части СССР отдельные находки обнаружены в среднем неолите (Селище, Оргеевский район МССР) и в позднетрипольском поселении у с. Маяки Одесской области¹³. В Западной Европе этот вид известен с датировкой около 10 тыс. лет, когда в составе фауны этого региона уже нет ни мамонта, ни шерстистого носорога, ни северного оленя¹⁴.

Суммируя имеющиеся сведения, можно сказать, что в плейстоцене Европы был очень широко распространен этот своеобразный вид осла. Его остатки встречаются довольно часто, но они повсюду очень фрагментарно представлены. До сих пор полный череп животного этого вида не известен. В связи с этим вид не рассматривался В. В. Айзенман¹⁵ в монографии о лошадях (*Equus sensu lato*). Тем не менее имеющаяся обобщенная морфологическая характеристика европейского осла даже позволила румынским палеонтологам отнести его к самостоятельному роду *Hydruntinus*¹⁶. Строение коренных зубов показывает, что *E. hydruntinus* не принадлежит к группе кабаллоидных лошадей. Это — мелкозубая форма. Ее верхние коренные зубы имеют короткий протокон. Очень характерно также строение нижних коренных зубов: наружная долина грубо проникает внутрь шейки двойной петли. По особенностям строения зубов *E. hydruntinus* обнаруживает сходство с *E. stenorhinus*¹⁷. Но по стройности метаподий и по усти копыт этот вид превосходит *E. stenorhinus*, приближаясь к стройности *E. hemionus*. По общим размерам метаподий и фаланг *E. hydruntinus* был значительно крупнее домашнего осла. Имеющиеся различия по абсолютным размерам и индексу метаподий позволяют выделить внутри вида *E. hydruntinus*, по крайней мере три популяции¹⁸. Среди них наиболее грацильными оказываются осла из Бинагадов, отнесение которых к *E. hydruntinus* сделано весьма условно¹⁹. Своеобразие морфологических особенностей костей европейского осла, известного по материалам румынских местонахождений, позволило П. Самсону²⁰ описать новый подвид *E. hydruntinus danubiensis*, который может рассматриваться как четвертая форма этого вида.

Несмотря на некоторую неясность видовой характеристики и систематического положения *E. hydruntinus* заслуживает пристального внимания, так как он играл заметную роль в фауне плейстоцена. Интервал его наибольшего распространения, падающий на начало вюрма, может служить геологическим коррективом.

Принято считать, что *E. hydruntinus* населял, главным образом, южную полосу Восточной Европы²¹. Предполагалось, что он не относится к группе холодоустойчивых животных, что именно суровые условия нарастающего похолодания заставили это животное отступить к югу. Видимо, это было не совсем так. Находка в Костенках XII (на широте Воронежа) в отложениях самого конца плейстоцена позволяет видеть, что это животное обитало среди холодоустойчивых животных. Вероятно, его северная граница очерчивалась северной полосой степи. Отодвижение зоны лесов к югу сдвигало и стада европейских ослов. Слабая складчатость эмали коренных зубов, крайняя узость копыт и длинные тонкие метаподии — это показатели его обитания на твердых каменистых почвах открытых ландшафтов.

¹ Алексеева Л. И. Териофауна раннего антропогена Восточной Европы. — Тр. Геол. ин-та АН СССР, 1977, вып. 300.

² Radulesco C., Samson P. Quelques observations sur *Equus scythicus*. — Zool. Anzeiger, 1962a, Bd. 169, N. 9/10.

³ Алексеева Л. И. Териофауна раннего антропогена...; Давид А. И. Териофауна плейстоцена Молдавии. Кишинев, 1980.

⁴ Векилова Е. А. Природные условия и человек в палеолите Крыма. — Тез. докл. Всес. сим. «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит)». М., 1973.

⁵ Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). —

Тр. Ин-та геол. наук АН СССР. М., 1948, вып. 64; Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. — В кн.: Материалы и иссл. по археологии СССР. М.; Л., 1960, № 81.

⁶ Stehlin H., Graziosi P. Recherche sugli asinidi fossili d'Europa. — Mem. de la Soc. Pal. Suisse, 1935, vol. LVI.

⁷ Bonifay M.-F. Presence d'*Equus hydruntinus* dans la grotte de Rigabe (Var.). — Annales de Palaéont., 1963, t. XLIX.

⁸ Гаджиев Д. В. Бинагадинский ископаемый осел *Equus cf. hydruntinus* Reg. — Тр. ест.-ист. муз. АН Азерб. ССР. Баку, 1953, вып. 6.

⁹ Громова В. И. К истории фауны млекопитающих Кавказа. — Изв. АН СССР, 1948, сер. биол., № 5; Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование...

- ¹⁰ Громова В. И. К истории фауны млекопитающих Кавказа...
- ¹¹ Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне.— Тр. Зоол. ин-та АН СССР, Л., 1977, т. 72.
- ¹² Necrasov O. Sur la signification de certains caractères morphologiques de Equus (Asinus) hydruntinus Reg.— An. St. Univ. «Al. I. Cuza», Jasi, 1965, 11; Necrasov O., Haimovici S. Sur la presence d'une espèce pleistocene d'Equidé Equus hydruntinus Reg. dans le Néolithique Roumain.— An. St. Univ. «Al. I. Cuza», Jasi, 1959, Sec. III, 5.
- ¹³ Бибикова В. И. Костные остатки льва из энеолитических поселений северозападного Причерноморья.— Вестн. Зоол. ин-та АН СССР, Киев, 1973, № 1; Давид А. И. Териофауна плейстоцена Молдавии...
- ¹⁴ Bonifay M.-F. Le gisement de la Baume de Valorgues à Saint-Quentin-la-Poterie (Gard) (Paleolitique superieur final et Epipaléolithique). II La grande faune.— Gallia Prehistoire, 1978, t. 24, 1.
- ¹⁵ Eisenmann V. Les chevaux (Equus sensu lato) fossiles et actuels Cahiers de paléont. Editions du CNRS. Paris, 1980.
- ¹⁶ Radulesco C., Samson P. Remarques sur quelques Equidé quaternaires de Roumanie.— Zool. Anzeiger, 1962b, Bd. 168, H. 5/6; Samson P. Ecvidele fosile din Romania (pliocen mediu — pleistocen superior). București, 1974. Rezum. tezei doctorat.
- ¹⁷ Громова В. И. История лошадей (рода Equus) в Старом свете.— Тр. Палеонт. ин-та АН СССР, 1959, т. XVII, вып. 1, ч. 1.
- ¹⁸ Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф. Млекопитающие предгорного северного Крыма в эпоху палеолита.— Тр. Зоол. ин-та АН СССР, Л., 1980, т. 93.
- ¹⁹ Гаджиев Д. В. Бинагадинский ископаемый осел...
- ²⁰ Samson P. Ecvidele fosile din Romania...
- ²¹ Громова В. И. К истории фауны млекопитающих Кавказа...

А. Е. МАТЮХИН

О ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ОРУДИЯХ ДЛЯ РАЗДЕЛКИ ОХОТНИЧЬЕЙ ДОБЫЧИ

Данные типологического и трасологического анализа свидетельствуют о том, что значительная часть апельских¹ и мустьерских² орудий из отщепов использовалась для разделки туш животных. Что касается функций галечных орудий, бифасов, колунов и пик, то здесь пока много неясного. Существенную важность представляют такие вопросы как эффективность и продолжительность работы разных категорий и типов орудий, соотношение рабочих и аккомодационных элементов, технико-морфологические показатели рабочих лезвий, признаки выкрашивания, взаимосвязь формы и функции, значение подправки, факторы формообразования орудий и т. п. Решение этих вопросов возможно лишь в ходе комплексного изучения археологических изделий. В частности, мы намерены использовать результаты опытов по разделке туш крупных животных³. В настоящей статье речь будет идти о макроорудиях и бифациальных орудиях (скреблах, остроконечниках, ножах, асимметричных и частично обработанных изделиях с гранью).

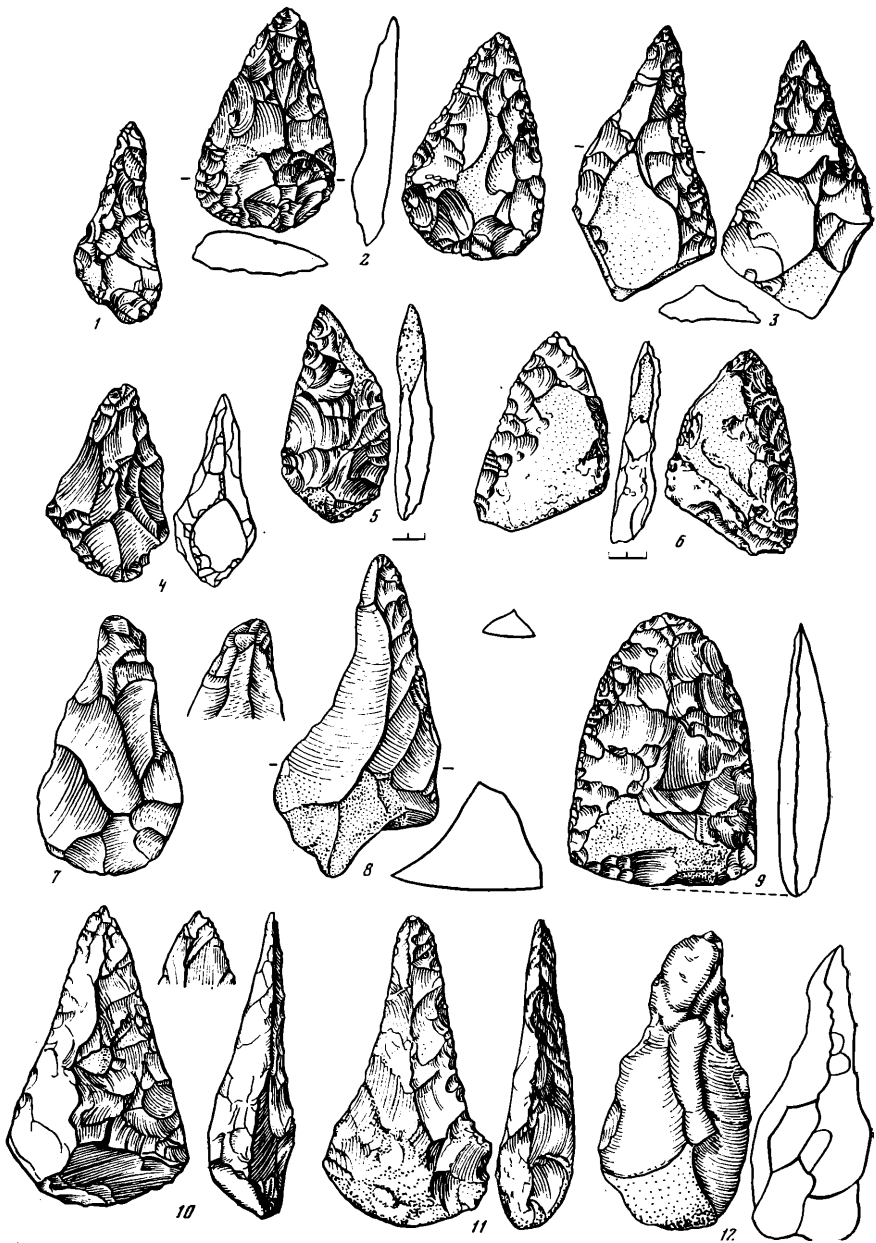
Основываясь на данных эксперимента, типологического и трасологического анализа археологических коллекций, можно выделить следующие важнейшие показатели орудий для разделки: общая форма, ее детали, вес, размеры, а также рельеф, протяженность, угол заострения и выраженность рабочих лезвий, особенности аккомодационных элементов, их соотношение с лезвиями и расположение последних в рабочей позиции. Необходимо принимать во внимание петрографические и физические свойства исходного материала.

Рассмотрим вначале галечные орудия. У большинства чопперов и чоппингов из преапельских и апельских стоянок небольшие размеры и лезвия с углом заострения 80—100°. Многие галечные орудия изготовлены из пород, которые при раскалывании не дают острых граней. Проведенные опыты показывают, что орудия длиной менее 10 см даже с углом заострения 40—50° мало пригодны для совершения полного цикла раз-

делки туш крупных животных, т. е. разрубания и резания мышц, сухожилий, фасций, кожи и мездры. С их помощью нельзя проводить и такую трудоемкую операцию как расчленение туши на крупные части. К числу признаков, снижающих рабочие свойства чопперов и чоппингов, следует относить извилистость, массивность, значительный угол заострения обработанного края, небольшие размеры, общую массивность изделий, наличие значительных необработанных участков. Орудия слабо погружаются в ткани и производят не расчленение, а их размочаливание. Лишь изделиями с очень тонкими и острыми лезвиями удавалось отделять мелкие куски мяса без крупных сухожилий, фасций и кожи. Вполне вероятно, что галечные орудия использовались в палеолите для других целей, например для рубки стволов и веток деревьев⁴, скобления шкур⁵ и т. п.

Перейдем теперь к бифасам и бифациальным орудиям. По технологическим и морфологическим показателям бифасы можно разделить на 4 группы: 1) полностью грубые изделия (ранний ашель), 2) массивные изделия с невыраженными краями, но острым концом (ранний и средний ашель), 3) относительно массивные изделия с уплощенными лезвиями (средний и поздний ашель), 4) плоские изделия (поздний ашель и мустье). Бифациальные орудия уместно разделить на 2 группы: 1) достаточно плоские, нередко асимметричные изделия из плиток, тонких желваков и кусков, иногда из отщепов, 2) частично двустороннеобработанные тонкие в сечении изделия из отщепов — скребла, остроконечники, лимасы, ножи. Длина многих грубых орудий (группа 2) из ашельских стоянок колеблется от 15 до 30 см. Верхний конец, нередко зауженный, имеет угол заострения 50—70°. Благодаря значительному весу они глубоко проникают в ткани, производя эффективные действия. Эти орудия вполне пригодны для разрубания, кромсания, разрывания, сдирания, соскабливания мышц, сухожилий, фасций и кожи (расчленение на куски), хрящей, а также для разъединения туши на отдельные части. Тем не менее их нельзя использовать для полной разделки туши. Не исключено, что различие формы и толщины верхнего конца указывает на разные функции грубых орудий, принадлежащих первым двум группам.

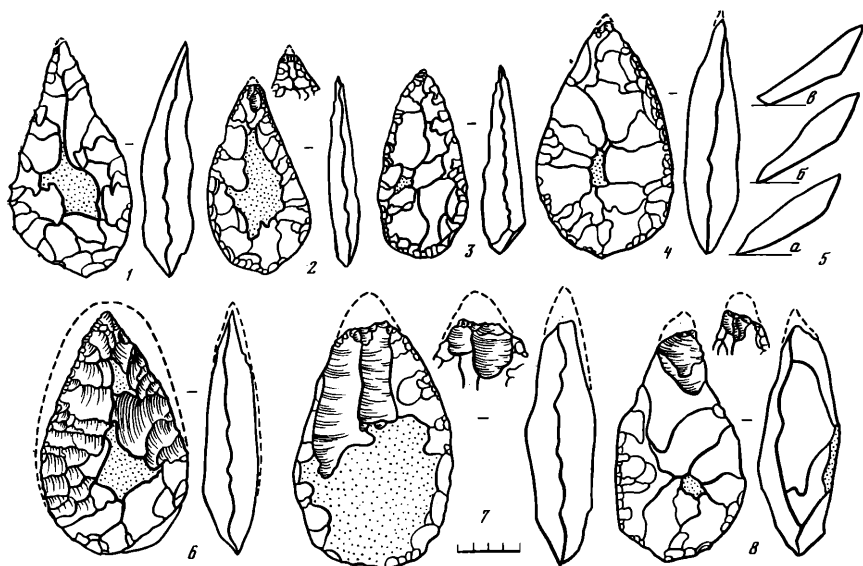
Уплощенные бифасы по морфологическим и технологическим показателям более разнообразны. Длина основной части ашельских бифасов 10—15 см. Что касается бифасов и бифациальных форм из микокских и мустьерских памятников, то их длина, как правило, менее 10 см. Сердцевидные удлинненные, треугольные микокские, копьевидные бифасы, фикроны и асимметричные бифациальные орудия с тонкими лезвиями можно относить к числу эффективных режущих орудий (рис. 1, 3, 5, 6, 8, 10, 11). Напротив, бифасы и колуны с широкими поперечными лезвиями менее эффективны. Наиболее оптимальные очертания продольных лезвий бифасов прямые или слегка выпуклые (рис. 1, 2, 3, 5, 10, 11). Высокие результаты показывают бифасы с зубчатыми лезвиями, глубокими негативами сколов, создающими острые межфасеточные ребра и со ступенчатыми участками. У всех режущих орудий выделяются два рабочих яруса: нижний или основной ярус, приуроченный к кромке и краю лезвия и верхний ярус, расположенный ближе к середине изделия. Отметим, что бифасы, имеющие исключительно ровные лезвия и плоские негативы сколов затупиваются гораздо быстрее, чем бифасы отделанные ступенчатой ретушью. Угол заострения у ашельских бифасов совершенно различный — от 50 до 80—90°. В позднеашельских и мустьерских индустриях часто встречаются бифасы с углом заострения 40—55°. В Заскальном 5 бифасы и бифациальные орудия с таким углом использовались, как показывает трасологический анализ, для разделки туш животных (рис. 1, 5). Нужно иметь в виду не только угол заострения края, но и кромки, что не одно и то же. Для разрубания и кромсания различного рода тканей более всего подходят бифасы с углом заострения 50—70°. Крайне важным признаком следует считать расположение лезвий в рабочей позиции орудия (рис. 2, 5, 2, 2, 3, 8). Если выпук-

Рис. 1. Ашельские и мустьерские орудия

1 — вероятная подправка ашельского бифаса из Фэра-Платта (по Уаймеру, 1968); 2, 3 — бифас и бифациальное орудие из микокских стоянок северо-западных немецких земель (2 — Рорбах, 3 — Клаузенише) (по Бозинскому, 1967); 4 — вероятная подправка бифаса из микокской стоянки Зинзинг (по Бозинскому, 1967); 5, 6 — бифациальные орудия из Заскальное (5 — по Колосову, 1979); 7 — бифас из среднеашельской стоянки Джиср-Банат-Якуб (по Штекелису, 1960); 8 — бифас из микокской стоянки Вокштайн (по Бозинскому, 1967); 9 — бифас из мустьерской стоянки Англии (по Роу, 1981); 10, 11 — бифас из ашельской стоянки Англии (по Роу, 1981); 12 — бифас из Тель-Убейд (по Штекелису, 1966)

лая часть лезвия обращена к поверхности туши, то при работе кромка будет принимать пассивное участие. Хорошо работают бифасы и бифациальные орудия, кромки лезвий которых смещены к нижней поверхности или расположены во фронтальной плоскости. С учетом всех изложенных признаков можно определить протяженность рабочей зоны орудий. К числу важнейших признаков, слагающих данный показатель, следует относить угол заострения, выраженность лезвия и его располо-

Рис. 2. Экспериментальные орудия

1, 3, 4 — нарушение симметрии дистального конца при резании и рубке; 2 — возникновение узкого доловидного конца от резания; 5 — положение режущего орудия в рабочей (а, б) и не рабочей (в) позиции; 6 — подправка бифаса; 7, 8 — следы работы на бифасах при прямом контакте с костью

жение в рабочей позиции орудия. У многих средне- и особенно позднеашельских бифасов рабочими являются один или оба продольных края (рис. 1, 8, 11). Однако у некоторых позднеашельских и мустьерских бифасов рабочая зона охватывает весь их периметр. В то же время в микокских индустриях ФРГ и ГДР, Франции, в мустьерских индустриях Крыма имеются бифасы и бифациальные орудия, у которых один продольный край является рабочим лезвием, а другой — аккомодационным участком (рис. 1, 3, 5, 6, 8). Это — специализированные орудия, т. е. ножи. Весьма существенным показателем эффективности бифасов и бифациальных орудий следует считать удобство их зажима. У значительной части ашельских и мустьерских классических бифасов аккомодационные и рабочие участки, как самостоятельные морфологические элементы, выражены не в полной мере (рис. 1, 1, 2, 9–11). Аккомодационный участок визуально можно выделять по наличию кромочной затупливающей ретуши (нередко нерегулярной) на крае с углом заострения $40-60^\circ$, крутого обработанного или необработанного края и вообще всякого менее выраженного края. Удобным местом для зажима является участок края, скошенный у основания (рис. 1, 3, 6, 10). Этот признак очень характерен для многих ашельских и мустьерских классических бифасов. У бифациальных орудий и некоторых сложных классических бифасов из микокских и мустьерских индустрий аккомодационные элементы становятся более разнообразными. Край скашивается не только у основания, но и у привершинной части. Наконец, скошенные участки почти не обрабатывались, что достигалось за счет соответствующего выбора исходной заготовки и ее ориентации в ходе обработки (рис. 1, 3, 5, 6, 8). Продольный аккомодационный край нередко подвергался по всей длине специальному затупливанию. У многих бифациальных орудий четко выделяются (по всей длине или нет) необработанные или обработанные продольные грани (рис. 1, 5, 6). Таким образом, аккомодационные участки становятся самостоятельными морфологическими элементами наряду с рабочими. Многие бифациальные формы, хотя они изготовлены из плиток, более напоминают орудия из отщепов, чем собственно бифасы (рис. 1, 6). Интенсивная обработка одной из сторон объ-

ясняется, как нам кажется, стремлением древнего мастера исходную заготовку-плитку сделать более плоской (рис. 1, 3). Обратная сторона оформлялась часто только по краям, как у скребел и остроконечников. Первичное уплощение заготовки и оформление орудия проводилось рационально и экономно. Совершенно справедливо отдельные исследователи многие бифациальные формы относят к ножам⁶. Удобным аккомодационным элементом является и нижняя часть удлиненного орудия, т. е. рукоятка.

Продолжительность работы одним орудием зависит от протяженности и выраженности рабочего лезвия, степени его выкрашивания, типа сырья, характера тканей, из которых состоит туша и т. п. Если не происходит заметного выкрашивания, то орудия тупятся через 10–15 мин, а при самообновлении лезвий — через 3–6 часов без подправки (рис. 2, 1, 4). Когда осуществляется регулярная подправка, то относительно крупными бифасами можно работать от 15 до 40 часов. Не в этом ли кроется ответ на вопрос, почему в инвентаре некоторых ашельских стоянок мало бифасов? Таким образом, эффективность бифасов заключается в высоких механических свойствах, большой протяженности рабочих лезвий, удобном зажиме, длительности использования, возможности многократных подправок и применении данных орудий в различных операциях. Вообще бифасами и бифациальными орудиями удается проводить полный цикл разделки туши животного, хотя применение орудий из отщепов часто бывает необходимым, во всяком случае целесообразным.

Теперь остановимся на вопросе формообразования орудий в процессе выкрашивания и подправки. При интенсивном выкрашивании (резание, рубка) заостренный конец может превратиться в долотовидный или овальный (рис. 2, 2, 8). В других случаях у рабочего конца появляются зубчики, выемки, забитость, т. е. нарушается его симметрия (рис. 2, 3, 4, 7). Такие бифасы можно выделить, по-видимому в некоторых ашельских и мустьерских стоянках Англии, Франции⁷ и более уверенно — в мустье Крыма (рис. 1, 10, 12). В ходе интенсивных ударов по кости, например, при разъединении туши на отдельные части, выкрашивание будет особенно заметным (рис. 2, 7, 8). Так, миндалевидный бифас превращается в овальный или бифас с поперечным лезвием или в лиманд (рис. 2, 7, 8). Не исключено, что бифасы с негативами крупных сколов от работы присутствуют в пещере Кента, Брикхаме⁸, Тель-Убейдии⁹, Джиср-Банат-Якубе¹⁰, Апремоне, Мар-о-Клере¹¹ и других ашельских памятниках (рис. 1, 7–12). В ходе подправки галечные орудия и бифасы незначительно или заметно меняют свою первоначальную форму (рис. 2, 6). Установить это с уверенностью на археологических материалах пока трудно. Приходится основываться лишь на косвенных данных. Так, подправка орудия часто бывает невозможной без нарушения его пропорции и симметрии (рис. 1, 3, 4). Подправленными могут оказаться бифасы, у которых заметно заужена верхняя часть (основание широкое), а также бифасы с «плечиками» или вогнутым участком у привершинной части¹² (рис. 1, 1, 3, 4, 8). Неоднократной подправке могли подвергаться асимметричные и мелкие бифасы, отмеченные во многих ашельских и мустьерских памятниках (рис. 1, 1, 4). Ясно одно, что переоформление орудий было таким же неизбежным и закономерным технологическим условием палеолитического производства, как и их изготовление. На это указывают материалы многих поселений¹³.

В итоге логично будет полагать, что не всегда конкретные формы орудий планировались древними людьми на стадии изготовления в соответствии с теми или иными этно-культурными традициями. Формы могли возникать в некоторых случаях от работы, или в ходе подправки, т. е. на стадии использования¹⁴. Формообразование орудий — это сложный динамичный процесс, который можно понять лишь принимая во внимание следующие факторы: функцию, технологию изготовления, особенности исходного материала, форму первичных заготовок, характер конкретной работы, технические традиции, привычки, индивидуальную манеру масте-

ра, уровень физического и интеллектуального развития людей и т. п. Культурный фактор, по нашему мнению, можно выделить путем соответствующего согласования перечисленных выше факторов. Высокую эффективность бифасов, как нам представляется, следует считать одной из причин их длительного существования в палеолите. В целом бифасы менее экономичные и мобильные орудия, чем остроконечники и скребла. Однако многие плоские удлиненные бифасы не менее эффективны, чем орудия из отщепов. По-видимому, классические бифасы в недостаточной мере отражают все стороны эволюции формы, технологии и функций орудий раннего и среднего палеолита¹⁵. Даже у прекрасно изготовленных мустьерских бифасов существенной детализации и усложнения формы не произошло. С практической точки зрения они столь же недостаточно рациональны и динамичны, как и ашельские изделия. В то же время будет нелогично полностью рассматривать классические бифасы вне поступательной линии развития палеолитических орудий¹⁶. Многие нестандартные бифасы и бифациальные орудия свидетельствуют о разложении традиционной формы, ее дифференциации, динамичности, появлении запланированных специализированных орудий для разделки охотничьей добычи и обработки ее продуктов. Это другая линия развития двусторонне-обработанных форм вообще. Если классические бифасы как по форме, так и технологии изготовления все более и более удалялись в своем развитии от орудий из отщепов, то развитие бифациальных форм и орудий из отщепов шло в одном направлении. Начало этого процесса, как свидетельствуют материалы, следует относить к позднему ашелю. Бифациальные формы в известной мере можно рассматривать как сложный синтез традиционалистских тенденций, поведенческих и технологических новаций, позитивного приспособления к новым видам сырья. И быть может, появление неклассических бифасов и бифациальных специализированных форм следует признать одним из важных критериев начальной поры среднего палеолита, как его понимают сейчас многие исследователи¹⁷. Широкое и детальное морфологическое и трасологическое изучение макроорудий и бифациальных форм позволит внести ясность в обсуждение вопросов о их назначении, роли и судьбе в палеолите.

¹ Lumley H. de. Une cabane acheuléenne dans la grotte du Lazaret (Nice).— *Mémoires de la Société préhistorique Française*. Paris, 1969, t. 7, p. 202—217.

² Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977, с. 93—95; Щелинский В. Е. Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий.— В кн.: Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977, с. 195.

³ Подробно об опытах по разделке туш животных см.: Матюхин А. Е. Орудия раннего палеолита.— В кн.: Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983, с. 174—186; Jones P. R. Experimental Butchery with Modern Stone Tools and its Relevance for Palaeolithic Archaeology.— *World Archaeology*. London, 1980, vol. 12, N 2, p. 153—165.

⁴ Матюхин А. Е. Опыты по использованию чопперов и чоппингов в качестве рубящих орудий.— СА, 1977, № 1, с. 258—263.

⁵ Щелинский В. Е. Изучение производственных функций галечных орудий из позднепалеолитических стоянок Енисея.— МИА, 1972, вып. 185, с. 142—156.

⁶ Гладилин В. Н. Проблемы палеолита Центральной Европы. Киев, 1976, с. 66—76; Колосов Ю. Г. Специфиче-

ские типы орудий аккайской мустьерской культуры в Крыму.— В кн.: Орудия каменного века. Киев, 1978, с. 6—19; Bosinski G. Die Mittelpaläolithischen Funde im Westlichen Mitteleuropa.— *Fundamenta*, Köln, 1967, Bd. 4, p. 43—50.

⁷ Roe D. A. The Lower and Middle Palaeolithic Periods in Britain. London, 1981, p. 120—187; Bordes F. Les limons quaternaires du bassin de la Seine. *Stratigraphie et archéologie paléolithique*.— *Archives de l'Institut de paléontologie Humaine*, mem. 26, Paris, 1954, p. 28, 29, 68.

⁸ Roe D. A. The Lower and Middle..., p. 100—102.

⁹ Stekelis M. Archaeological Excavations et «Ubeidija» 1960—1963.— *The Igrael Academy of Sciences and Humanities*. Jerusalem, 1966, pl. XXV—XXVIII.

¹⁰ Stekelis M. The Palaeolithic Deposits of Jigr Banat Yaqub. *Bulletin of the Research Council of Igrael*, 1960, ser. G, vol. 9, N 2, 3, p. 73—78.

¹¹ Bordes F. Les limons quaternaires..., p. 70, 324.

¹² Wymer J. J. Lower Palaeolithic Archaeology in Britain. London, 1968, p. 221—225; Peyrony. La Micoque, les fouilles récentes, leur signification.— *Bulletin de la Société Préhistorique*

- Francaise, 1938, t. 35, N 6, p. 277.
- ¹³ Lumley H. de. La grotte de l'Hortus. Marseille, 1972, p. 621.
- ¹⁴ Матюхин А. Е. Орудия раннего палеолита..., с. 174, 183, 184.
- ¹⁵ Матюхин А. Е. О специфике культурного процесса в раннем палеолите (на примере галечных орудий и бифасов). — В кн.: Преемственность и инновации в развитии древних культур.

Л., 1981, с. 44.

- ¹⁶ Матюхин А. Е. Орудия раннего палеолита..., с. 165, 166.
- ¹⁷ Bosinski G. The Transition Lower, Middle Palaeolithic in North — Western Germany. — In the Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. University of Hain, 1982, p. 165—175.

Ю. А. САВВАТЕЕВ

ОСОБЕННОСТИ СРЕДЫ И ОХОТНИЧЬЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

Важнейшим природным фактором, предопределившим возможность освоения Карелии, был последний ледниковый покров. Его деятельностью обусловлен специфический, чрезвычайно расчлененный облик рельефа, характер почв, особенности гидросети, ландшафта и т. д. Естественно, что какое-то время после отступления активного льда холод, огромные приледниковые водоемы, несформировавшиеся почвы, бедность флоры и фауны делали Карелию мало привлекательной для человека. И лишь в бореальный период — 7300—5700 лет до н. э. — наступают благоприятные условия для ее освоения.

В условиях пребореала, бореала и первой половины атлантического периода складывается местная мезолитическая культура, представленная в основном поселениями с кварцево-сланцевым инвентарем.

По-видимому, Карелию начали заселять небольшие общины охотников, ведущие подвижный образ жизни. Их стоябища площадью до 500—700 м² с маломощным и слабоокрашенным культурным слоем, довольно бедным инвентарем, найдены на северо-восточном берегу Онежского озера (Медвежьегорская X, Повенчанка I—III, V, VIII, XI, XV) и в долине р. Кеми (Авнепорог X, XI, IV). На них не сохранилось следов рыболовства и мало достоверных свидетельств охоты. Можно лишь предполагать, что скудный каменный инвентарь дополнялся костяной индустрией, для которой требовалось сырье, прежде всего, кости лося и северного оленя. Охотничья деятельность эпохи мезолита в целом изучена пока недостаточно из-за скудности источников. Тем не менее костные остатки с 5 мезолитических стоянок VII—V тысячелетия до н. э., определенные Н. К. Верещагиным, дают возможность установить состав промысловых животных: северный олень (267 фр. с 10 стоянок), лось (120 фр. с 9), бобр (70 фр. с 6), медведь (3 фр. с 1), волк (1 фр.), лисица (23 фр. с 1), заяц (30 фр. с 1). Имеются кости собаки (13 фр. с 2), рыб костистых (1 фр.). В качестве преобладающих видов выступают северный олень и лось.

Известны и наконечники стрел, правда, только на 14 из 50 раскопанных стоянок и всего в количестве 40. Из них 37 кремневых иволистной или иволистно-черешковой формы. Кроме того, обилие скребков (до 50% всего каменного инвентаря), использовавшихся, как правило, для обработки шкур, также служат свидетельством, хотя и косвенным, активной охотничьей деятельности. Возможно, что некоторую роль в ней уже играла собака, кости которой обнаружены на стоянке Пегрема VIII¹.

В ископаемой фауне мезолита Финляндии, представленного культурой суомусьярви — 7000—4200 лет до н. э. (всего определено 310 фр. с 10 стоянок), меньше чем в Карелии костей лося и северного оленя, но отмечены не зафиксированные у нас для эпохи мезолита морские животные — нерпа². О развитии сетевого рыболовства свидетельствуют грузи-

ла и известная находка сети в торфянике близ Антреа на Карельском пещейке, датированная временем 7300 лет до н. э. Длина этой сети, сплетенной из ивовой коры (лыка), составляла 27—30 м, высота 1,3—1,5 м.

Наиболее богатую информацию об охотничьей деятельности и ее роли в мировоззрении людей эпохи мезолита по-прежнему дает известный Оленеостровский могильник Онежского озера, датирующийся сейчас V, возможно VI тысячелетием до н. э. По данным Н. К. Верещагина, в 170 погребениях оказалось 4466 резцов лося, 1197 нижних резцов бобра и 127 верхних клыков медведя. Зубы зверей широко использовались как украшения. Другие костные остатки животных отмечены в 50 погребениях: в 7 — волка, в 4 — буроого медведя, в 9 — бобра, в 8 — лося (от 11 особей) и в 7 — северного оленя (от 11 особей). Общее число забитых лосей составило 774, а бобров — до 600 особей. В 25 могилах оказались кости водоплавающих и куриных птиц³. Примем во внимание и значительное число костяных (233) и каменных, преимущественно кремневых наконечников стрел (100 из 109).

Все говорит об охоте как основе хозяйства древних оленеостровцев. Подчеркнуто особое отношение к лосю как одному из основных и лакомых объектов охотничьей добычи. Могильник принадлежал пришлому с юга населению, имевшему тесные связи с аборигенами. Свидетельством тому служат находки специфических сланцевых ножей и кремневых наконечников оленеостровского типа при раскопках нескольких стоянок (Пески I и III, Черная Губа XI, Оровнаволок XIV и XV) на разных участках побережья Онежского озера. Таким образом, можно считать, что в условиях северной тайги (основной тип среды обитания населения) идет процесс формирования комплексного сезонного хозяйства, основанного на охоте (включая птиц), рыболовстве и собирательстве.

Время перехода от мезолита к неолиту приходится на вторую половину атлантического периода, которую Г. А. Елина рассматривает как наиболее выраженный климатический оптимум⁴. Повсеместно господствуют сосновые леса. В составе растительности в зональном ее распределении происходят самые большие за весь голоцен перемены. Сдвиг границ подзон к северу составил в среднем около 500 км. В последующее суббореальное время (2800/2700—500 лет до н. э.) с неустойчивым климатическим и гидрологическим режимом граница между подзоной средней и южной тайги несколько сдвинулась к югу и проходила примерно по 64° северной широты. Основная часть южнотаежных лесов — сосново-еловые зеленомошные и крупнотравные с небольшой примесью широколиственных пород (вяз, изредка дуб и липа). По всей территории распространяется ель. В начале суббореала (2,8—2,2 тыс. лет до н. э.), по данным Г. А. Елиной, климат становится значительно холоднее и суше. Затем, 2,2—1,2 тыс. лет до н. э. происходит потепление, не достигшее однако величины верхнеатлантического, а в конце суббореала (1,2—0,2 тыс. лет до н. э.) климат холодный, с меняющейся влажностью, приближающийся к современному.

В благоприятных природных условиях конца атлантического периода в местной мезолитической среде происходит формирование раннеолитической культуры сперрингс, основной признак которой — появление керамики типа сперрингс. Ее распространение отражает определенные изменения в жизни общества, прежде всего, более прочную оседлость, косвенно свидетельствующую о возрастании роли рыболовства.

В начале III тысячелетия до н. э. на территории Карелии расселяются племена с ямочно-гребенчатой керамикой и, тесно переплетаясь, развиваются две культурные традиции — одна местная, другая пришлая, с корнями в неолите более южных областей. К концу III тысячелетия до н. э. сперрингс постепенно исчезает, и по всей территории распространяется ямочно-гребенчатая керамика. В недрах ее зарождается ромбоямочная керамика, широко распространившаяся в энеолите — в конце III — первой половине II тысячелетия до н. э. И хотя теперь начинает использоваться самородная медь, по существу во многом продолжался

уклад каменного века. В частности, мало изменились характер и топография поселений, по-прежнему тяготеющих к обжитым ранее местам.

В прибрежной полосе Белого моря, Онежского и Ладожского озер развивается охота на морских млекопитающих. О составе охотничье-промысловых животных эпохи неолита и раннего металла можно судить по определениям Н. К. Верещагина остатков костей из культурных слоев 35 стоянок, 7 из которых находятся в южной части Кольского полуострова. Как оказалось, в числе основных объектов охоты по-прежнему остаются северный олень (294 фр. с 22 стоянок), лось (66 фр. с 10) и речной бобр (205 фр. с 18). На побережье Белого моря возникает промысел морских животных — нерпы, гренландского тюленя, морского зайца, белухи, а на Онежском озере — только нерпы. Остатки нерпы отмечены на 16 стоянках (877 фр.), гренландских тюленей — на 4 (26 фр.), морского зайца — на 2(?) — (30 фр.), белухи — на 1 (16 фр.). Морской промысел открыл новую область охотничьей деятельности, расширил источники пищевой и хозяйственной продукции, часть которой, видимо, использовалась для обмена.

В костном материале представлены также медведь (24 фр. на 3 стоянках), волк (3 фр. на 3), лисица (2 фр. на 2), белка (3 фр. на 1), куница (3 фр. на 3), заяц-беляк (4 фр. на 2), косуля (1 фр.), песец (4 фр. на 1), рысь (1 фр.), выдра (1 фр.), собака (13 фр. на 2), а также птицы: тетерев, орлан (?) и другие (6 фр. на 2) и рыбы, преимущественно костистые (97 фр. на 8). Как ни странно, зафиксированы остатки лошади (1 фр.) и козы (4 фр.).

Любопытна стабильность состава основных лесных промысловых животных Карелии в голоцене, несмотря на значительные сдвиги ландшафтных зон: из копытных северный олень и лось, из грызунов — бобр.

Увеличивается количество орудий охоты. В основном это кремневые наконечники стрел треугольно-черешковой или подтреугольной формы, найденные в числе более 200. Чаще всего они из смешанных разновременных комплексов. На стоянках с керамикой сперрингс их всего 13, с ямочно-гребенчатой — 32 и на поселениях с ранним смешанным комплексом (сперрингс — ранняя ямочная) — 38. Изредка встречаются наконечники стрел из кварца — 15, роговика — 8 и сланца — 3; формы их, как правило, подражают кремневым. Наконечников копий и дротиков — 60, включая 27 обломков. Они тех же типов, но крупнее. Большинство их кремневые и лишь 6 из роговика, 2 из сланца, и 1 из кварца и 5 из кварцита. Последние, треугольно-черешковой формы, представлены только в культуре сперрингс⁵. Единичны кинжалы: кремневый листовидный (стоянка Путкинская I) и обломок шиферного (Сандермоха IV). Такие весьма редкие изделия как крестовидные топоры-клевцы, двулезвийные топоры, «фигурные из молоты», ладьевидные топоры вряд ли можно относить только к орудиям охоты.

Важным «палеонтологическим» источником для реконструкции хозяйства являются и петроглифы Карелии⁶. Конечно, следует помнить, что это памятники не столько хозяйственной, сколько интеллектуальной духовной жизни, отобразившие не саму по себе действительность, а представление о ней. И все же в них содержится богатый материал, прямо или косвенно отражающий охотничью деятельность. Особую ценность представляют петроглифы Беломорья, в которых «правда жизни» выступает гораздо отчетливее, чем в более аллегоричных выбивках Онежского озера (рис. 1).

Из животных повышенное внимание творцов рисунков привлекали, как и в самой охоте, лоси и северные олени, выбитые свыше 150 раз. Имеется несколько выразительных сцен охоты на них. Любопытно, что лоси на петроглифах почти всегда безрогие; следовательно, либо изображены только самки и молодняк, либо показаны сохатые, сбросившие рога, поскольку безрогими они остаются зимой (в январе—марте), как раз в благоприятный для охоты период. Запечатлена и охота на медведя с помощью копья (рогатины) с использованием лука и стрел, а также про-

мысел боровых и водоплавающих птиц. Среди одиночных фигур опознаются бобр, волк, выдра, возможно, лиса и рысь. Излюбленная тема петроглифов Беломорья — морская охота. В них более 100 изображений морских зверей и множество разнообразных, обычно коллективных, с участием 2—6 лодок сцен гарпунной охоты на белух.

Многократно показаны и орудия охоты, в частности луки, копыя, гарпуны и особенно часто — лодки; их более 400 в Беломорье и около 40 на Онежском озере. Отметим и свыше 30 изображений лыжников в самых разных ситуациях: идущими группами либо поодиночке, в стенах коллективной и индивидуальной охоты и, наконец, враждебных столкновений, где имеются и пострадавшие — раненые стрелами. Но особенно ценны детализированные повествовательные сцены Новой Залавруги, включающие и лыжников, и лыжный след. Такие детали как загнутый носок и сплошной след говорят в пользу появления скользящих лыж, отпочковавшихся от ступательных. Лыжники дважды зафиксированы и в онежских петроглифах. Без лыж продуктивная охота в условиях снежной зимы едва ли была возможна. Судя по наскальным изображениям, способы и приемы охоты были довольно разнообразны. Ведущая роль и в неолите принадлежала групповым (загонным и облавным) способам добычи крупных копытных при наличии индивидуальной охоты с помощью лука и копыя.

Не раз отмечалось, что прибрежное положение стоянок Карелии указывает на их рыболовческий характер. Однако следует учесть, что эти же места исключительно удобны и для охоты. Берега водоемов, особенно таких крупных как Белое море и Онежское озеро «притягивали» к себе и зверей, в том числе крупных копытных. Известны давние миграции лосей к Онежскому озеру и Белому морю, а затем в сторону от них — в леса⁷. Берега их служили своеобразными направляющими движения диких промысловых животных.

Природная среда, опосредованная способом производства и всем уровнем социально-экономического развития, еще во многом предопределяла особенности хозяйства — сезонного, не специализированного, основанного преимущественно на охоте и рыбной ловле. О масштабах и результативности охоты данных мало. Но ясно, что, по крайней мере в отдельные периоды года, они были значительными; например, загонная охота ранней весной по насту, при переправах через реки и озера, на путях миграций. В целом же основой первобытной экономики на территории Карелии в каменном веке оставалась охота и охотничья деятельность, являясь главным источником существования, она оказывала решающее влияние на многие сферы жизнедеятельности людей. Она не только обеспечивала калорийной мясной пищей, но и помогала создавать и совершенствовать искусственную среду: получать шкуры, мех, пух для одежды и обуви, утепления жилищ, сыромятные ремни и жилы для хозяйственных надобностей, сырье для разных костяных поделок, предметов искусства и культа. Велика роль охоты в укреплении социальных связей, стимулировании коллективных форм труда, обогащении психоэмоционального фонда и развитии первобытного искусства.

Конечно, охота не могла быть единственным источником существования, поскольку при неудачах обрекала людей на неизбежный голод. Надежным резервом в таких случаях выступало рыболовство, для которого в Карелии имелись исключительно благоприятные условия. Сочетание охоты и рыболовства позволяло избегать возможных кризисных ситуаций, сокращало площадь необходимых охотничье-промысловых угодий, замедляло истощение природных ресурсов. Охота на морских зверей в отличие от Прибалтики и южной Финляндии как будто появляется позднее, только в неолите. Довольно широкая база хозяйства, основанная на «присвоении» и использовании как лесных, так и водных «даров» природы снижала «давление» на места обитания, способствовала сохранению устойчивого равновесия со средой. Отрицательное антропогенное воздействие на нее длительное время оставалось слабым. Относительно небольшая

Рис. 1а. Отражение охотничьей деятельности в петроглифах Беломорья

1 — сцена охоты на копытных из Бесовых Следков; 2 — мужчина с луком из IV группы Новой Залавруги; 3 — изображение морских и лесных зверей и сцен морской охоты из Бесовых Следков; 4 — раненый мужчина с луком и охотник на медведя из IV группы Новой Залавруги; 5 — люди, стреляющие птиц из XX группы Новой Залавруги; 6 — лыжник, преследующий северного оленя, из XX группы Новой Залавруги; 7 — загарпуненная белуха из IV группы Новой Залавруги; рис 16 8 — сцена зимней охоты на лосей из IV группы Новой Залавруги; 9 — сцены морской и лесной охоты из XXII группы Новой Залавруги; 10 — изображение лося из XV группы Новой Залавруги; 11 — мужчина с луком из XX группы Новой Залавруги; 12 — сцены морской охоты из IV группы Новой Залавруги

численность населения, ограниченные масштабы охоты не вызывали катастрофических, необратимых изменений в природе. Вряд ли в охоте широко применялся огонь, а пожары по вине человека не были опустошительными из-за сильной пересеченности и обводненности территории. Расположение стоянок большими компактными скоплениями всего в десятке или нескольких десятках км друг от друга свидетельствует об извечном тяготении людей к одним и тем же местам обитания.

Важная задача — более четкое выявление конкретных хозяйственно-культурных типов. Древнейший, формировавшийся в процессе освоения освободившихся от ледника пространств, представляли охотники лесотундры и тундры. Основным объектом охоты являлся северный олень. Население вело еще подвижный образ жизни.

В развитом мезолите и неолите формируется хозяйственно-культурный тип таежных охотников и рыболовов, без жесткой специализации экономики, по все же с доминирующей ролью охоты на лесных животных.

Охота совмещалась с рыболовством, промыслом боровой и водоплавающей птицы, собирательством дикорастущих растений. Характерная особенность хозяйства — его сезонность. На побережье Белого моря, Великих озер (Ладожского и Онежского), крупных озерно-речных систем и рек (Водла, Кемь, Выг, Суна, Шуя) прослеживаются значительные локальные особенности. Но выделять особый тип береговых собирателей и рыболовов достаточных оснований нет. По-видимому, и на побережье крупных водоемов рыболовство и морской промысел развивались в рамках комплексного, сезонного охотничье-рыболовческого хозяйства. Во внутренних водоемах Карелии, в частности в северной ее части, расположенных вдали от водоемов, богатых ценными проходными рыбами и морскими животными, роль лесной охоты, прежде всего на северных оленей, возрастала. На это указывает топография и характер поселений. Таким образом, в рамках данного хозяйственно-культурного типа имелись свои локальные особенности, связанные главным образом с уровнем развития рыболовства, а затем и морского промысла.

¹ Журавлев А. П. Мезолитическое поселение Пегрема VIII в Карелии.— В кн.: Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.

² Taavitsainen I. P. Hirven esiintymisestä

Suomessa esihistoria liisena aikana arkeologisten todisteiden Valossa.— Suomen Piista, N:028, Helsinki, 1980, S. 5—14.

³ Верещагин Н. К., Русаков О. С. Ко-

- пытные северо-запада СССР. Л., 1979;
Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник.— МИА, 1956, № 47.
- ⁴ *Елина Г. А.* Принципы и методы реконструкции и картирования растительности голоцена. Л., 1981.
- ⁵ *Панкрусек Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978, ч. I, II.

- ⁶ *Савватеев Ю. А.* Залавруга, ч. I. Петроглифы. Л., 1970; ч. II. Стоянки. Л., 1977. *Он же.* Онежские петроглифы и тема зверя в них.— В кн.: Звери в камне. Новосибирск, 1980, с. 136—158.
- ⁷ *Верещагин Н. К., Русаков О. Г.* Копытные северо-запада СССР..., с. 190, 196.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ
О РЫБОЛОВСТВЕ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА —
ЭНЕОЛИТА
В СТЕПНОМ И УРАЛО-ПОВОЛЖСКОМ
РАЙОНАХ РСФСР

Как известно, рыболовство являлось в каменном веке одной из наиболее важных отраслей хозяйства. Ему посвящены многочисленные исследования как общего, так и частного порядка¹. Тем не менее остается еще много неясных и нерешенных вопросов, касающихся в первую очередь древнего рыболовства на территории нашей страны. Пока еще недостаточно исследованы этапы его развития, локальные особенности, производственная специфика и т. д.

Приведенный в настоящей статье материал представляет, на наш взгляд, некоторый интерес для рассмотрения вышеуказанных вопросов. Так, одним из своеобразных регионов являются южнорусские степи, в неолитических поселениях которых оказался довольно обширный материал, позволяющий восстановить приемы и способы древнейшего рыболовства. Имеются в виду матвеевокурганские ранненеолитические поселения северо-восточного Приазовья и неолитическое поселение Ракушечный Яр на Нижнем Дону².

В матвеевокурганских поселениях собрана значительная коллекция костных остатков рыб, свидетельствующая о разнообразии ихтиофауны: щука (преобладает), сазан, сом, вырезуб и другие, семейства карповых. Это уже само собой позволяет предполагать многообразные способы рыболовства, учитывая разные повадки рыб, очевидно хорошо известные древнему рыбаку.

Из орудий рыболовства большой серией представлена оригинальная костяная острога, костяные наконечники и некоторые небольшие оригинальные костяные изделия, по-видимому, также связанные с рыболовством. В большом количестве представлены каменные грузила различных типов, для сети и невода, причем сланцевые, с просверленным отверстием найдены не только готовые, но и в виде заготовок, а также сырьевой материал для их изготовления в виде большого числа необработанных плиток сланца. В то же время рыболовный крючок отсутствует. Он обнаружен в средних слоях поселения Ракушечный Яр, относящихся к развитому неолиту³.

За последнее десятилетие собрана большая коллекция орудий рыболовства в поселениях Урало-Поволжского региона. Хотя на каждом памятнике орудий немного, в целом они дают представление о рыболовстве на всей обширной территории. Большим числом представлены костяные гарпуны, грузила, присутствуют и рыболовные крючки. Будучи найденными в стратифицированных условиях, они, большей частью, могут быть систематизированы в хронологическом отношении (табл. 1), отражая динамику рыболовства на протяжении каменного века и начала эпохи металла.

Наиболее яркими и выразительными являются материалы, собранные в торфяниках Зауралья, включающие многочисленные орудия рыболовства из различного поделочного материала — кости, дерева, древесной коры, камня. Большая серия гарпунов, хотя и немногочисленных типов, различается массой деталей — количеством, формой, местоположением, величиной и т. д. зубцов, общими размерами, соотношением частей. Различные размеры характеризуют и костяные игловидные наконечники. Многочисленны изделия, связанные с употреблением сетей — иглы для вязания, распорки для сушки и др. Имеются и прямые свидетельства использования лодок в виде многочисленных обломков весел⁴. Весь набор рыболовных принадлежностей уже сам по себе подтверждает высокий уровень рыболовецкого промысла.

Материалы из Зауральских торфяников были предметом исследования В. М. Раушенбах⁵, которая пришла к некоторым общим заключениям о характере рыболовства в неолите Зауралья. Сейчас торфяниковые коллекции дополнены новыми материалами, собранными в основном на Южноуральских поселениях — Кораблик, Латочка, Мурат, Березки и др.,⁶ а также на Среднеуральских⁷. Основную массу находок составляют каменные грузила — свидетельства первоначального значения в рыболовецком хозяйстве сети и невода (на поселении Кораблик сохранился клад из десятка компактно уложенных и спрятанных в ямке-хранилище грузил).

Все вместе взятое позволяет сделать некоторые заключения. Прежде всего, очевидно, что в рассматриваемых областях рыболовство эпохи мезолита — раннего металла было одной из ведущих форм хозяйства. Все исследователи этого времени единодушно признают его значение в экономике древнего населения, а В. И. Раушенбах ставит в период расцвета Горбуновской культуры на первое место относительно других видов хозяйства. На протяжении этих эпох рыболовство, как определенная отрасль хозяйственной производственной деятельности развивалась и совершенствовалась, а с неолитом связан основной или весь цикл — начальные фазы, время наивысшего расцвета и в некоторых регионах начало уменьшения его значимости.

Хотя мезолит в рассматриваемых областях изучен еще недостаточно, по предварительным данным, в мезолите, в частности Урало-Поволжского района отсутствуют грузила и какие-либо другие свидетельства коллективных форм лова (табл. 1). Нет также специфических орудий индивидуального рыболовства, таких как крючок. Господствует гарпун, т. е. происходит битье рыбы архаическим способом, восходящим к палеолиту и охоте на зверя.

В противоположность мезолиту, в памятниках эпохи неолита картина иная: грузила зачастую становятся самым массовым орудием рыболовства. Таким образом, очевидно, что на протяжении неолитической эпохи прочно осваиваются коллективные формы с помощью сети, невода и, по-видимому, лодок. Появляется и прочно входит в быт рыболовный крючок. Во многом сходные ступени развития рыболовства были в свое время отмечены для Зауралья В. М. Раушенбах. Согласно ее схеме первым этапом является гарпунное рыболовство — битье рыбы древними способами. Лишь на втором этапе (неолит) появляется рыболовный крючок. Осваиваются более прогрессивные способы индивидуального лова, ибо ужение значительно расширяет индивидуальные возможности как в смысле эффективности самого процесса, так и его временные (сезонные) рамки: появляется новая отрасль — подледного лова. Одновременно развиваются коллективные формы с помощью сети и невода. Вместе с тем в это время уменьшается количество гарпунов и упрощаются его типы⁸.

Аналогичные этапы развития рыболовства фиксируются и в южнорусских степях, где в самом раннем неолите (рубеж мезолит—неолит) господствовало гарпунное рыболовство, сочетающееся с коллективными формами лова, а рыболовный крючок появляется лишь в развитом, когда, по предварительным данным, гарпунное рыболовство сводится к мини-

Таблица 1

**Распределение вещественных остатков рыболовства
в эпоху мезолит-энеолит по памятникам Волго-Уральского региона ***

Регион	Наименование памятника	Грузила	Гарлуны	Рыболов- ные крючки	Орна- мент сетей и др.	Костные остатки
	<i>Мезолит</i>					
Среднее	Д. Кротово, сл. нах.	-	2	-	-	-
Поволжье	Д. Деушево, сл. нах.	-	3	-	-	-
	Д. Свяга, сл. нах.	-	2	-	-	-
	Р. Инзе, сл. нах.	-	1	-	-	-
Предуралье	Сюнь I	-	1	-	-	-
	Сюнь II	-	2	-	-	-
	Давлеканово	-	+ **	-	-	-
Нижнее Прикамье	Деуковская II	-	-	-	-	+
	<i>Неолит</i>					
Предуралье	Р. База, сл. нах.	-	1	-	-	-
	Муллино II	-	+	-	-	4
	Ивановка	4	-	-	-	-
	Усть-Айская	2	-	-	-	-
	Давлеканово	-	-	-	-	2
Камско-Вят- ское между- речье	Ново-мултанское	1	-	-	-	-
Среднее Поволжье	I Русско-Луговская	2(?)	-	-	-	-
	Старо-Мазиковская III	-	-	1	-	-
	Беловская	-	1	-	-	-
	Новомайская	-	1	-	-	-
Среднее Прикамье	Воровое озеро I	+	-	-	-	-
	Хуторская	11	-	-	-	-
	Кряжская	5	-	-	-	-
	Левшинская	+	-	-	+(?)	-
	<i>Энеолит</i>					
Среднее Поволжье	Удельно-Шумецкая III	-	-	-	+	-
	Майданское III	-	-	-	+	-
	Юрьинская	1	-	-	-	-
	Йошкар-олинская	-	+	-	-	-
	Выжумецкая	-	-	1	-	-
	II Ахмыловское	2	1	1	Изобр. рыб в камне якорь	1
	Алексеевское	4	2	-	-	-
Среднее Прикамье	Хвалынский могильник	-	1	1	-	-
	Виловатовское	-	3	-	-	-
	Случайные находки	-	-	-	Изобр. рыб на сосудах	-
	Бор I	+	-	-	-	-
	Бор V	+	-	-	-	-
	Бор IV	+	-	-	-	-
	Боровое озеро VI	27	-	-	-	-
	Первомайское	+	-	-	-	-

Регион	Наименование памятника	Грузила	Гарпуны	Рыболов- ные крючки	Орна- мент се- тей и др.	Костные остатки
Предуралье	I Старо-Жакрыбашевское	31	4	—	—	—
	Ивановка	3	—	—	—	—
	Давлеканово	—	—	—	—	3
	Муллино III	—	+	—	—	—
Нижнее Прикамье	Русский Азибей III	—	1	—	—	—

* Благодарю А. А. Выборнова за предоставленный материал, использованный в таблице.

** Знак + (плюс) — имеется, точное количество неизвестно; знак — (минус) — отсутствует.

муму. Что же касается рыболовного крючка, то значимость его и рациональность доказывается в первую очередь сохранением этого орудия добычи рыбы, лишь с небольшими изменениями, вплоть до наших дней. То же можно сказать о сети и неводе. Однако если наивысшая точка развития рыболовства в южнорусских степях совпадает с развитым неолитом, то в позднем, как показывают материалы поселения Ракушечный Яр, наблюдается уменьшение находок грузил. Это справедливо рассматривается автором исследования как показатель общего уменьшения удельного веса рыболовства, уступающего развивающемуся скотоводству в общей системе хозяйства⁹.

В лесной зоне и на севере лесостепья энеолитическое время характеризуется дальнейшим развитием рыболовецкого промысла. Растет количество грузил, поселения по-прежнему располагаются у воды. Прямым свидетельством сетевого рыболовства являются отпечатки сети на глиняной посуде, найденные на стоянках Удельно-Шумецкой III и на поселении Майданское III. Не совсем объяснимо, но в некоторых районах Поволжья и Приуралья гарпунный промысел продолжает сохранять довольно большое значение, о чем говорит значительное количество гарпунов, встреченных на многих поселениях.

В неолитическое и в особенности в энеолитическое время повсеместно появляются свидетельства не только значения рыболовства, но и осознания этого значения древним населением, что проявилось в искусстве и погребальной обрядности. Прекрасная выразительная гравировка на гарпунах Шигирского торфяника, изображающая перегородженную реку, отчетливо выражает ее реалистическую подоснову и характеризует общие идеологические представления человека. Отсюда — мотивы орнамента, связанные с рыболовством именно на гарпунах, а также изображение воды, сети и рыб на сосудах¹⁰.

Что касается погребальной обрядности, то рыбы зубы, в основном вырезуба и карпа, довольно широко использовались в ритуале захоронений погребенных в днепродонецких могильниках (южнорусские степи). Найденные иногда в большом количестве (например в Марьевском могильнике только вырезуба 174 единицы), они располагались как украшения, либо на поясе, либо в головном уборе. Украшения из рыбьих зубов известны, кроме Марьевского, в могильниках Вовниги и 3-м Васильевском¹¹.

Таким образом, мы находим разнообразные свидетельства прогрессивного развития рыболовства, а также его значения в формировании мировоззрения человека. Совершенно прав В. В. Никитин, рассматривающий прогресс этой конкретной формы хозяйства, как общее развитие производительных сил на базе древней экономики, когда еще едва зарождается переход к новому производящему хозяйственному укладу, не дающему сразу эффективных результатов¹².

Суммируя весь материал, мы попытались показать некоторые закономерности в развитии речного и озерного рыболовства ряда районов Европейской части СССР.

¹ См. например: *Кларк Дж. Г. Д.* Доисторическая Европа. М., 1953.

² *Крижевская Л. Я.* К вопросу о формах хозяйства у неолитического населения северо-восточного Приазовья.— В кн.: *Первобытный человек и природная среда.* М., 1974; *Белановская Т. Д.* К вопросу о влиянии природной среды на материальную культуру в период неолита.— В кн.: *Первобытный человек и природная среда.* М., 1974.

³ *Белановская Т. Д.* К вопросу о рыболовстве в период неолита на Нижнем Дону.— КСИА, 1975, вып. 141.

⁴ *Дмигрияев П. Д.* Шигирская культура на Восточном склоне Урала.— МИА, 1951, № 21; *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы.— ТГИМ, 1966, вып. 29.

⁵ *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье..., гл. IV.

⁶ *Крижевская Л. Я.* Эпоха ранней брон-

зы в Южном Зауралье. Л., 1977; *Матюшин Г. Н.* Энеолит Южного Урала. М., 1982.

⁷ *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит Лесного Зауралья. М., 1980.

⁸ *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье..., гл. IV.

⁹ *Балановская Т. Д.* К вопросу о рыболовстве...

¹⁰ *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье..., с. 133; *Никитин В. В.* Волосовские племена на Средней Волге.— В кн.: *Археология и этнография Марийского края.* Йошкар-Ола, 1978, вып. 3, с. 43, рис. 16, 4, 7.

¹¹ *Телегин Д. Я.* Дніпро-Донецька культура. Київ, 1968.

¹² *Никитин В. В.* О хозяйстве населения Марийского края в начале эпохи раннего металла.— В кн.: *Археология и этнография Марийского края.* Йошкар-Ола, 1979, вып. 4, с. 24—30.

Л. Б. ЕРМОЛОВ

ОХОТНИЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭКОЛОГИЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Охота являлась основной формой хозяйственной деятельности древнего населения Северной и Центральной Азии. Все стороны жизни древних обществ этого региона — экономика, техника, идеология и искусство были неразрывно связаны с формами охотничьего хозяйства, так как все необходимое для своего существования человек получал от охотничьей добычи¹. Сложение охоты как особой системы хозяйства и ее прогресс во многом определили и дальнейшее развитие материальной и духовной культуры различных племен и народов и их культурно-хозяйственные особенности. В этой связи изучение охоты как доминирующей формы древнего хозяйства, исторических закономерностей и путей ее развития и вопросов взаимосвязи среды с охотничьей деятельностью имеет большое значение для реконструкции ранних форм присваивающего хозяйства и его эволюции.

Открытые ландшафты перигляциально-степного типа, распространенные в Евразии в эпоху палеолита², и характерные представители мамонтовой фауны, такие как мамонт, шерстистый носорог, зубр, северный олень, лошадь, сайга и другие³, определили основные направления и формы развития охоты в каменном веке. В процессе охоты на этих животных в конкретных ландшафтах древние палеолитические охотники вырабатывали определенные стереотипы своего поведения при овладении добычей, которые целесообразно назвать способами охоты. Наиболее распространенными способами охоты, вероятно, были выслеживание, засады, а также облавные и загонные охоты с использованием преимуществ изрезанного рельефа местности. Все эти способы охоты отличались характерными для них приемами, которые развивались в прямой зависимости от биологии основных объектов охоты в условиях конкретного биоценоза.

Основными охотничьими орудиями в эпоху палеолита были копыя с роговыми и каменными наконечниками. Необходимо заметить, что применение копий различного типа было тесным образом связано с объектами и способами охоты⁴. Можно полагать, что для добычи таких крупных животных как мамонт, шерстистый носорог и зубр использовались тяжелые копыя с длинными и узкими роговыми наконечниками. Применение копий именно такого типа позволяло пробить толстый слой жировой и мышечной ткани, нанести животному глубокую проникающую рану и повредить жизненно важные органы.

Длинные роговые наконечники копий такой формы известны по многим верхнепалеолитическим стоянкам Сибири⁵. К ним относится также известный обломок рогового наконечника копыя, застрявший в лопатке зубра⁶.

Соответствие длины наконечников копий величине животных, добывавшихся в эпоху палеолита, подтверждается и таким фактом, что наконечники копий из поселения охотников на мамонтов в Межеричах почти на треть длиннее наконечников копий из Амвросиевки⁷, где основным объектом охоты был зубр.

Добыча крупных животных ледникового времени орудиями такого типа подтверждается данными А. Брэма⁸ и других этнографов-африканистов, наблюдавших у некоторых африканских племен охоту на слонов с копыями, снабженными наконечниками такой формы. Другим свидетельством применения тяжелых копий с длинными и узкими наконечниками для добычи крупных животных в палеолите являются идентичные с ними по форме и функциональному значению орудия добычи китов и моржей (так называемые китовые и моржовые копыя) у народов, занимавшихся морским зверобойным промыслом, известные по работам многих исследователей.

По всей видимости, охота велась с близкой дистанции, так как метание тяжелого копыя на большое расстояние не имеет смысла и не представляется возможным. Следует учитывать, что при применении копий с длинными и узкими наконечниками, наибольшая проникающая способность орудия достигается на расслабленной мускулатуре, когда животное находится в спокойном состоянии и не преследуется. Необходимо отметить также и тот факт, что при охоте на слонов, а также китов и моржей, копыя не кидаются в цель, как обычно, а используются для нанесения сильного колющего удара. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что основными способами и приемами добычи крупных животных ледникового времени были охота скрадом, а также различные варианты охоты из засады. Вероятно, имели место и загоны, с использованием преимуществ изрезанного рельефа местности⁹, или примитивных средств пассивной охоты¹⁰, в сочетании с засадами и последующим добыванием загнанного зверя.

Более мелкие стадные животные, такие как лошадь, кулан, сайга и другие, добывались в основном с дальней дистанции с помощью легких копий, снабженных широкими каменными наконечниками. Копья такого типа наносили зверю широкую рассекающую рану, быстро ослабляющую его обильным кровотечением. В связи с тем, что прицельное метание копыя с дальней дистанции в быстро бегущих животных практически невозможно, копыя такого типа были наиболее эффективными для добычи стадных животных, развивающих большую скорость в беге, так как характер ранения на напряженной мускулатуре (в беге) не требовал непрерывного попадания в убойное место. Основными способами добычи копытных в палеолите можно считать выслеживание, охоту скрадом, а также загонные и облавные охоты.

Фаунистические остатки из верхнепалеолитических стоянок Сибири свидетельствуют, что животные добывались главным образом ради мяса, т. е. в охоте доминировало мясное направление. Пушное направление (т. е. специализированный промысел пушного зверя), выражавшееся в добыче песца ради шкурок в годы большой его численности, не имело

большого жизненного значения, так как шкуры для одежды охотники получали от охоты на копытных животных, используемых для еды.

Добыча животных ради мяса является наиболее древним направлением охоты. В эпоху палеолита крупных животных добывали в основном посредством активной охоты, мало используя средства пассивной (ямы, ловушки и т. п.), и хотя эти две формы охоты сосуществовали практически всегда, активная форма была доминирующей. По всей видимости, существовал также и смешанный тип активной и пассивной охоты, представляющий собой сочетание загонных охот с ямами и петлями, устанавливаемыми на тропах или в проходах загородей. Подобный смешанный тип сохранялся у некоторых сибирских народов вплоть до XVII—XVIII вв.

Древние палеолитические охотники Сибири имели возможность добывать крупных стадных животных в нужном количестве поблизости от своих стоянок, поэтому могли относительно долго существовать на одном месте¹¹. Подобный образ жизни палеолитических охотников можно назвать примитивно-оседлым. Охота при таком образе жизни носила стационарный характер.

В эпоху голоцена на территории Северной Азии ландшафты перигляциально-степного типа меняются на лесные и лесостепные формации¹². Климатические изменения глобального характера застали древних охотников на стадии прогрессивного развития орудий охоты, благодаря чему человек сравнительно легко перешел к эксплуатации изменившихся ландшафтных зон¹³. Вследствие смены ландшафтной обстановки в послеледниковье, в неолите основными объектами охоты становятся типичные представители таежных биоценозов, такие как лось, благородный олень, бурый медведь и др. В связи с тем, что способы охоты на тех или иных животных связаны главным образом с экологией и их поведением в условиях данного биоценоза, в эпоху неолита развиваются новые способы охоты. Изменение ландшафтов и видового состава охотничьей фауны находит свое отражение и в изменении основных орудий охоты и их значения.

Так копьё, бывшее основным орудием охоты в палеолите, теряет свое значение метательного оружия, так как применение его в условиях закрытого ландшафта сильно ограничено из-за довольно крутой траектории полета. Утратив свою универсальность, копьё превращается в специализированное орудие охоты с близкой дистанции на крупных лесных животных, таких как лось, медведь, а с появлением металла, и кабан¹⁴.

Особое значение в эпоху неолита приобретает лук, развитие и совершенствование которого в разных экологических зонах коррелирует с ландшафтными условиями и основными объектами охоты. Главной тенденцией в развитии лука является достижение такого соотношения параметров всех его составных частей, которое может обеспечить наибольший КПД при охоте на наиболее характерных представителей конкретных ландшафтов. Так, в степной и лесостепной зоне наблюдается постоянное усиление и усложнение луков для повышения их дальности. В связи с тем, что в степной зоне не происходило значительных изменений в ландшафтной обстановке и видовом составе охотничьей фауны можно предполагать время возникновения лука в верхнем палеолите.

В наиболее закрытых лесных ландшафтах, где основной задачей является надежное поражение частично скрытого лесной растительностью зверя, развитие лука возвращается к исходным простейшим формам (так называемая «деградация лука»¹⁵), как наиболее практичным в данных условиях. Интересно отметить, что в особенно сильно закрытых ландшафтах, например таких как джунгли Юго-Восточной Азии, лук вообще не развивается. В качестве метательного дистанционного оружия там применяются легкие копья и стрелометательные трубки — сумпитаны.

Помимо орудий охоты меняются и способы охоты. Можно полагать, что основными способами охоты в неолите были преследование, выслеживание, подманивание, засады и загоны. Каждый из этих способов имел

свои, присущие ему приемы охоты. Необходимо заметить, что способы и приемы охоты на лесные виды в эпоху неолита, также как и в последующие эпохи вплоть до современности, отличались большим разнообразием, так как их применение зависело от ландшафта местности, сезона года, погодных условий и биологии конкретного объекта охоты в условиях данного биоценоза.

В связи с тем, что лесные животные обычно держатся лишь небольшими группами, имеющими определенный, строго ограниченный район обитания, неолитические охотники, выбив зверя вокруг своей очередной стоянки, вынуждены были переходить на новое место¹⁶. Такой образ жизни неолитических охотников можно назвать примитивно-кочевым, а характер охоты — подвижным. При примитивно-кочевом образе жизни неолитических охотников активная форма охоты еще больше преобладала над пассивной, хотя лесные стадии являются наиболее благоприятными для развития пассивной формы охоты. Только лишь в последующие эпохи с изменением направленности охотничьего хозяйства происходит рекапитуляция пассивной формы охоты и она быстро развивается. Следует отметить, что в таежных условиях пассивная форма охоты развивается значительно интенсивнее, чем в степных. Это связано с тем, что характерные местообитания зверя в закрытых ландшафтах более ограничены и практически всегда известны. Пассивная охота в таежных условиях проходит более сложный путь развития, чем активная, так как она сильно подвержена влиянию различных традиционных, социально-экономических и экологических факторов и тенденций. В сочетании с другими формами хозяйственной деятельности, пассивная охота, при доминировании ее над активной, в известной мере способствовала оседанию населения на определенной территории, а степень развития средств пассивной охоты может служить индикатором оседлости¹⁷.

Совершенно особого внимания заслуживает рассмотрение охоты в неолите в зоне степей, где ландшафты и фауна в послеледниковье не претерпели значительных изменений. Здесь сохраняются основные способы охоты, сформировавшиеся на открытых степных пространствах еще в палеолите. С появлением и развитием кочевого и полукочевого скотоводства охота в степной зоне достигает апогея своего развития. Происходит слияние разных способов в комплексные облавные охоты, которые со временем приобретают социальную и военную окраску и сохраняются у многих степных народов вплоть до XIX в.¹⁸

Проблема формирования и развития охоты как особой системы хозяйства является одной из значительных общетеоретических проблем исторической науки и ее изучение позволит проследить эволюцию основных форм хозяйственной деятельности многих народов Северной и Центральной Азии.

¹ Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 322, 323.

² Равский Э. И. Перигляциальные явления и перигляциальные зоны плейстоцена Восточной Сибири.— В кн.: Вопросы геологии антропогена. М., 1961; Кинд Н. В. Абсолютная хронология основных этапов истории последнего оледенения и послеледниковья Сибири (по данным радиоуглеродного метода).— В кн.: Четвертичный период и его история. М., 1965; Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М., 1974.

³ Ермолова Н. М. Терриофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск, 1978, с. 68—157.

⁴ Ермолов Л. Б. Эволюция копыя.— В кн.: Культурный прогресс в эпоху

бронзы и раннего железа. Ереван, 1982, с. 125, 126.

⁵ Ермолова Н. М. Терриофауна долины..., с. 180.

⁶ Абрамова З. А. К вопросу об охоте в верхнем палеолите.— СА, 1964, № 4, с. 177—180.

⁷ Лидопаличко И. Г. Позднепалеолитическое жилище из костей мамонта на Украине. Киев, 1969, с. 132—138.

⁸ Брэм А. Путешествие по Северо-Восточной Африке. М., 1952, с. 545.

⁹ Семенов С. А. Развитие техники..., 1968, с. 283; Верецагин Н. К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР.— В кн.: Материалы по фауне антропогена СССР. Л., 1974, с. 205—208; Верецагин Н. К. Охота наших

- предков.— Охота и охотничье хозяйство, 1975, № 2.
- ¹⁰ *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953, с. 228; *Семенов С. А.* Развитие техники, с. 282; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 24.
- ¹¹ *Ермолова Н. М.* Терриофауна долины..., с. 171—195.
- ¹² *Гигерман Р. Е., Голубева Л. Е.* История развития растительности Восточной Сибири в антропогене.— В кн.: Основные проблемы изучения четвертичного периода к VII конгрессу. М., 1965, с. 365—375.
- ¹³ *Массон В. М.* Экономика..., с. 32.
- ¹⁴ *Ермолов Л. Б.* К вопросу о происхождении культуры кабана в скифское время.— В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980, с. 156—163; *Ермолов Л. Б.* Эволюция копыя, с. 125, 126.
- ¹⁵ *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1955, ч. III, с. 61, 62.
- ¹⁶ *Ермолова Н. М.* Терриофауна долины..., с. 195.
- ¹⁷ *Ермолов Л. Б.* Зависимость охотничьего хозяйства тунгусо-маньчжурских народов от экологических условий.— В кн.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981, с. 147, 148.
- ¹⁸ *Ермолов Л. Б.* Особенности развития охоты у древнего населения степной и таежной зоны Азии.— В кн.: Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1982, с. 15—17.

З. А. АБРАМОВА, Т. Ю. ГРЕЧКИНА

ОБ ОХОТЕ И ОХОТНИЧЬЕМ ВООРУЖЕНИИ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Часто судят об охоте палеолитического человека лишь по наличию остатков охотничьей добычи, а способы охоты реконструируются на основании этнографических данных, причем привлекаются примеры из жизни народов из иной географической зоны и иного природного окружения. Среди редких непосредственных свидетельств охоты в палеолите особо примечательна находка из позднепалеолитической стоянки Кокорево I.

Эта стоянка, ныне скрытая водами Красноярского моря, находилась на левом берегу Енисея выше по течению г. Красноярск в окрестностях дер. Кокорево. Стоянки вокруг этой деревни были открыты Г. П. Сосновским в 1925 г., частично исследовались им в 1925 и 1928 гг., а в 60-х годах изучались на широких площадях З. А. Абрамовой и С. Н. Астаховым¹.

Раскопки стоянки Кокорево I в 1961—1967 гг. вскрыли 800 кв. м площади и обнаружили 8 культурных слоев, залегающих в отложениях II террасы Енисея высотой 12 м и представляющих более или менее продолжительные следы, скорее всего, сезонных обитаний. В фаунистическом комплексе полностью отсутствует мамонт, преобладают северный олень и заяц-беляк, встречаются лошадь, зубр, благородный олень, горный баран-аргали, мелкий волк, возможно, уже одомашненный, песец, в малом количестве кости птиц типа воробьиных и грызунов: сурка, суслика, пищухи, полевки обыкновенной, полевки-экономки (определения Н. М. Ермоловой).

В 3-м культурном слое, залегающем на глубине 3,1—3,4 м от поверхности и имеющем радиоуглеродные даты по древесному углю из очагов 13 300±50 л. н. (ГИН-91) и 14 450±150 л. н. (ЛЕ-628), найден крупный фрагмент левой лопатки зубра с вонзившимся в него роговым наконечником копыя или дротика, большая часть которого обломилась при ударе и отсутствует, а меньшая застряла в кости. На расстоянии 6,5 м от обломка лопатки находился второй ее фрагмент — противоположный край с гребнем. Вся средняя, наиболее тонкая часть лопатки не сохранилась. Судя по величине обломков, длина лопатки могла быть 57 см, ширина 34 см. Роговой наконечник пробил кость толщиной в 1,6 см, но только 0,5—0,6 см приходится на плотную костную ткань диафиза

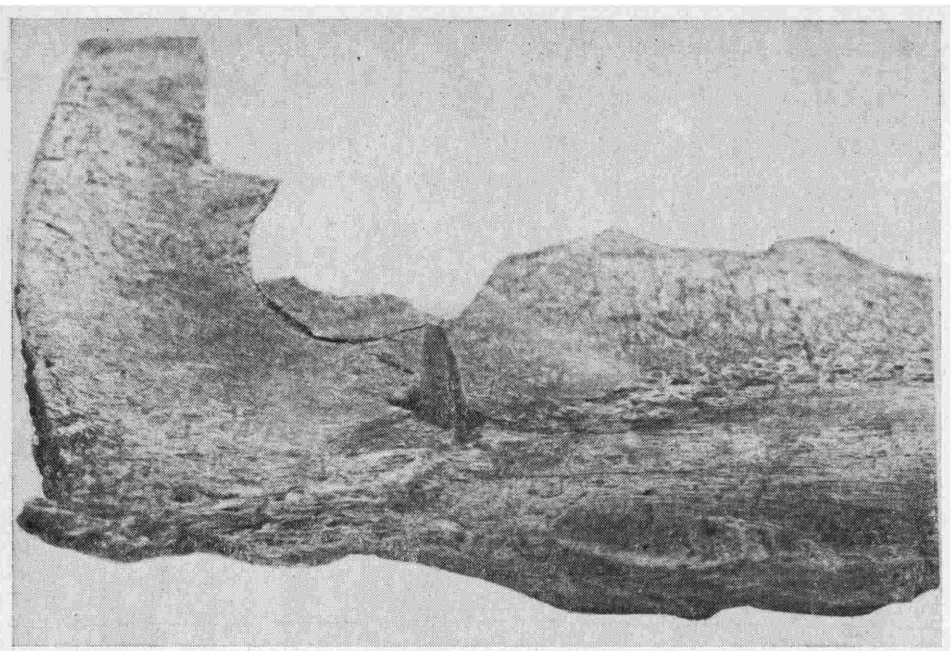

Рис. 1. Обломок лопатки зубра с вонзившимся в него наконечником из рога северного оленя (Кокорево I)

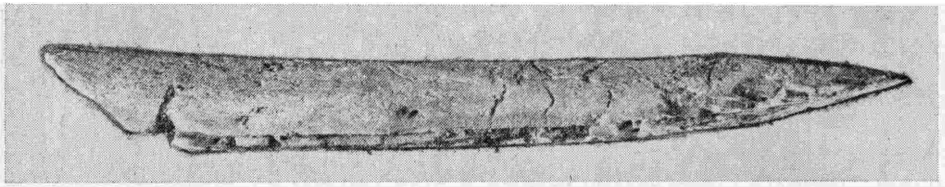

Рис. 2. Наконечник из рога северного оленя с кремневыми вкладышами (Кокорево I)

лопатки, а остальное — пористая часть мозговой полости. Обломок наконечника застрял на расстоянии 7 см от верхнего края и в 2,5 см от правого края лопатки. Неровный излом наконечника находится на внешней стороне лопатки вровень с ее поверхностью и острие выступает на 2 см над ее внутренней стороной (рис. 1).

Согласно анатомическому и рентгенологическому заключению проф. Д. Г. Рохлина, торчащая часть наконечника имеет такую длину, которая позволяет утверждать, что острие повредило лишь мышцы, расположенные под лопаткой, но не проникло в органы грудной клетки. Никаких реактивных изменений, которые могли бы свидетельствовать о частичном заживлении раны кости, нет.

Следовательно, нанесенная животному рана не была смертельной, но нельзя с уверенностью установить могло ли животное прожить небольшой срок (до 10—12 дней), по истечении которого на костях могут проследиваться следы заживления, или оно погибло сразу при нанесении ему других, более серьезных повреждений. Несомненно одно — животное подвергалось преследованию. Судя по размерам лопатки, согласно Н. М. Ермоловой, ископаемый зубр был значительно крупнее современного, хотя возраст этой особи не превышал 7,5—8 лет, так как надлопаточный хрящ еще не прирос. Высота этого животного в холке была примерно 1,9—2 м. Дротик, пронзивший шкуру и мышцы зубра и застрявший в лопатке почти под прямым углом, был брошен сзади, на высоте 1,5—1,6 м от уровня земли. Таким образом, животное было ранено не в

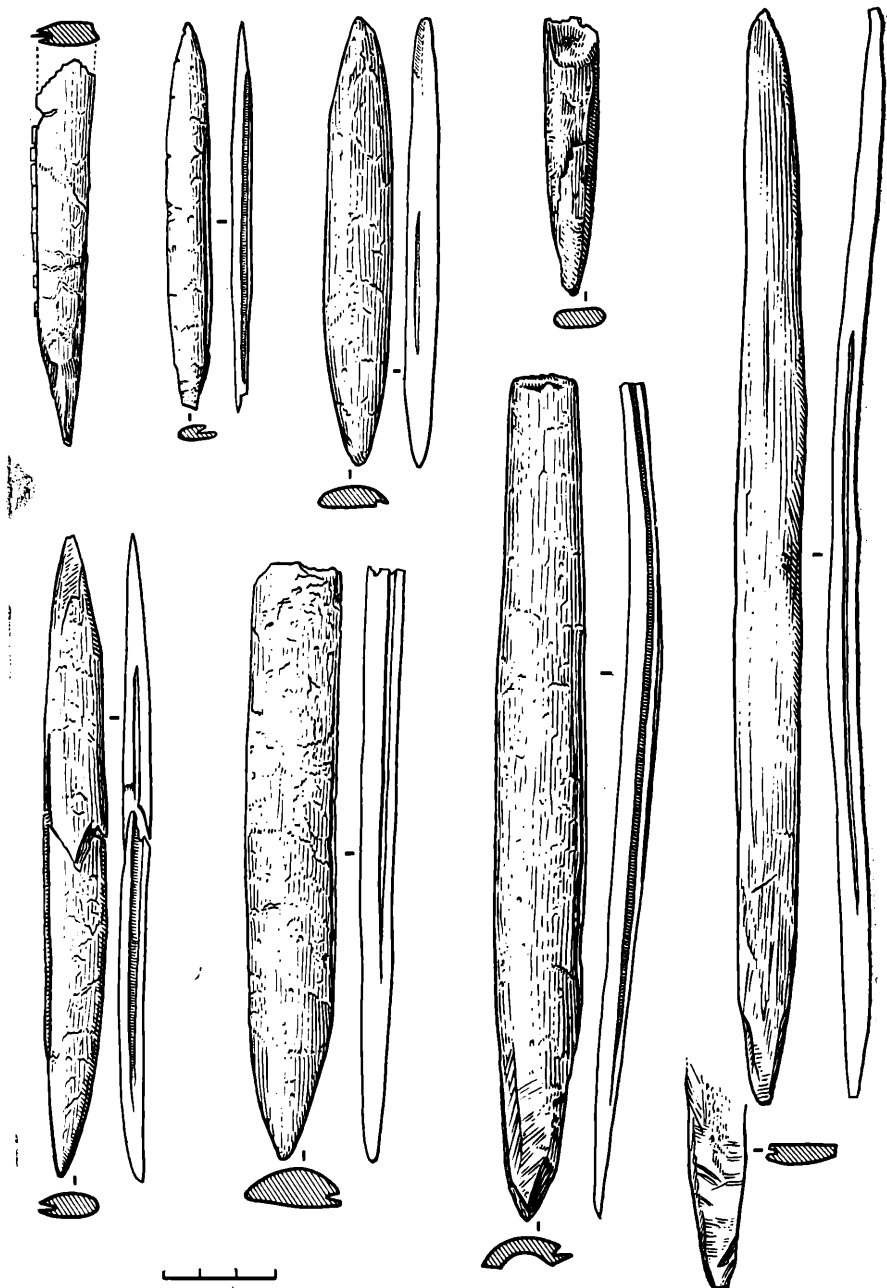

Рис. 3. Вкладышевые орудия: наконечники и кинжалы (Кокорево I)

яме—ловушке, где удар был бы направлен сверху, а на открытой местности, человеком высокого роста, взмах руки которого шел параллельно земле. Сила удара показывает, что оружием пользовались на небольшом расстоянии, может быть, вплотную подойдя к животному. Возможно, что охотник скрадывал зверя, и, стараясь попасть в область сердца, метил под лопатку, но промахнулся.

Это первый в истории изучения палеолита на территории СССР случай, в котором так непосредственно и ярко отражена активная охота первобытного человека, вооруженного дротиком с роговым наконечником. Однако кости животных с пробитыми отверстиями встречались на стоянках и ранее. Так, Г. П. Сосновский отмечает пробитую кость от задней конечности северного оленя, найденную также на стоянке Кокорево I².

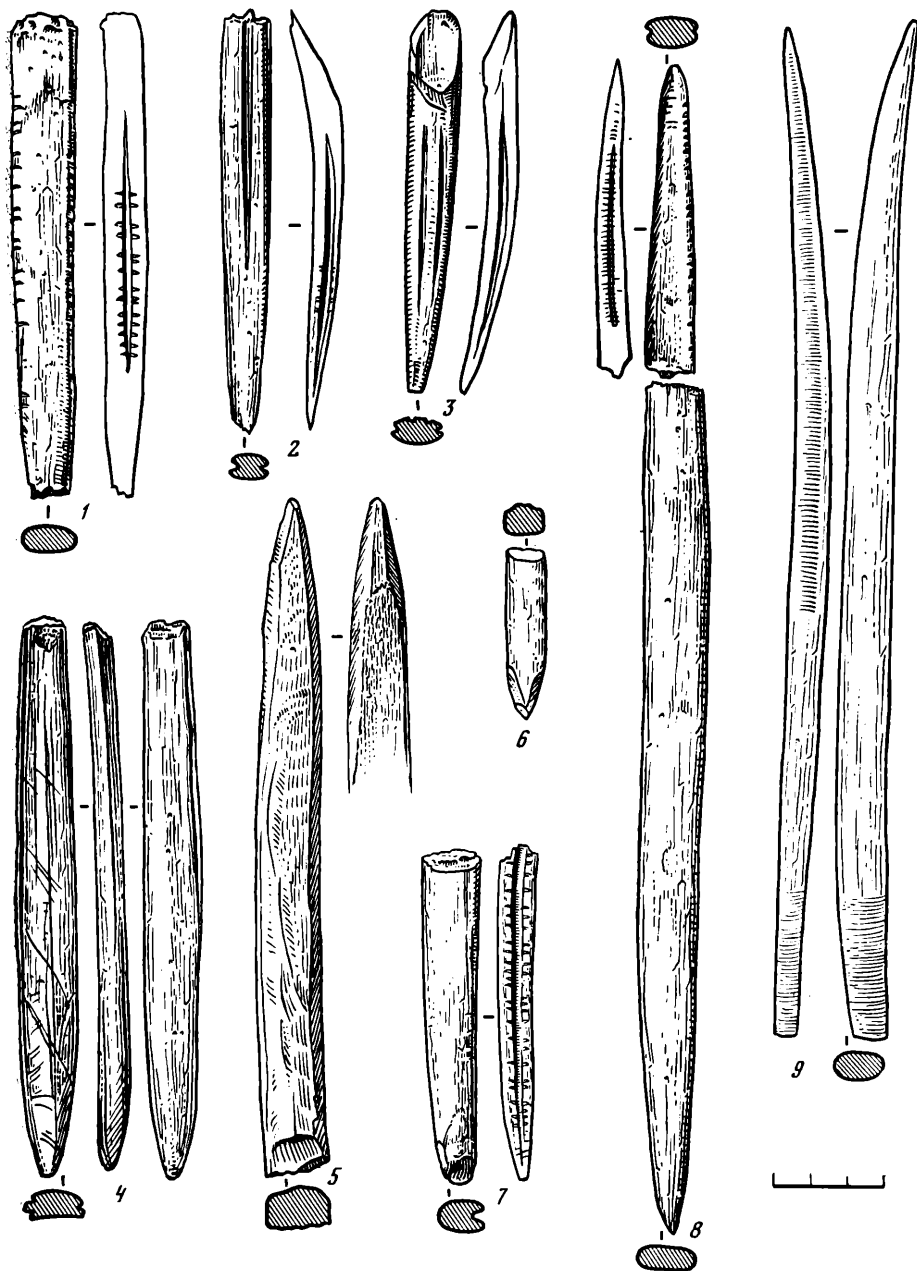

Рис. 4. Наконечники из рога

1—3, 7, 8 — Кокорево II; 4, 5 — Таштык II и из бивня мамонта; 6 — Ачинская, 9 — Мальта

Можно упомянуть находки костей северного оленя, главным образом лопатки с пробитыми отверстиями на стоянках Мейендорф и Аренсбург (ФРГ). А. Руст считает эти отверстия следами повреждений метательным оружием, по всей видимости, гарпуном³. Любопытно, что на стоянке Хай Фэрлонг в Великобритании обнаружены поврежденные гарпунами кости лосося⁴. Наиболее близкой аналогией нашей находке остается позвонок бизона с застрявшим в нем кремневым наконечником типа фолсом, открытый в североамериканской стоянке Линденмейер в штате Колорадо⁵. Следует особо подчеркнуть, что все эти факты относятся примерно к одному времени — концу ледникового периода.

Напомним, что в палеолитическом искусстве юго-западной Франции

изображения раненого бизона на стенах пещер (Ню) или в искусстве малых форм (Истюриц) датируются мадленской эпохой. Среди немногих композиций, сохранившихся в мадленском искусстве, есть и такие, где изображен человек, преследующий зубра (Ложери-Бас, Мас д'Азиль).

Однако недавно в печати появилось новое, несравненно более древнее свидетельство охоты первобытного человека, правда, не связанное со стоянкой. Речь идет о знаменитом магаданском мамонтенке, который, по заключению Н. К. Верещагина, незадолго до гибели «...был ранен каким-то острым колющим предметом. С наружной стороны правого запястья пробита кожа толщиной 5—6 мм и под ней образовался кровоподтек... В селевом потоке такой ранки образоваться не могло. Скорее всего, это был удар дротика или клевца»⁶. Если учитывать, что абсолютная датировка мамонтенка $38\,590 \pm 850$ л. н. (ЛУ—718А) и $39\,570 \pm 870$ л. н. (ЛУ—718Б), заключение об его прижизненном ранении человеком вызывает большие сомнения. Даже допуская заселение северо-восточной Азии в столь древнее время, трудно представить почему люди не воспользовались столь легкой добычей.

Обратимся теперь к вопросу об оружии, использованном для охоты и, прежде всего, рассмотрим обломок наконечника, застрявший в лопатке. По форме он аналогичен наконечникам, найденным в целом виде в Кокорево I и в других палеолитических стоянках Енисея и, как и они, изготовлен из рога северного оленя. Выбор этого материала, как отмечает Н. М. Ермолова, не случаен, так как роговая ткань у оленей более вязкая, чем костная, и, следовательно, не раскалывается при ударе и может пробить даже кость. Вдоль одного края наконечника прорезан узкий и глубокий паз, который начинается непосредственно у острия. Осмотр наконечника под бинокулярной лупой позволил А. К. Филиппову установить наличие мелкой кремневой чешуйки, сохранившейся в пазу в глубине лопатки.

О том, что подобные пазы оснащались кремневыми вкладышами свидетельствует находка в том же слое аналогичного по форме, но более крупного обломка наконечника. По одному краю его нанесен узкий и глубокий паз, в котором крепко держатся сечения мелких кремневых пластинок, образующие неровное острое лезвие, слегка выступающее над стенками паза — это подлинное сплошное лезвие, причем микропластинки не имеют никаких следов обработки (рис. 2).

Таким образом, на стоянке Кокорево I засвидетельствовано применение для охоты составных вкладышевых орудий и тем самым подтверждено положение о прогрессивности вкладышевой техники, возникшей в Сибири в конце позднего палеолита и получившей широкое развитие в неолитическую эпоху. Не случайно, орудия с пазами, пригодными для вставки мелких вкладышей, найдены также в Прибайкалье (Верхоленская Гора, слой 3) и в Забайкалье (Ошурково) на стоянках, которые, возможно, знаменуют собой начало мезолитической эпохи. На Енисее в гроте Двуглазка в верхней линзе находок ограниченного распространения (слой 3) обнаружена небольшая костяная оправа для вкладышей вместе с тонкими микропластинками и мелким коническим нуклеусом. Вкладышевые орудия, характерные для стоянок кокоревской культуры на Енисее представлены на рис. 3.

На стоянках, принадлежащих к афонтовской культуре: Афонтова Гора II и III, Бирюса, Кокорево II, Таштык I и II вместе с вкладышевыми представлены наконечники тех же форм и размеров, изготовленные из того же материала, но мелкие и широкие пазы которых не могли служить для закрепления кремневых пластинок и, следовательно, эти орудия не включаются в категорию составных вкладышевых⁷. Характерной особенностью ряда наконечников из Афонтовой Горы II и Кокорево II, отличающей их от наконечников кокоревской культуры, является наличие желобков на плоских поверхностях и наличие коротких поперечных нарезок, пересекающих желобки, расположенные по краям (рис. 4). Последний прием известен и в Тыштыке II. Трудно судить о функцио-

нальном назначении мелких желобков и поперечных нарезок, но их наличие не противоречит тому, что орудия могли служить охотничьим вооружением. По условиям залегания, фауне, включающей мамонта, радиоуглеродной дате Афонтовой Горы II (20 900±300 л. н. ГИН—117) афонтовская культура появилась на Енисее раньше кокоревской. Можно высказать предположение, что именно на основе наконечников с мелкими желобками, которые наносились, по всей вероятности, для уменьшения веса орудия, для стока крови при ранении и т. д., произошло такое важное изобретение как вкладышевая техника. В дальнейшем оба типа наконечников продолжали существовать вместе.

И в Афонтовой Горе II и в Кокорево II имеются изделия из бивня мамонта, в частности из Кокорево II происходит орудие с треугольным концом, овальное в сечении и, видимо, представляющее собой часть наконечника. Самые выразительные орудия из бивня мамонта представлены на стоянке Мальта в Прибайкалье. Предполагаемый возраст этой стоянки 22 000—24 000 лет, радиоуглеродная дата по кости 14 750±120 л. н. (ГИН—97) противоречит остальным данным. Длинные массивные стержни с овальным сечением имеют один конец заостренный, второй притупленный⁸. Длина таких орудий 29—30 см, диаметр в средней части 1,5 см. Притупленный конец служил для прикрепления к древку, о чем свидетельствуют многочисленные опоясывающие его тонкие неровно нанесенные нарезки. От острия примерно на две трети длины орудия одна из узких сторон несет ровно срезанную грань со следами поперечной штриховки мелкими нарезками, техническое назначение которых неясно. Такие нарезки, вместе с тем, можно рассматривать в качестве провозвестников поперечных нарезок на наконечниках предшествующей более поздней группы, когда их реальный смысл был, видимо, утрачен.

Для полноты картины можно упомянуть также обломки стержневидных наконечников из бивня мамонта, найденные на Ачинской стоянке (р. Чулым), которая, по всем данным, принадлежит к кругу памятников мальтинской культуры. Эти наконечники имели заостренный конец и сечение округлой, подчетыреугольной и почти квадратной формы⁹.

Таким образом, все три группы орудий от наконечников из бивня мамонта до составных вкладышевых наконечников из рога северного оленя показывают развитие охотничьего вооружения в палеолите Восточной Сибири.

¹ *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979; *Она же.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979;

Астахов С. Н. Позднепалеолитическая стоянка Кокорево IV.—СА, 1966, № 2

² *Сосновский Г. П.* Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины.—Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935, вып. 118, с. 216, примеч. 2.

³ *Rust A.* Vor 20000 Jahren Rentierjäger der Eiszeit. Neu-münster, 1962, pl. V, p. 20.

⁴ *Hallam J. S., Edwards B. J. N., Barnes B., Stuart A. J.* The Remains of a Late Glacial Elk associated with Barbed Points from High Furling, near Blackpool, Lancashire.—Proceedings to the Prehistoric Society. Cambridge, 1973, vol. 39.

⁵ *Roberts Fr. H. H.* Additional Information on the Folsom Complex: Report of the Second Season's Investigations at the Lindenmeier Site in Northern Colo-

rado.—Smithsonian Misc. Coll. Washington, 1936, part. 10.

⁶ *Верещагин Н. К.* Тафономические замечания.—В кн.: Магаданский мамонтенок. Л., 1981, с. 275.

⁷ *Ауэрбах Н. К., Сосновский Г. П.* Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова Гора.—Труды КИЧП, Л., 1932, т. I; *Ауэрбах Н. К.* Палеолитическая стоянка Афонтова гора III.—Труды Об-ва изучения Сибири и ее производительных сил. Новосибирск, 1930, вып. 7; *Хлобыстин Л. П.* Изделия из кости и рога палеолитических слоев Бирюсинского поселения.—МИА, 1972, № 185.

⁸ *Герасимов М. М.* Мальта, палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.

⁹ *Авраменко Г. А.* Палеолитическая стоянка у г. Ачинска.—Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.

ДРЕВНИЕ ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Обитателям палеолитических поселений Забайкалья основные продукты питания доставляла охота. Она велась в сложных климатических условиях, характеризующихся прежде всего низкими температурами, удерживающимися большую часть года. Вместе с тем, природа Забайкалья имела весьма привлекательную особенность — богатую и разнообразную фауну, включающую как сибирские, так и центральноазиатские виды.

Существовали долговременные общинные поселения, располагавшиеся в центре промысловых угодий с радиусом действий охотников, предположительно в несколько дней пути, а также кратковременные стоянки.

Выбирая место для базового поселения, люди учитывали не только наличие промысловой фауны в окрестностях, но и его комфортабельность. Это прослеживается на примере поселения Толбага, датированного началом позднего палеолита¹.

Обитатели Толбаги селились на склоне сопки, закрытой от ветров с севера. С поселения открывался вид на значительный участок долины реки Хилок с ее двумя притоками. По соседству находились отвесные скалы, глухие боковые распадки. Пересеченный рельеф, окружающий поселение, способствовал организации загонной охоты.

Раскопки обширной площади Толбаги позволили выявить серию жилищ, образующих охотничий поселок. Жилища были наземными округлой и овальной формы с естественными суглинистыми полами длиной от 6 до 12 м. Обогревались они кострищами, разжигаемыми прямо на полу, или же с помощью очагов, ограниченных по краям плитами. Наряду с древесинной в качестве топлива употреблялись, очевидно, и кости. Как находки внутри жилищ, так и само их расположение свидетельствуют о сезонном характере поселения, связанном с холодным временем года. Наряду с «зимним» было и «летнее» поселение на самом берегу реки.

Очень близок по характеру к Толбаге одновозрастной ему памятник Варварина Гора в бассейне реки Уда². Общность проявлялась в облике жилищ, наборе каменных изделий, составе фауны. Оба поселения несомненно относились к одной культуре начальной поры позднего палеолита (35—25 тысяч лет назад).

В Толбаге и Варваринной Горе широко представлены фаунистические останки. Судя по ним, главное место в охотничьей добыче занимали носорог и лошадь. Мамонт, судя по костным остаткам, занимал одно из последних мест. Это соответствует сложившимся представлениям о соотношении плейстоценовых видов животных в Забайкалье. В списке видов млекопитающих были также винторогая антилопа, бизон, благородный олень, сайга.

Есть в фауне двух памятников и различия. Так, на Варваринной Горе найдены остатки зайца, волка, сурка, лисицы, архара или сибирского козла. В Толбаге обнаружены кости гиены, кулана, джейрана, байкальского яка, северного оленя.

Различия, однако, носят второстепенный характер и возможно связаны с тем, что оба поселения раскопаны еще не полностью. Ясно, что охота производилась на достаточно широкий круг животных, водившихся в дальних и близких окрестностях.

Особо отметим, что на том и другом поселениях особи животных представлены только разрозненными костями, причем большинство из них разбиты. Расчленение туш животных, очевидно, происходило на месте охоты, при этом наименее пригодные части не транспортировались.

В последующие периоды позднего палеолита состав фауны остается практически тем же, что и в его начале. Так, на поселении Санный Мыс, ряд горизонтов которого (4—7) относятся к периоду от 25 до

13 тыс. лет, обнаружены кости носорога, лошади, винторогой антилопы, горного козла. В культурных отложениях поселений позднесартанского интерстадиала * таких, как Куналей (горизонт 3), Санный Мыс (горизонт 3), Студеное (горизонт 14—19), Сохатино—4, выявлены остатки носорога, лошади, северного и благородного оленей, лося, кулана, косули, барана, сайги, винторогой антилопы, быка или бизона, мамонта (?). Единственным новым объектом охоты на позднем этапе является, по сути дела, косуля. Обращает на себя внимание присутствие в фауне носорога, тогда как в других районах Сибири он исчезает значительно раньше. Сухой и холодный центральноазиатский климат был для этого вида, очевидно, наиболее благоприятным. Винторогая антилопа не вымирает в начале верхнего плейстоцена, как предполагалось ранее, а существует в Забайкалье вплоть до финального плейстоцена. Время исчезновения мамонта в Забайкалье остается пока еще неизвестным. Характер фауны на протяжении всего позднего палеолита не дает оснований для теории, по которой в период сартанского оледенения население Забайкалья переходит к «кочевому характеру охоты»³. Вообще термин «кочевой» вряд ли приемлем по отношению к палеолитическим охотникам, его правильнее использовать для характеристики образа жизни определенной части более поздних скотоводов.

В эпоху мезолита (11—7 тысяч лет тому назад) характер хозяйства в сравнении с палеолитом становится существенно иным. Это во многом связано с изменением природной обстановки и ее составной части фауны. Конкретные данные получены в результате раскопок многочисленного поселения Студеное (горизонты 10—13/2) на реке Чикой⁴, где периодически останавливались полуоседлые охотники и рыболовы. Они жили в небольших жилищах диаметром до 3,75 м. «Пол» жилищ песчаный, содержащий включения углистой массы с орудиями, отходами производства и костными остатками. Вне жилищ встречались небольшие кострища, но находок в них было заметно меньше. Мощность культурных горизонтов незначительна, что, несомненно, связано с кратковременностью стоянок.

Обитатели Студеного охотились на благородного оленя, косулю, джейрана, барана. Такой состав промысловой базы служит достаточно сильным основанием для предположений о развитии новых способов охоты, в том числе индивидуальной. Она могла быть продуктивной только при наличии лука и стрел. Вместе с тем ни одного традиционного каменного наконечника стрелы на поселении не найдено. Возможно, древний человек был крайне бережлив и такие важные изделия как наконечники стрел терялись им и не попадали в культурный слой поселения. Следует отметить наличие в материалах поселения обломка очень узкой костяной пластинки с двумя боковыми глубокими прорезями. С учетом двулезвийности это делает ее использование в качестве основы ножа весьма затруднительным. Возможно, что подобные костяные основы, со вставленными в пазы микропластинками, являлись вкладышевыми наконечниками стрел. Традиция изготовления узких двупарных основ сохраняется и в раннем неолите.

Важное значение в хозяйстве жителей Студеного имело рыболовство. Они ловили небольших сибирских ельцов и сибирскую плотву (до 20 см), а также крупных налимов и щук (до 50 см). Обнаружены рыболовные крючки, изготовленные из обломков отростков рогов косули. Они слабоизогнуты по форме с кососрезанным основанием и пришлифованной поверхностью. Крючки, очевидно, закреплялись на специальных удлиненных планках. Такие планки с крючком на одном конце и нарезками для привязывания лесы на другом найдены в неолитических погребениях Прибайкалья⁵. Известны также костяные стерженьки из небольших косточек, которые могли служить частью составных крючков. Ранее гарпуны, кости и чешуя рыб (виды не определены) были обнаружены на по-

* 13—11 тыс. лет тому назад.

селении Ошурково⁶, которое, по нашему мнению, занимает промежуточное положение между палеолитом и мезолитом.

Возникновение рыболовства, несомненно, связано с изменением хозяйства при переходе от плейстоцена к голоцену, с поисками новых путей в его развитии, и новых возможностей в добывании продуктов питания.

¹ Базаров Д. Б., Константинов М. В., Иметженов А. Б., Базарова Л. Д., Савинова В. В. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. К XI конгрессу INQUA (Москва, 1982). Новосибирск, 1982, с. 20—35.

² Окладников А. П. Варварина Гора — новый памятник леваллуазского этапа палеолита за Байкалом. — В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 215, 216.

³ Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности: Учебное пособие. Иркутск, 1979, с. 20.

⁴ Базаров Д. Б., Константинов М. В., Иметженов А. Б. и др. Геология и культура..., с. 44—67.

⁵ Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974, с. 115—227.

⁶ Окладников А. П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк. — В кн.: Археологический сборник. Улан-Удэ, 1959, вып. 1, с. 5—26.

Р. С. ВАСИЛЬЕВСКИЙ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРИМОРСКОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ТИХООКЕАНСКОГО БАССЕЙНА

Освоение человеком прибрежных и морских ресурсов северной части Тихоокеанского бассейна, как показывают исследования, началось еще в позднем плейстоцене. Поиски новых средств существования обуславливались изменениями природной среды. Важную роль при этом играли климатические и экологические факторы. Резкое потепление в конце плейстоцена и связанные с ним оттаивание грунтов, развитие термокарстовых процессов и заболачивание привели к гибели мамонтовой фауны в Северной Азии¹. В то же время потепление вод на севере Тихого океана от 6° до 10° создало благоприятные условия для развития морской фауны. Количественно и качественно изменился планктон и, как следствие, более многочисленными стали киты, ластоногие и другие морские млекопитающие. Эти климатические перемены и «полная экологическая мутация», по выражению французского исследователя Ж. Малори, привели к трансформации охотников тундры в морских зверобоев².

Становление приморской экономики проходило в условиях кризиса хозяйства континентальных охотников, вызванного сокращением, а затем и исчезновением крупных плейстоценовых животных.

Первоначально для промысла морских млекопитающих использовалось охотничье вооружение, выработанное ранее. Однако в тех местах тихоокеанского побережья, где в результате потепления складывалась благоприятная обстановка для процветания морской фауны происходила активная адаптация населения. И это находит отражение в материальной культуре как адаптивная реакция на перемены в экосистеме. Уже на ранних этапах развития приморских культур 8000—9000 л. н. появляются специфические формы каменных ножей, остроконечников.

Положение это хорошо иллюстрируется материалами стоянки Анангула (Алеутские острова), располагавшейся у самого края древней Беренговой платформы. Стоянка была обитаема на протяжении 765 лет между 8425 и 7660 л. н., а ее население было связано с прибрежной системой хозяйства, включавшей собирательство продуктов моря и охоту на китов, котиков, тюленей, морских львов³. В составе инвентаря Анан-

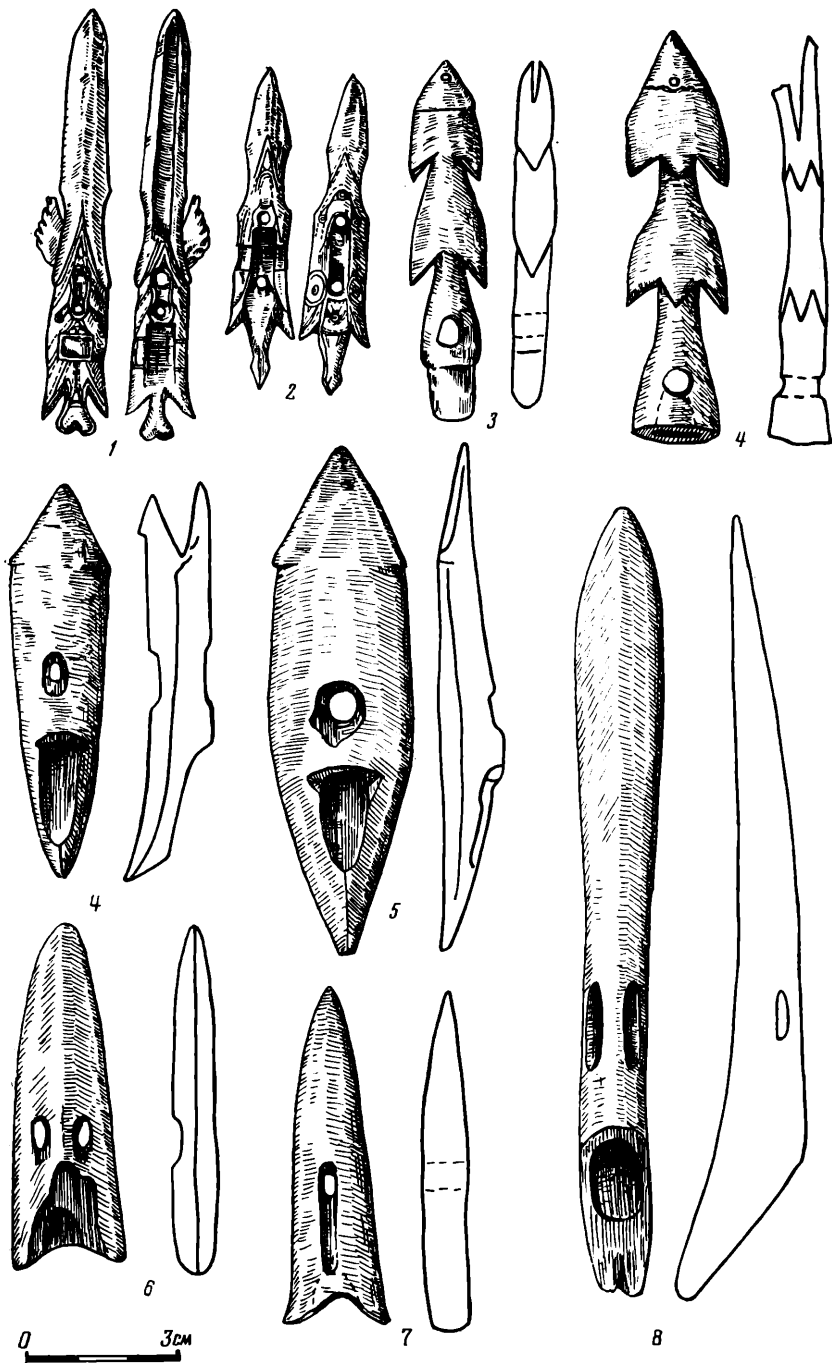

Рис. 1. Костяные наконечники гарпунов древних эскимосских (1—2) и древнеякутской (3—8) культур

гулы имеются серии изготовленных из пластин и пластинчатых отщепов остроконечников, ножей, скребловидных и резовых инструментов, специально предназначенных для промысла морских животных и их разделки.

В процессе дальнейшей адаптации населения на побережье усиливается и специализация хозяйства. Экономика становится все более ориентированной на прибрежные и морские ресурсы. Выработывается целый комплекс специализированного охотничьего вооружения: костяные наконечники

нечники гарпунов, каменные лезвия для их оснащения, фигурные ножи с широким лезвием, кожаные лодки для морской охоты и др. С изобретением поворотного гарпуна возросла эффективность морского промысла в экстремальных условиях.

Самые древние из известных в настоящее время наконечников гарпунов поворотного типа найдены на восточном побережье о. Хоккайдо на стоянке Хигасикусиро II, относящейся к раннему неолиту (ранний дзёмон) и датированной радиоуглеродным методом 7340—7130 л. н. Вместе с наконечниками гарпунов в раковинной куче на стоянке обнаружены кости морского льва-сивуча, тюленей⁴. Наконечники гарпунов Хигасикусиро имеют простейшие формы. Сделаны они из трубчатых костей животных, длиной 8—10 см. Острие наконечников тщательно заточено, у основания имеются небольшой перехват и открытое, в виде желобка, гнездо для колка древка.

Со временем конструкции поворотных наконечников гарпунов усложняются. Появляются их различные модификации. Наиболее сложные гарпуны поворотного типа представлены в древних эскимосских культурах Берингоморья (рис. 1, 1—2). Щедро украшенные узорами криволинейного орнамента они по конструктивным деталям отличаются от поворотных наконечников палеоалеутской, древнекоряжской и охотской культур (рис. 1, 4—8; 2). Выбор тех или иных форм гарпунов зависел от видов промысловых животных, географических и климатических условий.

Советские исследователи С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев, основываясь на статистическом анализе распространения различных типов наконечников гарпунов, показали, что в Северной Пацифике поворотные наконечники использовались только там, где море позволяло охотиться на морского зверя на плаву, где оно обычно бывает покрыто плавучими льдами⁵.

К таким районам относятся Чукотский полуостров, северо-западное побережье Аляски, северо-восточное побережье Камчатки, север Охотского побережья, Северные Курильские острова, северная часть Хоккайдо. В тех же местах, где плавучих льдов практически не бывает (например, у Алеутских островов), или наоборот, там, где образуются сплошные ледяные поля и охота на морских млекопитающих, возможна только у лунок-отдушин (например, в высоких широтах побережья Ледовитого океана), гарпуны поворотного типа не имели широкого распространения. В таких районах использовались главным образом зубчатые наконечники гарпунов, которые известны на Хоккайдо, Сахалине, Охотском побережье, Курильских островах, Камчатке, Алеутских островах, на о. Кадьяк и в юго-западной Аляске (рис. 3). Они встречаются здесь большими сериями и широко варьируют по формам, причем многие формы являются общими для всей зоны.

Важно при этом, что приморская экономика охотской, древнекоряжской и палеоалеутской культур базировалась главным образом на промысле тюленей, сивуча и кита, в отличие от древнеэскимосских культур, которые были ориентированы прежде всего на промысел моржа. Это отразилось на всем облике промыслового снаряжения и культур в целом⁶.

В разных районах Тихоокеанского Севера степень развития приморской экономики была различной. Для большинства культур этой зоны характерно сочетание морского промысла с рыбной ловлей и охотой на водоплавающих птиц. В районах с более умеренным климатом на Охотском побережье, Сахалине, Курильских островах, Хоккайдо в экономике местных культур существенную роль играло собирательство морских моллюсков. На этом пространстве зафиксировано около 3000 раковинных куч, в которых идентифицированы 22 вида морских моллюсков.

Сравнительный анализ материалов культур периода неолита и ранних металлов северной части Тихоокеанского бассейна позволяет выделить несколько хозяйственно-культурных моделей, связанных с разными видами адаптации.

1. *Континентальный*. Характеризуется экономикой, ориентированной

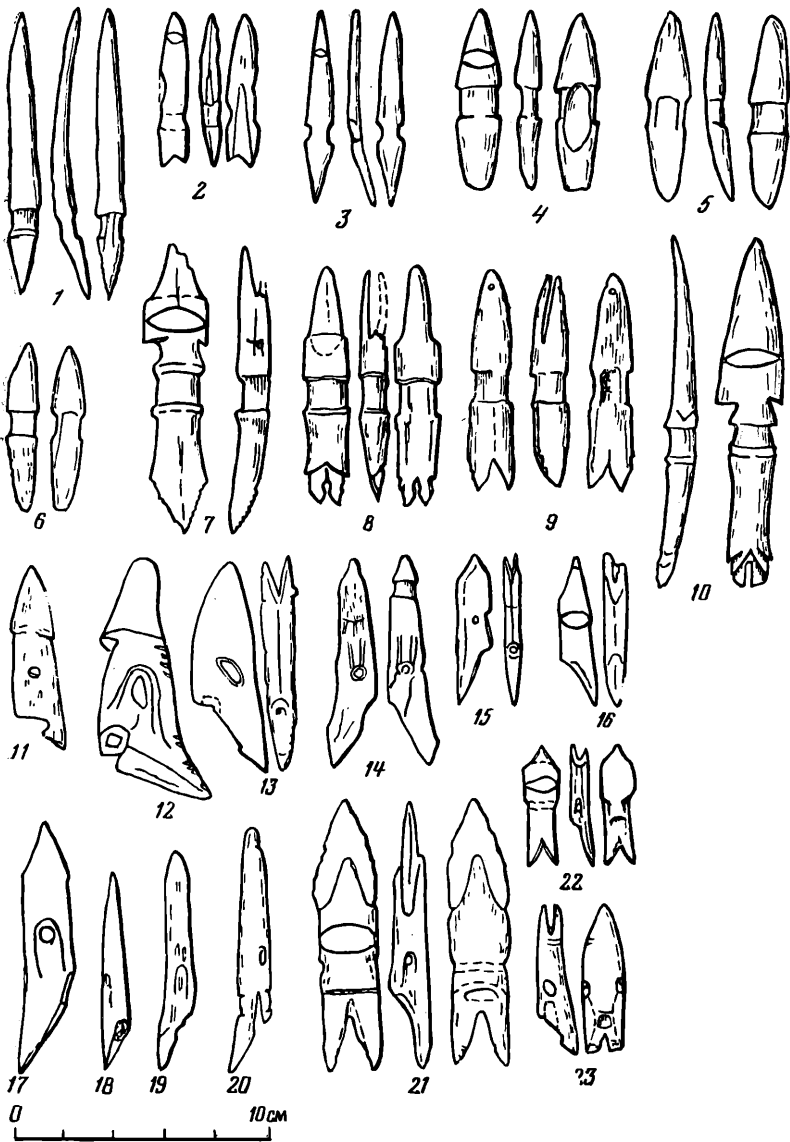

Рис. 2. Костяные наконечники гарпунов охотской культуры (1—23)

исключительно на использование ресурсов внутриконтинентальных областей. К этому виду относятся стоянки охотников и рыбаков внутренних районов Чукотки, бассейна Колымы, а также Аляски, например поселения индейцев-атапасков в долине р. Ненана.

2. *Видоизмененный континентальный.* Охота в основном на сухопутных животных, но с эпизодическим (сезонным) промыслом на побережье. Специализация, рассчитанная на интенсивную морскую охоту и рыбную ловлю, отсутствует. Используется охотничье вооружение, выработанное во внутренних районах. Примером могут служить неолитические стоянки прибрежных районов Охотского побережья, стоянки (II тысячелетия до н. э.) системы рек Накнек и Брукс на Аляске, неолитические поселения прибрежных районов Хоккайдо.

3. *Континентально-приморский.* Экономика носит двойственный характер (охота в зависимости от сезонов, на побережье и на континенте), но с более интенсивным морским промыслом, включающим технологическую специализацию (гарпунный комплекс, кожаные лодки и т. д.). Такая хозяйственная изменчивость фиксируется, например, у эскимосов

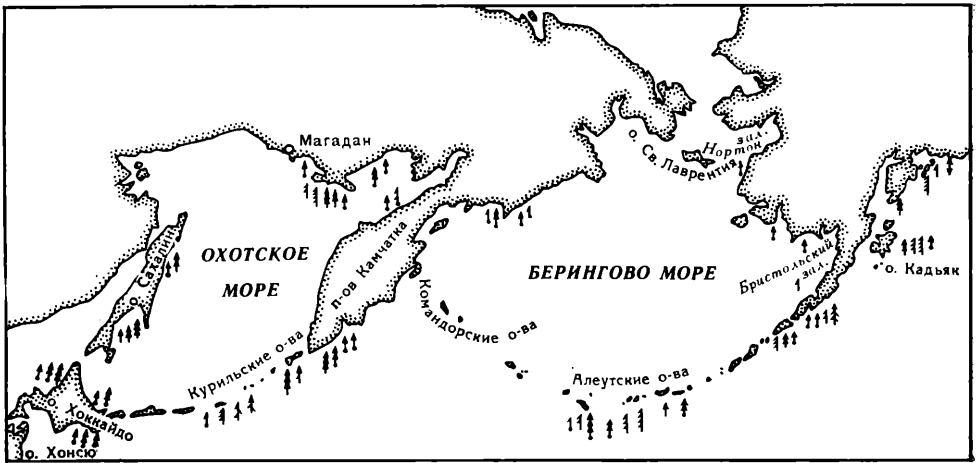

Рис. 3. Карта распространения зубчатых наконечников гарпунов в северной части Тихоокеанского бассейна

культуры Туле, которые переходили то к охоте на оленей, то к промыслу морских животных, то к смешанной системе.

4. *Приморский.* Полная ориентация экономики на прибрежные и морские ресурсы, включая птиц и беспозвоночных. Высокая специализация охотничьего вооружения. Характерен для культур Алеутских островов, а также древних эскимосских культур Берингова моря.

5. *Видоизмененный приморский.* Экономика в основном ориентирована на прибрежные ресурсы. Хорошо развита специализированная технология для морской охоты и рыбной ловли. Вместе с тем существуют и дополнительные источники (охота на сухопутных животных). К этому виду относятся древнекорякская культура Охотского побережья и охотская культура (Сахалин, Хоккайдо, Курильские острова).

Особенностью последней является то, что морской промысел дополняется здесь занятием свиноводством и разведением на млекопитающих собак (по данным раскопок, на Южном Сахалине и Северном Хоккайдо).

Сопоставление различных видов адаптации показывает, что наиболее высокая культурная устойчивость обнаруживается у культур, ориентированных на прибрежные хозяйственные системы. При этом прослеживается прямая зависимость — чем глубже связь с побережьем, чем интенсивнее эксплуатация морских ресурсов, тем выше стабильность культуры.

В сравнении с хозяйственно-культурными типами континентальных охотников морской промысел оказался более эффективным и производительным. Он в большей степени обеспечивал демографическую устойчивость населения, его оседлость и общий подъем культуры.

При благоприятных условиях приморские хозяйственные системы становились даже основой для зарождения земледелия. Так было, например, на юго-западе Хоккайдо, где исследовано поселение Хаманасуно, относящееся к раннему дзему.

В процессе раскопок на поселении внутри жилищ собрано 259 фрагментов обожженных костей. Несмотря на их очень плохую сохранность удалось идентифицировать 91 образец. Среди них 72 принадлежали морским млекопитающим, 3 — оленю и зайцу, 3 — птицам и 13 — рыбам. Среди морских млекопитающих определены пятнистый, полосатый и северный пушной тюлени, морской лев, бурый дельфин, выдра⁷. Эти данные свидетельствуют о развитом промысле морских животных.

Однако морской промысел не был определяющим в экономике Хаманасуно в период раннего дзема. По мнению канадских и японских исследователей, проводивших изучение поселения, население Хаманасу-

но занималось возделыванием гречихи. Об этом свидетельствуют находки на полу жилищ зерен гречихи и сотен каменных зернотерок⁸.

Сам факт сочетания элементов двух различных форм экономики — морского зверобойного промысла и земледелия — весьма примечателен. Поселение Хаманасуно существовало на протяжении 4940—3100 лет до н. э.⁹ Такая продолжительность существования поселения и последовательная культурная преемственность указывают на стабильность и самой культуры и ее экономической системы.

Рассмотренные материалы отражают особенности и общие закономерности исторического процесса становления и развития специализированного приморского хозяйственного уклада в северной части Тихоокеанского бассейна.

- ¹ Дейглин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М., 1979, с. 262, 263; Ермолова Н. М. Фрагменты экологии человека каменного века Южной Сибири.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 63—65.
- ² Malaurie J. Pour une Préhistoire des sociétés maritimes et de la navigation pré-esguimaudes dans les zones côtières du Pacifique Nord, des mers de Tchoutchi et de Beaufort.— *Inter-Nord*, 1975, № 12, p. 171—190.
- ³ Laughlin W. S. Aleuts: Survivors of the Berlin Land Bridge. New York, 1980, p. 64—68.
- ⁴ Сава Сиро. Предварительный отчет о раскопках стоянки Хигасигусиро.— Бюллетень Комитета просвещения города Кусиро. 1968, № 3, с. 3—7. На японск. яз.
- ⁵ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975, с. 78.
- ⁶ Подробнее см.: Василевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971; Он же. Древние культуры Тихоокеанского севера. Новосибирск, 1973.
- ⁷ Hurley W., Ralph E., Han M., Yoshizaki M. The Chronometric Gap from Early Jomon in Southern Hokkaido: A Radiocarbon and Thermoluminescence View.— *Asian Perspectives*, 1978, vol. 19, № 1, p. 138, 139.
- ⁸ Crawford G., Hurley W., Yoshizaki M. Implications of Plant Remains from the Early Jomon, Hamanasuno Site.— *Asian Perspectives*, 1978, vol. 19, № 1, p. 147—149.
- ⁹ Hurley W., Ralph E., Han M., Yoshizaki M. The Chronometric Gap..., p. 138.

Д. Л. БРОДЯНСКИЙ

ВОДНАЯ ФАУНА БАСЕЙНА ЯПОНСКОГО МОРЯ В ПЕРВОВЫТНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Соотношение между видами экономики в палеолите обычно сводится к соотношению охоты и собирательства. Рыболовство, добыча моллюсков и других пресноводных и морских организмов относились, как правило, к голоцену. Но постепенно ситуация начинает меняться, и для Европы уже описаны памятники, содержащие следы рыболовства, начиная с ашеля. Позднеплейстоценовое рыболовство отмечено на юге Африки. Джинн Айгнер пишет о появлении людей, тесно связанных с морем, на севере Тихого океана, на побережье Берингова моря, по крайней мере, 35 тысяч лет тому назад. Образ жизни этих людей, как предполагается, имел «выраженный прибрежно-морской характер», включая наличие переходных судов и навигационных познаний¹.

К. Р. Флэдмарк упрекнул археологов в том, что они придерживаются догматических положений и по их мнению палеолитический человек избегал прибрежных районов и питал сильную антипатию к моллюскам и лососевым².

В полной мере замечание Флэдмарка можно отнести к археологам, занимающимся древними культурами побережья Японского моря.

Ф. Икава-Смит, сообщив о появлении 13 тыс. л. н. керамики на юге Японии, считает, что экономика была ориентирована на сушу и первые

четкие свидетельства активной эксплуатации морских ресурсов появились в виде раковинных куч 9 тыс. л. н.³

С. Сугихара, отметив роль рыболовства в европейском палеолите, в частности лов лососей, считал, что в Японии люди этого времени занимались главным образом охотой⁴. М. Ватанабэ отнес появление рыболовства к эпохе дзэмон, где оно сочеталось с охотой, собирательством и ранним земледелием⁵. Среди советских археологов также распространено мнение, что морская ориентация хозяйства началась на Дальнем Востоке в голоцене. Вместе с тем, появились сообщения об использовании морских продуктов еще в конце плейстоцена, в частности на о. Хоккайдо⁶.

Реконструкции прибрежной экономики палеолита мешают несколько объективных причин: небольшое число или даже полное отсутствие подлинно береговых стоянок и плохая сохранность костей, в том числе рыб. На территории Хоккайдо только в двух пунктах открыта мамонтовая фауна, в Приморье до работ в пещере Географического общества⁷, она вовсе не была известна. Очевидно, следовало бы считать, что в этом районе палеолитический человек занимался только изготовлением каменных орудий.

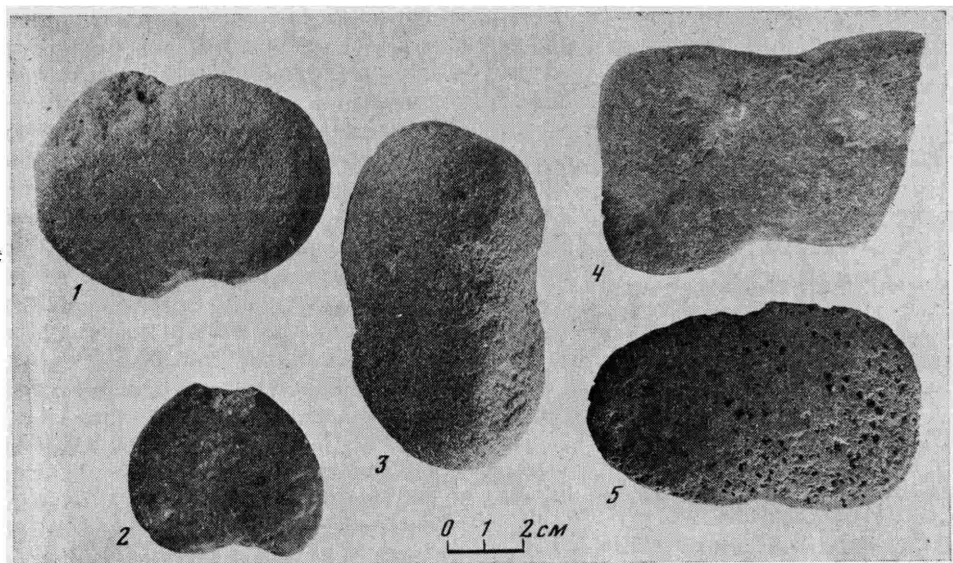
В упомянутой пещере, по сообщению Н. К. Верещагина, вместе с мамонтовой фауной найден зуб нерпы⁸. Сообщается об изображении кита на полу палеолитического жилища в Сокчани⁹. В такого рода информации, пусть еще недостаточной, нет ничего неожиданного. Н. Д. Овдов отметил преобладание в пещерах Приморья в позднем плейстоцене таежных видов фауны и одновременное существование степных или луговых видов (дикая лошадь, бизон, як)¹⁰. Разнообразие ландшафтов предопределяло пластичность форм и методов охоты. Вряд ли при этом человек мог пройти мимо богатств моря и пресноводных бассейнов (Амура, Ханки). Периодический ход в реки на нерест лососей и озерной рыбы, крупные амурские осетры, нерпа на припае — все это источники пищи, и их использование, по крайней мере, в верхнем палеолите, вполне допустимая гипотеза.

В позднем плейстоцене, по данным С. П. Плетнева¹¹, климатическая обстановка в центральной и южной части Японского моря была очень суровой, приближенной к современным условиям Охотского моря. Температура поверхностных вод, на основе анализа микрофауны в допных колонках, определяется ниже современной на 7—8°. Исходя из этой палеоклиматической реконструкции и следует реально моделировать экономику региона в конце плейстоцена. Косвенным свидетельством нововведений является, на наш взгляд, микролитизация орудий, появление керамики, а также распространение шлифованных тесел, что наблюдается уже в хозяйстве позднего плейстоцена.

Изменение гидрологического режима и климата в голоцене, как и перемены в составе наземной фауны, стимулировали эксплуатацию морских ресурсов, что приводит к появлению раковинных куч; в них широко представлены моллюски, рыбы, орудия из кости, в числе которых — рыболовные крючки и гарпуны¹². Неудивительно, что столь резкое увеличение объема информации стимулировало в свое время представление о зарождении рыболовства только в голоцене.

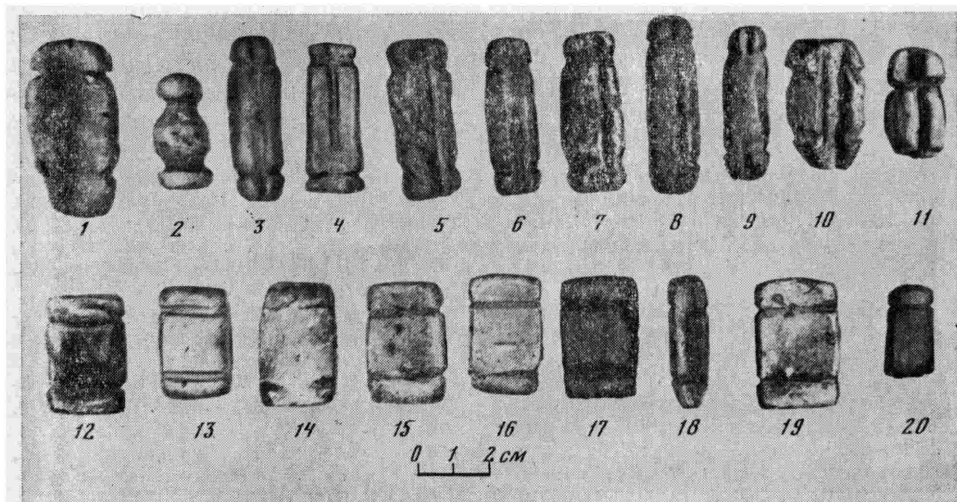
В неолитических памятниках Японии найдены орудия из кости китов, ластоногих, акульих зубов, хвосточков скатов. Начиная с раннего дзэмона (начало голоцена), широко распространены в районе Сангарского пролива поворотные гарпуны. На Хоккайдо, по мнению М. Ватанабэ, сложился особый центр гарпунного промысла морских животных, а южнее — промысел тунцов. В неолите и палеометалле Приморья, Японии, Кореи повсеместно встречаются рыболовные крючки и грузила (рис. 1, 2). В Японии в ее голоценовых слоях обнаружены кости 71 вида рыб, 353 вида моллюсков, в Приморье — более 40 видов рыб, 30 видов моллюсков, остатки нерпы, крабов, фигурки кита, рыб, черепахи¹³.

Выделяются различные типы рыболовного промысла: прибрежный,

Рис. 1. Грузила из галек, Олений А, Приморье

1, 3—5 — слой V (янковская культура); 2 — слой III (зайсановская культура)

Рис. 2. Керамические грузила янковской культуры

1 — Олений А, слой V; 2—11 — мыс Шелеха; 12—20 — о. Петрова

лагунный, речной, озерный. Объектами охоты в голоцене, наряду с сохранившимися видами, служили некоторые исчезнувшие или сдвинувшиеся к северу: лось, северный олень, бизон, из птиц — розовый и кудрявый пеликан на юге Приморья, кабан — на островах. Примером развитого комплексного хозяйства в районе приханкайских плавней является поздненеолитический слой Синего Гая. Его обитатели ловили обычную ханкайскую рыбу, но преобладали в уловах крупный (до 32 кг) змеоголов, рыба, живущая в заболоченных водах¹⁴. Охотились на лося, изюбря, пятнистого оленя, косулю, кабана¹⁵, из птиц — 3 вида гусей (серый, гуменник, сухонос), белолобая казарка, свиязь, малый лебедь¹⁶.

Распространены в неолите Приморья изображения животных, птиц, рыб (рис. 3), земноводных (петроглифы, фигурки, рельефы и гравировки на сосудах).

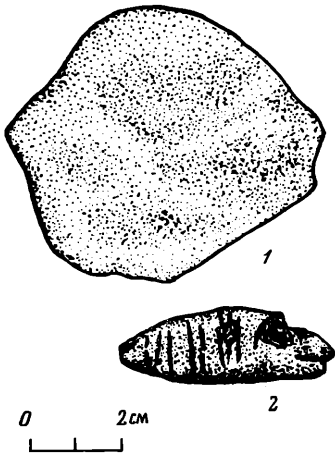

Рис. 3. Фигурки рыб. Олений А, слой IV, жилище 22

1 — камень; 2 — керамика

ный климат, летние паводки, весенняя сушь, чередование ветров, значительный ход температур, нерест лососей, миграция копытных, внутривековые миграции морских организмов. Природа здесь не ставила человека перед столь суровым выбором, как в аридной зоне, сибирской тайге, тундрах Северо-Восточной Азии. Всегда оставалась возможность маневра и это обеспечивало относительно быстрый прогресс экономики до порога развитого земледелия. Важнейшим и достаточно ранним звеном этой экономики была добыча водной фауны.

Расширение пищевой базы за счет водной фауны началось в палеолите, в неолите рыболовство стало ведущей формой хозяйственной деятельности и вскоре было дополнено земледелием и животноводством, но при этом охота до позднего голоцена сохранялась как одна из отраслей экономики.

Комплексный характер хозяйственной деятельности первобытного человека на Дальнем Востоке при исключительном богатстве его фауны обусловлен, наряду с ростом населения, факторами нестабильности: периодическими колебаниями численности животных и рыб, сокращениями площади угодий в периоды повышения уровня моря.

Природа юга Дальнего Востока имела в изобилии все биологические и минеральные ресурсы, необходимые для хозяйства первобытного общества, но для зоны умеренного климата добыча этих ресурсов происходит в чрезвычайно своеобразных условиях: муссонный климат, летние паводки, весенняя сушь, чередование ветров, значительный ход температур, нерест лососей, миграция копытных, внутривековые миграции морских организмов.

¹ Айгнер Дж. Значение доберингийских прибрежно-морских адаптаций для понимания истории заселения Нового Света.— В кн.: XIV Тихоокеанский научный конгресс. Комитет Л. М., 1979, т. II, с. 180.

² Флэдмарк К. Р. Ранний человек и море.— В кн.: XIV Тихоокеанский научный конгресс. Комитет СД. М., 1979, с. 216.

³ Ивава-Смит Ф. Технологические традиции в позднем плейстоцене и раннем голоцене Японии.— В кн.: XIV Тихоокеанский научный конгресс. Комитет Л., с. 197, 198.

⁴ Археология Японии. Токио, 1965, т. 1, с. 2. На японск. яз.

⁵ Ватанабэ М. Дзэмонское рыболовство. Токио, 1973, с. 3. На японск. яз.

⁶ Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск, 1982, с. 187.

⁷ Оводов Н. Д. Позднеантропогенная фауна млекопитающих юга Уссурийского края.— В кн.: Фауна и систематика позвоночных Сибири. Новосибирск, 1977, с. 157—177.

⁸ Краснов Е. В. и др. Морские организмы в жизни древнего человека.— Биология моря, 1977, № 1, с. 81—90.

⁹ Деревянко А. П. Каменный век Северной, Восточной, Центральной Азии. Курс лекций. Новосибирск, 1975, с. 130.

¹⁰ Оводов Н. Д. Позднеантропогенная фауна млекопитающих юга Уссурийского края, с. 174, 175.

¹¹ Плетнев С. П. Реконструкция природной обстановки Японского моря в позднем плейстоцене (15 000—20 000 лет).— В кн.: XIV Тихоокеанский научный конгресс. Комитет СД. М., 1979, с. 187, 188.

¹² Окладников А. П., Бродянский Д. Л., Чан Су Бу. Тихоокеанская археология. Учебное пособие. Владивосток, 1980, с. 71—80; Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока.— МИА, 1963, 112, табл. 10, 1—3; табл. 11, 3, 9; табл. 45, 4—8, 22; табл. 64, 2; табл. 66; 4; табл. 67, 11, 13; табл. 76, 1.

¹³ Окладников А. П., Бродянский Д. Л., Чан Су Бу. Тихоокеанская археология..., с. 48, 49, 77; Беседнов Л. Н. Промысловые рыбы залива Петра Великого в среднем голоцене.— Вопросы ихтиологии, 1973, т. 13, вып. 1, с. 38—42.

¹⁴ Определение Л. Н. Беседнова.

¹⁵ Определение Н. Д. Оводова.

¹⁶ Определение Н. И. Бурчак-Абрамовича.

СРЕДА И ОХОТНИЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ НЕОЛИТА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ

(ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ХОЗЯЙСТВА ЛАХТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

На Северо-Востоке Азии выделяются две большие экологические зоны. Это — внутриконтинентальная часть и приморье. Выход из внутриконтинентальной части на побережье обитателей происходит в неолите, судя по археологическим материалам, в начале II тысячелетия до н. э. Это определяет формирование двух отличных по своей основе и структуре типов хозяйств. Одновременно происходит локализация по районам обитания единой культурной общности (или двух мезолитических культур) на шесть самостоятельных неолитических культур.

Остановимся на характеристике лахтинской археологической культуры, которая в силу более медленного, по сравнению с окружающими культурами, развития производительных сил в большей мере сохраняет архаичные черты хозяйства переходного периода трансформации континентального хозяйства в приморское. Развитие этой культуры в Северо-Западном Берингоморье прослеживается со II тысячелетия до н. э. вплоть до XVII—XVIII вв. н. э., тесно смыкаясь с этнографически известной культурой кереков. Это позволяет предположить существование генетической связи между ними, и в полной мере воспользоваться ретроспективным методом при реконструкции хозяйства.

Изменения видового состава фауны и флоры, начиная со II тысячелетия до н. э., не наблюдаются.

Уже ранний этап показывает наличие комплексного хозяйства. Промысел ластоногих получает развитие с раннего этапа развития лахтинской культуры (II тысячелетия до н. э.), о чем наглядно свидетельствуют фаунистические остатки в жилищах и на жертвенниках. Использовался лук, стрелы и дротики с каменными наконечниками, т. е. наблюдается перенос способов сухопутной традиционной охоты в новую сферу. Нет свидетельств наличия морских средств передвижения. Байдары, обтянутые моржовыми шкурами, коряжского типа известны у кереков этнографически и являются, вероятно, поздним заимствованием. Однако нельзя исключить и возможность конвергентного их появления. Промысел ластоногих (моржа, тюленя, сивуча, нерпы), таким образом, ограничивался добычей их на лежбищах. Не случайно все поселения данной культуры располагались вблизи крупных лежбищ.

На втором этапе представлены специализированные орудия промысла — костяные наконечники стрел и дротиков с бородками. Они присутствуют на жертвенниках и в жилищах в слоях, датированных этим периодом (вторая половина I тысячелетия до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э.).

По сообщению информаторов, керекки поражали животное, лишая его возможности двигаться, а затем добывали своеобразным ударным орудием, насаженным через поперечное округлое отверстие на деревянную рукоять 1,2—1,4 м костяным наконечником из моржового клыка с двумя или одним истриями¹.

Небольшие бородчатые наконечники применялись в промысле мелких ластоногих (кольчатой нерпы, акибы, ларги). Массивные наконечники использовались в промысле лахтака, сивуча и моржа. Преобладание костей моржа показывает, что промысел этого вида преобладал.

Среди костяных наконечников преобладают бородчатые, что подтверждает ведущую роль промысла ластоногих в хозяйстве со 2 этапа.

Находка ледовой пешни показывает наличие, во всяком случае на третьем этапе (вторая половина I тысячелетия н. э. — XVII—XVIII вв.) зимнего промысла ластоногих, не имевшего, вероятно, широкого применения. Однако именно этот вид хозяйственной деятельно-

ти определил использование в период промысла вдали от поселения жилищ из снега (охотничьи домики), о которых упоминает В. И. Йохельсон².

Кости китов в жилищах и на жертвенниках, особенно часто встречающиеся на втором этапе, свидетельствуют о наличии китового промысла, в котором употреблялись массивные бородчатые наконечники стрел и дротиков, возможно, с применением яда. Поражали нервные центры хвостового и боковых плавников, и кита, лишенного возможности двигаться, прибоем выбрасывало на берег. Ряд современных этнографов доказывают, что в данный период у приморских народов не было китового промысла и они использовали погибших и выброшенных на берег китов. Однако свидетельство начала XIX в. об аналогичном способе китового промысла у жителей о. Кудьяк³ и данные по этнографии кереков⁴, алеутов, айнов и других о применении яда⁵ подтверждают справедливость нашего предположения. Возможно, что лахтинцы практиковали промысел кита, так же как ластоногих с помощью сети, плетеной из ремней лахтачьей и моржовой кожи, тем более, что узкие горловины лагун Северо-Западного Берингоморья, благоприятствовали использованию данного способа.

Китовый промысел невозможен без водных средств передвижения.

Развитие безгарпунного морского промысла является своеобразием лахтинской культуры. Гарпунный комплекс чукотско-эскимосского типа у кереков известен с XIX в. Причем, первоначально гарпуны не изготовлялись кереками, а приобретались в результате обмена у приморских чукчей и эскимосов. Заимствование гарпуна явилось результатом поисков более эффективных орудий в период, когда резко ухудшились условия морского промысла.

Длительный период гарпунный комплекс лахтинцами не был заимствован. Это объясняется, вероятно, тем, что традиционные орудия промысла в условиях Северо-Западного Берингоморья обеспечивали всем необходимым, а морские средства передвижения появились достаточно поздно. Промысел ластоногих требовал участия значительной (15—20 человек) группы мужчин, всех мужчин поселения, а возможно и нескольких близлежащих, и являлся коллективным видом хозяйственной деятельности. Промыслом занимались весной и осенью, когда он доминировал, реже зимой.

Развитие промысла ластоногих и кита привело к появлению нового материала (их костных остатков, моржового клыка). Это определило появление и развитие новой технологии изготовления орудий, новых видов и форм. Так у костяных наконечников стрел преобладало треугольное, а не линзовидное, как у каменных, сечение. Появились новые способы крепления наконечника к древку — втулка, вильчатое основание и конусообразный черешок. Широкое применение кости для изготовления орудий со второго этапа, приводит к деградации, а в ряде случаев и к исчезновению целых отраслей каменной индустрии (почти исчезают каменные наконечники стрел). Кость, как более пластичный материал, определила усиление специализации орудий. Это привело к появлению большего числа и разнообразия устойчивых разновидностей форм орудий, их большей эффективности. Полифункциональность ряда каменных орудий, хотя и сохраняется, но в ряде случаев уступает место монофункциональности костяных.

Появились новые черты и в технологии строительства жилищ. Кости кита и моржа используются в качестве конструктивных деталей кровли и стен. Новые элементы используются в быту — жирники с жиром тюленя, моржа и кита, китовые позвонки для сидения и как упор при обработке камня и кости. Обитание в прибрежной зоне обусловило появление нового вида транспорта — водного средства передвижения — байдары. 90% всех костяных изделий на втором и третьем этапах изготовлено из моржового клыка и костей ластоногих и кита, что подтверждает ведущую роль морского промысла в хозяйстве.

В целом, как и для большинства северных приморских культур, для лахтинской культуры характерна полная утилизация добычи. Наблюдается развитие рыболовства с раннего этапа. Оно было связано с ходом лососевых в сезон нерестовой путины. Находки грузил свидетельствуют о развитии сетевого лова рыбы. Этнографически известно, что кереки плели сети из жил моржа и кита.

На втором этапе представлены специализированные костяные наконечники стрел и острог — узкие наконечники с одной или несколькими бородками. Используется лучение рыбы — результат переноса способа сухопутной охоты в новую сферу, и промысел с помощью остроги. К древку остроги наконечники крепились по несколько штук в виде расходящегося пучка с одним острием в центре.

На позднем этапе использовался составной костяной крючок с несколькими зубцами. Этнографически известен и более примитивный способ рыбного промысла — битье рыбы. Кереки перегораживали лососевым проход на нерестилище плотиной. Преодолевая препятствие, рыба совершала прыжок и в этот момент ее глушили специальными дубинками. Рыбный промысел являлся индивидуальным видом хозяйственной деятельности. Занимаясь рыболовством, кереки делились на мелкие группы, чаще — отдельные семьи. Заготовленная же рыба считалась собственностью всей домашней общины.

Промысел птиц зафиксирован уже на раннем этапе. Использовали лук и стрелы с небольшими каменными наконечниками. На втором этапе представлены специализированные костяные наконечники стрел — томары (в небольшом числе) и наконечники шатин. С помощью последних промыслили птиц в период линьки. В птичьем промысле использовались и пращи, круглые гальки для которых были обнаружены в жилищах и на жертвенниках. Этнографически известно битье птиц во время линьки, использование сетей и сачков для промысла птиц — уток, гусей, лебедей на птичьих базарах. Последний способ возник в результате адаптации в прибрежной зоне. Кереки, как и ительмены⁶, собирали яйца птиц весной на птичьих базарах и на островах. Птичий промысел был индивидуальным, им занимались весной.

Ляхтинцы охотились на диких оленей, горных баранов, бурых медведей, песцов, лис, зайцев, росомах, полярных сусликов (евражек). На первом этапе охотились с помощью лука и стрел с каменными наконечниками. На втором этапе представлены стрелы с костяными наконечниками с шипами и без шипов. В пушном промысле применялись стрелы с наконечниками-томарами. Использовались и ловушки, подобные представленной в керекской коллекции Н. Л. Гондатти⁷. В охоте использовались и ударные орудия, так называемые «медвежьи дубинки». Согласно данным этнографии охотой занимались осенью, а пушным промыслом зимой.

С раннего этапа единственное домашнее животное у ляхтинцев — собака, которую, очевидно, использовали на охоте. Кости расчлененных тушек собак говорят и об использовании их мяса в пищу. Очевидно, это происходило при длительных голодовках. Блоки собачьей упряжки и подползки для нарт свидетельствуют о развитии на позднем этапе упряжного собаководства. Детали ее и скульптурные изображения позволяют предположить тип, а именно: продольной попарной упряжки, известной у ряда современных народов⁸.

Возможно, что собачью упряжку использовали и при передвижении по воде, когда бегущие вдоль берега собаки влекли за собой байдару, управляемую гребцом. Можно предположить и выращивание специальных жертвенных собак, подобно тому как это имело место у кереков.

Археологические материалы позволяют предположить развитие упряжного собаководства в VIII—X вв. н. э. Но не исключено, что оно получило развитие ранее. Возможно, именно от ляхтинцев продольный попарный тип собачьей упряжки был заимствован представителями окружающих культур⁹.

Наряду с традиционным собирательством в континентальной зоне получает развитие приморское собирательство. Остатки раковин моллюсков в жилищах встречаются уже на раннем этапе. Орудиями, которые использовались в континентальном собирательстве при выкапывании корней, являлись кирки и мотыги, известные на этом же этапе. Специализированные орудия приморского собирательства представлены на позднем этапе. Это костяные лопаточки для отделения раковин моллюсков от камней в период отлива и костяные острия для раскрытия раковин. Они находят некоторые аналогии в комплексах древнекорякской культуры Охотского побережья¹⁰. Собирательство являлось, по-видимому, исключительно женским занятием.

Развитие хозяйства лахтинской культуры отражало процесс адаптации охотничье-рыболовских племен континентальной зоны к новым экологическим условиям прибрежной зоны. Изменяется структура хозяйства. На первом этапе ведущими видами хозяйственной деятельности, судя по соотношению фаунистических остатков и орудий, являлись охота и рыбный промысел, а птичий промысел, промысел ластоногих и собирательство играли вспомогательную роль. Начиная со второго этапа, ведущим становится промысел ластоногих, а рыбный и птичий промыслы играют вспомогательную роль, так же как и охота, потерявшая свое прежнее значение.

Процесс адаптации лахтинцев в прибрежной зоне определил новый этап в развитии производительных сил, выразившийся в появлении в начале второго этапа специализированных орудий для новых видов хозяйственной деятельности. В целом для хозяйства лахтинской культуры характерны ограниченность и неразвитость человеческих потребностей в условиях господства примитивного присваивающего хозяйства, сочетающегося, правда, с поздним элементом производящей экономики — мелко-табунным оленеводством.

Сезонность хозяйства определила появление сезонных поселений — летнего, связанного с рыбным промыслом в устье рек, озер и зимнего, связанного с промыслом ластоногих на побережье. Хозяйственной и общественной единицей являлась домашняя община. На втором этапе намечается выделение в самостоятельную хозяйственную и общественную единицу парной семьи (в комплексе жилых построек появляются небольшие полуземлянки, используемые для ночлега и хранения имущества отдельных семей) при сохранении общинной собственности на основные средства производства и продукты питания и традиции общей трапезы.

¹ Ленинград, фонды МАЭ, колл. 408—56, 57.

² *Iochelson W.* The Koryak. Leiden — N. Y., 1908, p. II.

³ *Хвостов, Давыдов.* Двукратное путешествие в Америку. СПб., 1812.

⁴ *Леонтьев В. В.* По земле древних кереков. Магадан, 1976.

⁵ *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949, с. 240.

⁶ *Леонтьев В. В.* По земле древних кереков..., с. 227.

⁷ Ленинград, фонды МАЭ, колл. 442.

⁸ Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.

⁹ Ленинград, фонды МАЭ, колл. 4447.

¹⁰ *Васильевский Р. С.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕТВЕРТИЧНОГО ПЕРИОДА

И. К. ИВАНОВА

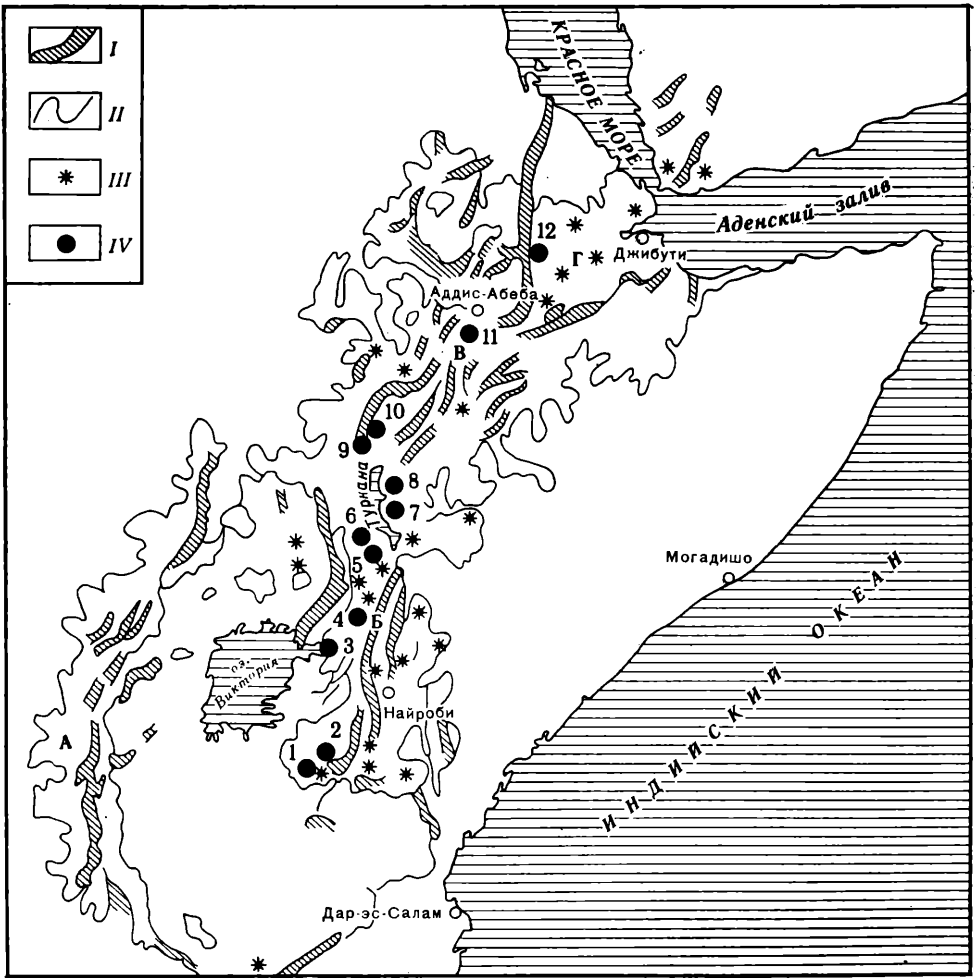
СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИСКОПАЕМЫХ ЛЮДЕЙ И ИХ ПРЕДКОВ

Представление о времени и месте возникновения ископаемых гоминид претерпело, как известно, за последние десятилетия очень большие изменения. История ранних гоминид сильно удревлена. По-новому освещен вопрос об их прародине. Поступление новых материалов продолжается.

Сделанные открытия и детальные исследования, проведенные большими коллективами ученых, позволяют считать, что наиболее ранние стадии становления человечества связаны с восточной частью Африки. Эта часть пересекается в долготном направлении крупнейшей на наших континентах рифтовой системой, представляющей собой тектонически активную зону растяжения земной коры, имеющую общую длину около 6000 км. Рифтовая зона состоит из цепи широких впадин осложненных поднятиями, ограниченных крутыми уступами глубиной от 1 до 3,5 км. Характерной особенностью этой зоны является обилие озер и широчайшее развитие молодого вулканизма. В плиоцене и четвертичном периоде здесь существовал весьма сложный рельеф, обусловивший создание многообразных мозаичных ландшафтных зон. Климат этого времени, при общей тенденции к похолоданию, был достаточно влажным и теплым, благоприятным для развития органического мира. Последний отличался исключительным богатством и разнообразием. В пределах рифтовой зоны шло накопление мощных толщ озерных, речных и континентальных отложений, часто затронутых складчатостью и вскрытых позже эрозионными процессами. Благодаря активной вулканической деятельности в этой толще образовались многочисленные прослойки туфов, пеплов и лав, которые помогли консервации ископаемых остатков и дали материал для определения их «абсолютного» возраста калий-аргоновым и трековым методами.

В пределах рифтовой зоны известны богатейшие местонахождения фауны крупных млекопитающих, и в том числе наиболее древние в мире костные остатки ископаемых гоминид. Они обнаружены в пределах Кенийской рифтовой зоны, на ее продолжении к северу — в Эфиопской рифтовой зоне и во впадине Афар, близ Аденского залива (рис. 1).

Древнейшая находка остатков формы, которую большинство приматологов считает родоначальной для семейства гоминид — кениапитек, близкий к рамапитекам Индии, расположена у Форт Тервана на восточном берегу оз. Виктория. Она имеет достаточно надежно определенный K/Ar возраст около 14 млн. лет (сиваликские рамапитеки из предгорьев Гималаев имеют косвенную датировку в 8—9 млн. лет). В последние годы американский приматолог Д. Пилбим, обнаруживший в Пакистане остатки нескольких десятков особей рамапитеков, выражает сомнения в их пря-

Рис. 1. Схема расположения пунктов распространения ископаемых гоминид в Восточной Африке

I — грабены рифтовой зоны; II — развитие поздне третичных и ранне четвертичных отложений; III — вулканические области; IV — местонахождения ископаемых гоминид. 1 — Летолли; 2 — Олдувай; 3 — Форт Тернан; 4 — Баринго; 5 — Канапои; 6 — Лотегем; 7 — Кообь фора; 8 — Илерет; 9 — Омо, Шунгура; 10 — Омо, Усно; 11 — Мелка Кунтуре; 12 — Афар (Хадар)

A — западная ветвь Кенийской рифтовой зоны, B — восточная ветвь Кенийской рифтовой зоны, Г — впадина Афар

мой генетической связи с австралопитеками (и затем — человеком), считая, что эта связь не была непосредственной, а более сложной¹. Еще дальше идет приматолог Л. Гринфилд, ставящий вопрос о неправомерности выделения рамапитеков в качестве особой крупной таксономической единицы и включающий их в род сивапитеков. Вопрос этот, рассмотренный автором в другой работе², является в настоящее время дискуссионным.

В пределах указанной выше части рифтовой зоны широко распространены находки костных остатков австралопитеков (и близких к ним форм), которых насчитывается уже более тысячи³. В Кении известны фрагментарные находки, являющиеся по времени промежуточными между кениапитеком из Форт Тернана и собственно австралопитеками. Это — моляр примата, обнаруженный к северо-западу от оз. Баринго, в отложениях формации нгороро (11,5 млн. лет); часть верхней челюсти с 5-ю зубами, найденная недавно в районе холмов Самбуру

(8 млн. лет); моляр примата из района Лукейно, также находящегося в бассейне оз. Баринго (6, 5 млн. лет).

Наиболее древние остатки гоминид, относимых большинством исследователей к австралопитековым, встречены в бассейне р. Керо на юго-западном берегу оз. Туркана. Это — Лотегем, где обнаружен обломок нижней челюсти и несколько фрагментов черепа гоминида в костеносных отложениях, датируемых по-разному — от 4,5 до 5,5 млн. лет, и Канапой (дистальная часть плечевой кости), с возрастом 4—4,5 млн. лет.

Основное количество костных остатков австралопитеков и более прогрессивных форм встречено в отложениях, относящихся к отрезку времени от 3,8 до 1,0 млн. лет. Это — местонахождение Летокол в южной части плато Серенгети; знаменитое Олдувайское ущелье; бассейн оз. Баринго (Шемерон, Чесованья); ряд местонахождений на восточном берегу оз. Туркана (Илерет, Кооби-Фора, Куби-Альги); низовья р. Омо (многочисленные находки в разных слоях формации шунгура); обильные остатки в пределах Афара (формация хадар в бассейне р. Аваш).

Среди австралопитеков выделяется наиболее ранняя форма, для которой предложено название *Australopithecus afarensis* (3,8—2,5 млн. лет); грацильные австралопитеки — *A. africanus* (3,0—1,6 млн. лет); *A. boisei*, в том числе известный зинджантроп из Олдувая (2,4—1,0 млн. лет); прогрессивная форма, получившая название *Homo habilis* (? 2,0—1,4 млн. лет). Далее следуют находки ряда остатков питекантропов — *Homo erectus* (имеющие здесь наибольшую древность, предположительно от 1,4 до 0,5 млн. лет).

Особое значение имеют, сделанные также в пределах рифтовой зоны, древнейшие находки каменных предметов со следами искусственной обработки. Они представлены грубо оббитыми гальками, скелотыми с них отщепами, полиэдрами и ядрищами и часто встречаются в ассоциации с костями животных. Имеют название «галечной» или олдованской (олдувайской) индустрии. Самые древние находки каменных изделий зафиксированы работами большой международной экспедиции в Афаре. Имеются в виду местонахождения на реке Када Гона, левом притоке р. Аваш в Хадаре⁴. Здесь в пункте Вест Гона обнаружен ряд базальтовых изделий, залегающих в речных отложениях, непосредственно выше прослоя вулканического туфа, датированного временем 2,7±0,2 млн. лет. Предполагается, что вмещающие отложения находятся стратиграфически ниже другого маркирующего горизонта туфов с датой 2,4±±0,4 млн. лет. Отсюда определяется возраст индустрии в 2,5—2,6 млн. лет, и даже немного древнее.

Другое местонахождение, связанное со слоями формации шунгура, в низовьях р. Омо на северном берегу оз. Туркана датируется в 2,1—2,3 млн. лет. Местонахождение на восточном берегу озера, приуроченное к нижним слоям формации кооби-фора первоначально имело несколько более древнюю датировку, но в настоящее время «омоложено» до 1,8 млн. лет, в связи с переопределением возраста развитых здесь туфов, известных под названием KBS (отсюда и передатировка черепа гоминида 1470 с 2,9 до 2,0—2,2 млн. лет). Последним районом развития древнейшей каменной индустрии является Олдувайское ущелье, где в слое I, имеющем возраст 1,75—1,8 млн. лет, встречено 13 отдельных местонахождений, в том числе хорошо выраженная «жилая поверхность» (living floor), представляющая собой прообраз культурного слоя. Здесь выделен стратотип олдованской индустрии, а в вышележащем слое II более поздний ее вариант, «развитой олдувай», разделенный М. Лики на три фации — А, В, и С. На определенном этапе в комплексе галечной индустрии появляются ручные рубила. С увеличением их процентного содержания (согласно мнению упомянутой исследовательницы) происходит постепенный переход к ашелю.

Все описанные местонахождения древнейшей индустрии находятся во внутренней части рифтовой зоны. Интересно отметить, что два пункта в Эфиопии, расположенные недалеко, но за ее пределами, уже не имеют

такой древности. Это — Мелка Кунтуре, много лет изучающаяся Ж. Шавайоном, и Гадеб. В последнем пункте артефакты имеют возраст от 1,48 до 0,7 млн. лет. Для Мелка Кунтуре нет калий-аргоновых дат, но нижний уровень находок каменных изделий, сопоставляемый с индустрией слоя I Олдувая, содержит гораздо более разнообразный их набор. Выше по разрезу уже в ашельских слоях с остатками питекантропа проходит палеомагнитная инверсия, сопоставляемая с границей Матуяма — Брюнес (около 0,7 млн. лет).

Нахождение изделий олдованского типа зафиксировано во многих районах Африки. Однако анализ опубликованных материалов приводит к выводу о том, что они либо собраны с поверхности, либо связаны с более молодыми отложениями (если это не доказывается К/Аг датами, то составом сопутствующей фауны млекопитающих). Трудно себе представить, что галечная индустрия возникла одновременно во всех частях Африки без всяких на то предпосылок. Можно с уверенностью считать, что рифтовая зона представляет собой своего рода экологическую нишу, с которой связаны первые стадии становления человечества. Отсюда вышли австралопитеки, а затем и более прогрессивные формы, получившие позже распространение в других районах Африки. На это потребовалось очень много времени. И вполне естественно, что индустрия олдованского типа имеет в разных частях континента разный геологический возраст.

Многие исследователи включают в «прародину» человека область развития австралопитеков Южной Африки. К сожалению, там отсутствует молодой вулканизм, следы которого столь успешно используются в Восточной Африке для установления возраста находок. Предложенные Т. Партриджем датировки африканских пещер т. н. геоморфологическим методом выраженным в абсолютных цифрах, не выдерживают критики. Здесь можно было бы говорить о времени заложения пещер, но отнюдь не о времени их заполнения. Однако, эти «абсолютные» даты используются некоторыми исследователями на ряду с калий-аргоновыми определениями. Древность фауны млекопитающих этой области оспаривается виднейшими палеонтологами (Б. Куртен, Г. Д. Кальке), считающими, что некоторые элементы древней фауны (как и флоры) задержались здесь в своем развитии благодаря существованию зоогеографического барьера в бассейне р. Замбези. В то же время, здесь же встречено много ныне живущих форм. Следы олдованской индустрии в ассоциации с южноафриканскими австралопитеками — сомнительны. Сами австралопитеки, по мнению некоторых исследователей (К. Брайн), могли и не быть обитателями пещер, а являлись добычей крупных хищников, которые затаскивали в пещеры плоды своей охоты. Существование «остеодонтокератической культуры» большинством ученых в настоящее время не признается. Палеомагнитные исследования пещерных отложений показали преобладание положительной намагниченности. Слои эти отнесены к древней эпохе Гаусс (3,23—2,43 млн. лет). Однако следует заметить, что палеомагнитные исследования сами по себе указывают только на характер намагниченности пород и лишь косвенным образом могут сопоставляться с выработанной магнитостратиграфической шкалой глобального значения. Без подкрепления радиологическими датировками или биостратиграфическими материалами привязка к общей шкале может быть неправильной (что по нашему представлению происходит и в данном случае).

Таким образом, хотя в настоящее время и имеется тенденция к удревнению южноафриканских австралопитеков, достоверность приводимых для этого доказательств может быть подвергнута сомнениям. Самое главное то, что в Южной Африке нет «корней» для автохтонного развития гоминид. На это указывает как природная обстановка существовавшая здесь ранее, так и отсутствие остатков антропоидов среди фауны, предшествующей фауне южноафриканских пещер. Можно предположить,

что австралопитеки на каком-то этапе проникли на юг с северо-востока и в дальнейшем вели здесь изолированное существование.

За пределами Африки австралопитеки не обнаружены (только что появившееся в литературе указание на находку костных остатков австралопитека в Сицилии — требует серьезной проверки).

Вопрос о том, когда первые гоминиды пришли в Европу занимает широкие круги ученых. В 1982—1983 гг. в Музее человека в Париже была открыта большая выставка под руководством А. де Люмлей на тему «Первые обитатели Европы. 1 500 000 — 100 000 лет». ⁵ В качестве древнейшего пункта на выставке фигурировал Шильяк в Оверни, где известно крупное местонахождение фауны млекопитающих, датированное возрастом в 1,8 млн. лет. Пять примитивных каменных изделий обнаружено в этом районе, причем не в ассоциации с фауной, а в отложениях склона. Таким образом, стратиграфическое положение их не ясно, и связь с фауной может только предполагаться.

Много находок галечной индустрии приурочено к террасам рек Руссильона и Каталонии впадающих в Средиземное море. Древность находок ставится в прямую связь с высотой и возрастом террас (до 1,2 млн. лет для самой высокой). Однако такая трактовка с геологических позиций представляется спорной. Сборы с поверхности террасы или в ее покрове вполне могут быть моложе речных отложений.

Наиболее древним достоверно датированным является известное местонахождение Валлоне близ Ментоны. В первых публикациях А. де Люмлей изучавший грот Валлоне сравнивал найденные там каменные изделия с индустрией слоя 1 Олдувайского ущелья и механически приписывал им тот же возраст (1,8 млн. лет). При последующем комплексном изучении грота он пересмотрел эту датировку и предложил новую — 0,9—0,95 млн. лет. Такая дата недавно подтвердилась проведенным определением возраста сталагмитов, между которыми залегают отложения с находками артефактов и фауны. К тому же возрасту отнесены некоторые другие местонахождения галечной индустрии.

Около 700—650 тыс. л. н. в Европе появились первые бифасы и началось развитие ашельской культуры, получившей широкое географическое распространение. На этом этапе в Европе известны уже и костные остатки ископаемых гоминид-питекантропов.

Возвращаясь к вопросу о первом проникновении гоминид в Европу, следует отметить, что существуют указания и на более раннее их появление, чем это допущено на упомянутой выставке. Так, например, Е. Бонифе ⁶ выделяет на местонахождении фауны Рошеламбер в бассейне р. Пюи (Центральный массив), возраст которого определяется в 2 млн. лет, отдельные кости животных, имеющие по его мнению, следы искусственных срезов. Подобные прецеденты уже известны («граунчеанит», выделенный К. С. Николаеску-Плопшором в виллафранке Румынии; данные Н. К. Верещагина по фауне карьера Цимбал, связанной с таманским фаунистическим комплексом), но они, для отложений такой древности, не получили общего признания.

В литературе нередко появляются сообщения ⁷ о находках в Европе обработанных галек большой древности (до 2,5 млн. лет). Однако эти даты даются до известной степени произвольно и не могут не вызывать сомнений.

Интересны краткие сведения ⁸ об открытии летом 1983 г. в Испании (Вента Мицена в Гренаде) фрагмента темянной кости подростка в сопровождении фауны млекопитающих, возраст которой (по составу) предварительно оценивается в 1,4 млн. лет. Важно получить результаты полных исследований этой находки. Возможно, что здесь имеет место открытие древнейших остатков ископаемого гоминида в Европе.

Азия, как известно, также рассматривается некоторыми исследователями как вероятная прародина человека. Наиболее интересна в этом отношении Южная Азия. Здесь, в предгорьях Гималаев, в т. н. сиваликских отложениях, обнаружена обильная фауна позднетретичных млеко-

питающих, и в том числе различные виды антропоидов. Среди них наиболее прогрессивными являются рамапитеки, имеющие, однако, более молодой возраст, чем близкие к ним кениапитеки Африки⁹. К концу плиоцена здесь изменились, бывшие до того благоприятными природные условия (поднятие Гималаев, аридизация климата) и процесс эволюции антропоидов замер. Остатков австралопитеков в Азии не найдено и генетической линии к человеку — не намечается.

Большой интерес представляют яванские питекантропы. История вопроса об их геологическом возрасте дала яркий пример неосторожного использования непроверенных данных. Как известно, находки остатков питекантропов связаны с двумя комплексами фаун млекопитающих: джетис и (более поздний) триниль. Около 20 лет тому назад их относили к нижнему плейстоцену. Для более молодых фигурировала дата в 0,55—0,6 млн. лет. Затем была получена единичная К/Аг датировка вулканического материала, якобы отвечающего ранним формам питекантропов — 1,9 млн. лет. Хотя такая цифра явно не соответствовала характеру фауны джетис, она была принята многими исследователями и широко использовалась в литературе. Для уточнения вопроса о геологическом возрасте питекантропов недавно была создана большая индонезийско-японская комплексная экспедиция, работавшая на Яве в течение четырех лет. Главным объектом исследований явился Сангиран, где одновременно обнаружены и древние слои с фауной джетис и более молодые — тринильские. Все известные находки питекантропов были привязаны к определенным частям разреза. Вулканические прослой, разделяющие толщу осадочных пород датировались калий-аргоновым и трековым методами. Получена четкая картина расположения находок. Все древнейшие формы питекантропов залегают выше туфа с возрастом 1,16 млн. лет¹⁰. Питекантропы с тринильской фауной имеют преобладающий возраст 0,78—0,71 млн. лет. Лишь две формы (P V и P VI) моложе последней даты. Практически все яванские питекантропы не древнее 1 млн. лет и вводившая в заблуждение дата в 1,9 млн. лет, и ей подобные должны быть оставлены.

Находки ископаемых гоминид в Китае являются еще более молодыми. Местонахождения яванских питекантропов не сопровождаются каменными изделиями. На Азиатском континенте широко распространена галечная индустрия, часто имеющая большое сходство с олдованской. По возрасту она, однако, значительно моложе. Сохраняется в Азии, и в частности в Сибири, вплоть до голоцена, а в горных областях и позже — до конца каменного века¹¹. Время от времени делаются попытки сопоставления галечной индустрии Северной Азии с олдованской и по возрасту. Однако реальной основы они под собой не имеют.

Индустрия ручных рубил ашельского типа представлена в Азии (за исключением северной части) довольно широко. Время ее появления и завершения недостаточно ясно.

Как следует из всего изложенного, ашельская индустрия существовала в Старом свете весьма долго. Гоминиды, связанные с ней, представлены для раннего ашеля архантропами, для более позднего — переходными формами от питекантропов к палеантропам — неандертальцам и «пресapiенсам».

Остатки неандертальцев связаны в подавляющих случаях с мустьерской культурой. Время появления последней, широко распространенной в Европе, Северной Африке и Западной Азии, продолжает дискутироваться. Ф. Борд отводил для мустьерской культуры время от 65 до 35 тыс. лет, считая ее только вюрмской. Однако это не было общепринятым. Доподлинно известны мустьерские стоянки, относящиеся к рисс-вюрму (например, Гановцы в СССР), с возрастом не менее 100 тыс. лет. Имелись указания и на рисский возраст некоторых мустьерских пунктов в Европе, хотя большая их часть в настоящее время передатирована: либо отложение признаны более молодыми, либо культура домустьерской. К риссу до

сих пор относят некоторые стоянки среднего палеолита (включая мустье) в ФРГ¹².

При такой ситуации появились публикации, призывающие к пересмотру «хронологии мустье»¹³. На чем это основано? Первое: как известно, в настоящее время предложена стратиграфическая шкала плейстоцена, базирующаяся на результатах бурения донных морских отложений западного полушария, с применением иных методов определения «абсолютного» возраста, чем радиоуглеродный. Начало вюрма по этим данным составляет около 115 тыс. лет, (по C_{14} — 75—80 тыс. лет). Продолжительность ресс-вюрма сокращается с принятых для континентальных отложений 40—50 тыс лет до 10 тыс. лет (115—125 тыс. лет). «Удлинение» хронологии мустье связано с механическим перенесением морской схемы на стратиграфию континентальных отложений Европы, детально изученных на больших территориях. С нашей точки зрения, это является недопустимым, тем более, что глобальное значение морской стратиграфии верхнего плейстоцена признается далеко не всеми исследователями. Второе: Для некоторых мустьерских стоянок получены даты ураноториевым ($^{230}\text{Th}/^{234}\text{U}$) методом, составляющие 100—123 тыс. лет. Такие даты вполне допустимы, ничего не меняют и лишний раз подтверждают ошибочность мнения Ф. Борда о начале мустье. Однако представляется, что «абсолютные» значения возраста, полученные этим методом нельзя сопоставлять и включать в одну колонку с радиоуглеродными датами. Можно говорить о радиоуглеродном или урано-ториевом возрасте материала и не больше. К тому же при изотопных определениях обычно используется «косвенный» материал (например, в пещере Пеш д'Азе¹⁴ определялся возраст травертинов, синхронизируемых с брекчией включающей мустье), а для C_{14} применяются угли, кости или древесина, взятые непосредственно из культурного слоя. Эти данные никак нельзя сбрасывать со счетов.

В целом вывод может быть сделан такой. Стратиграфия мустье не меняется и не удревняется. Применение морской хронологии при изучении геологии палеолита вряд ли оправдано. Появление мустье в ресское время вызывает некоторые сомнения. В ресс-вюрме оно несомненно уже существовало, достигало расцвета в начале вюрма и закончилось в его середине, т. е. около 35 тыс. лет тому назад.

Переход от мустье к позднему палеолиту протекал сложно. Для финального мустье имеются даты от 40 до 35 тыс. лет. Ранние культуры позднего палеолита датируются временем 38—39 тыс. лет и древнее¹⁵. Возможно, что время сосуществования среднего и позднего палеолита в разных регионах достигало нескольких тысячелетий.

В позднем палеолите люди осваивают высокие широты земного шара, проникают в Америку и Австралию. Происходит сильная дифференциация культур, связанная с усложнением техники изготовления изделий, увеличением их набора и т. д. В Западной Европе существует довольно четкая и дробная классификация позднего палеолита. В других регионах вопрос обстоит сложнее. В одних случаях под культурой понимаются типологически разные, но синхронные комплексы изделий, в других — комплексы сменяющие друг друга во времени. С поздним палеолитом связан уже человек современного типа, хотя и имеются отклонения: сапиентные формы в мустье и неандертальцы вместе с индустрией позднего палеолита (конкретно, с шательперроном Франции).

Около 10 тыс. лет тому назад, т. е. в начале голоцена, осуществляется смена палеолита мезолитом. Переход от мезолита к неолиту происходил для разных регионов не синхронно, от 9 до 6 тыс. лет назад. Конец неолита также был скользящим во времени, в зависимости от климатических условий и природных ресурсов того или иного ландшафтно-географического пояса.

В передовых очагах около 5 тыс. лет назад появились бронзовые изделия. В период 3—2,5 тыс. лет произошел переход к эпохе железа.

Население земного шара последовательно росло, расширялись осваиваемые территории, ускоренным темпом шел прогресс в культурно-быто-

вом укладе и социальном строе людей. И если на первых этапах развития гоминид природные условия играли главную роль, то с течением времени эта роль постепенно теряла свое значение.

- ¹ *Pilbeam D.* Rethinking human origins. *Discovery*, 1978, vol. 13, N 1, p. 2—10.
- ² *Иванова И. К.* Проблема рамапитеков.— В кн.: Проблемы геологии и истории четвертичного периода (антропогена). М., 1982, с. 104—112. В том же издании см. полный список литературы, использованной для данной статьи, с. 234—252. Последняя является докладом на V Всесоюзном Совещании по изучению четвертичного периода в г. Уфа (1981 г.), переработанным в связи с учетом новых материалов.
- ³ *Coppens I.* Les Hominidés du Pliocène et du Pléistocène de la Rift Valley.— *Bul. de la Soc. Géol. de France*, 1979, 7 ser., t. XXI, N 3, p. 313.
- ⁴ *Харрис Дж. К., Йохансон Д. К.* Археологические открытия в Афаре, Эфиопия: доисторическая стоянка Гона.— Тез. докл. XI Конгресса ИНКВА. М., 1982, т. III, с. 305.
- ⁵ Les premiers habitants de l'Europe. 1500 000 — 100 000 ans. *Laboratoire de Préhistoire du Musée de l'Homme*, 1982, Paris.
- ⁶ *Bonifay E.* Les traces des premiers Hominidés en France.— *La recherche*, 1981, vol. 12, N 128, p. 1442—1444.
- ⁷ *Kervazo B., Tixier J. P.* Découverte en Aquitaine (France) d'un outil humain a ranger parmi les plus anciens d'Europe.— *C. r. Acad. Sci.*, Paris, 1983, sér. 2, 296, N 3, p. 201—205. Произвольные датировки характерны также для многих работ французского исследователя Ф. Бурдые.
- ⁸ Le plus vieil européen est-il Espagnol? *La recherche*— *Nouvelles internationales*, 1983, N 147, p. 1100.
- ⁹ *Иванова И. К.* Проблема рамапитеков.
- ¹⁰ *Итихара М., Кабар Д., Судийоно, Сибасаки Т., Кумаи Х., Йосикава С.* Отложения с остатками ископаемого человека на Яве.— Тез. докл. XI Конгр. ИНКВА, 1982, т. I, с. 107. Полный текст доклада печатается в СССР в материалах Конгресса.
- ¹¹ *Ранов В. А.* «Галечная техника» в культурах каменного века Сибири и Средней Азии.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
- ¹² *Bosinski G.* Die jägerische Geschichte Rheinlandes. *Jahrbuch Rom.—Germ. Zentralmuseum Mainz*, 1983, p. 91. Отнесение начала мустье в этой статье, как и в других работах Г. Бозинского, к рису основано главным образом на геологии стоянки Рейндален. Автору данной статьи, после личного ознакомления с этим пунктом, такой вывод представляется не бесспорным.
- ¹³ *Dennel R.* A new chronology for the Mousterian.— *Nature*, 1983, vol. 301, N 5897, 199, 200.
- ¹⁴ *Schwarz H. P., Blackwell B.* Th²³⁰/U²³⁴ age of a Mousterian site in France. *Nature*, 1983, vol. 301, N 5897, 236, 237.
- ¹⁵ Например, индустрия на пластинах в Самулице (Болгария) показала возраст 42780±1300 лет (GrN 5481).

В. П. ЛЮБИН

ДРЕВНИЙ ПАЛЕОЛИТ КАВКАЗА

Кавказ — одна из главных областей первичного заселения территории нашей страны древнейшим человеком. Изобилие и особенности этих памятников теснейшим образом связаны с географическим положением Кавказской области, ее природными условиями и соседством с переднеазиатским древнепалеолитическим миром.

Границы Кавказа на севере (Кумо-Манычская впадина) и на юге (р. Аракс) не являются естественными физико-географическими рубежами, так как по обе стороны их нет резких природных различий. Открытость Кавказского перешейка к северу и югу и смыкание Закавказья с Западной или Передней Азией сыграли важную роль в первоначальном заселении Кавказа человеком.

Разнообразные природные условия, обилие естественных убежищ и сырья для орудий сообщали Кавказу ту притягательную силу, которая привлекала в эту область людей каменного века. Горы и поднятия делят территорию горных областей Кавказа на множество районов с местными особенностями климата, что обуславливает исключительное разнообразие растительного и животного мира, большую пестроту местообитаний. Число видов растений на Кавказе превышает 6000 (тогда как на территории Европейской части СССР их около 3500). Число видов млекопи-

тающих достигает 130. Особенно богатые в видовом отношении леса произрастают в Колхиде¹. Во времена оледенений благодатная Колхида была наиболее надежным убежищем фауны, флоры и палеолитического человека².

Палеолитические люди находили на Кавказе обильный и разнообразный сырьевой материал для изготовления каменных орудий. В срединной части Кавказского перешейка, в которой имеются многочисленные разломы и излияния лав, абсолютно преобладают древнепалеолитические индустрии, базирующиеся на лавовых породах (андезиты, базальты, обсидианы). Наиболее крупные апельские и мустьерские мастерские и стоянки-мастерские встречаются здесь непосредственно на выходах лавовых пород. Таковы Сатани-дар, Джрабер в Армении, Чикиани в Джавахетии. К западу и к востоку от вулканической зоны (в Колхиде, Причерноморье. Прикубанье, Дагестане, Азербайджане) доминируют кремнь и другие осадочные породы.

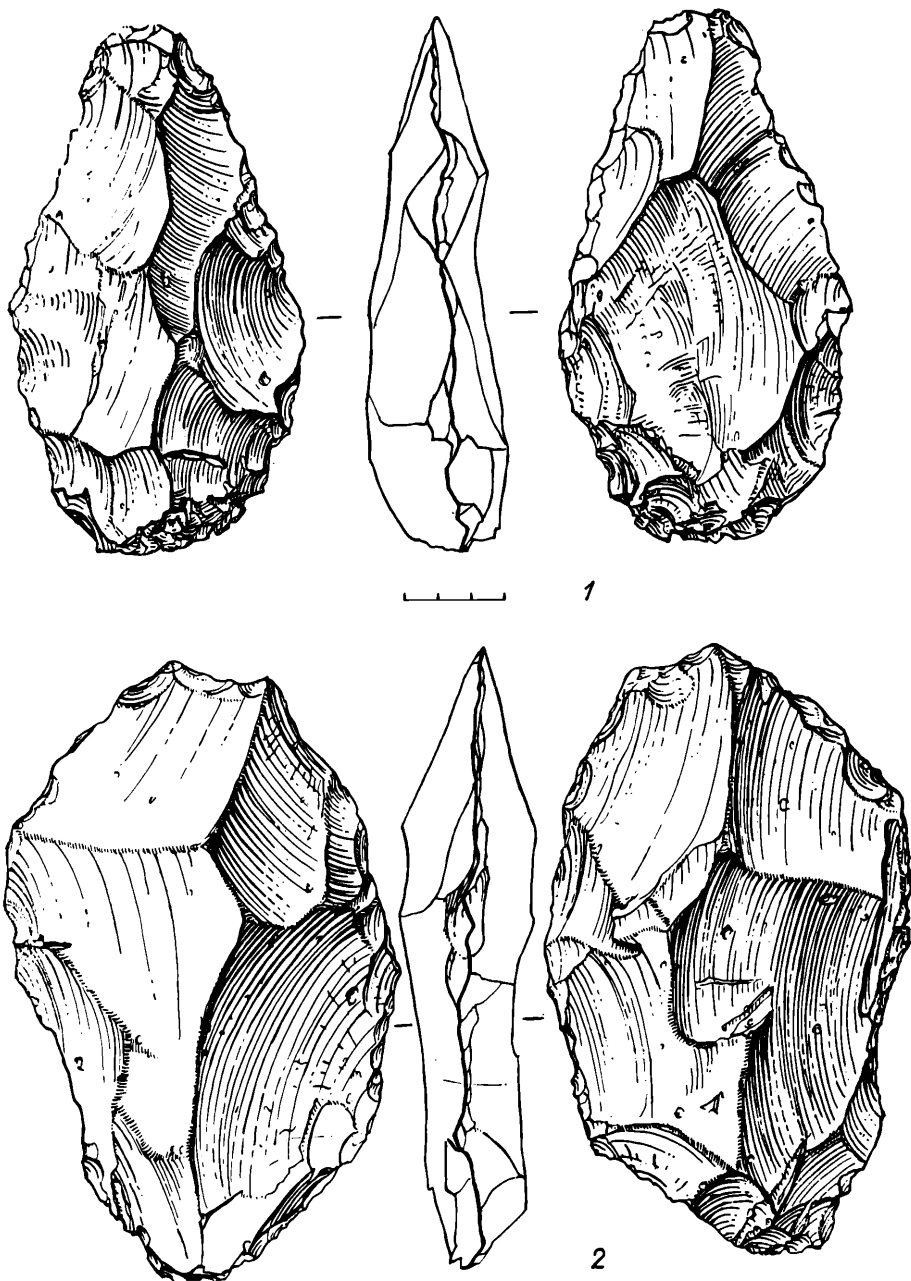
В настоящее время древний палеолит установлен во всех районах Кавказской горной страны. Размещение раннепалеолитических памятников связано с тафономическими условиями и палеогеографией. Тафономические обстоятельства не благоприятствовали сохранению поселений под открытым небом в полосе средних и высоких гор. Подавляющее большинство интересующих нас памятников находится в полосе низких предгорий и прилегающих к ним участков депрессий, вовлеченных в зону новейших сводовых поднятий Большого и Малого Кавказа. В области же вулканического нагорья местонахождения располагаются главным образом в районах межгорных понижений — котловин.

Различия в масштабах проникновения древних людей в глубину Большого Кавказа следует, по всей видимости, объяснять и фактором гляциологическим. В эпохи оледенений сильно снижались высотные ландшафтные пояса и резко сокращались территории, пригодные для жизни человека. Стоянки в эти периоды перемещались в районы низких гор и предгорий³.

Все кавказские древнепалеолитические памятники под открытым небом (за исключением мустьерских стоянок Ильская I и II) представлены местонахождениями, т. е. остатками разрушенных стоянок, перемещенные компоненты которых (как правило, лишь одни кремни) находятся во вторичном залегании. Гораздо лучшей сохранностью обладают стоянки, погребенные в отложениях скальных убежищ, встречающиеся в толщах закарстованных известняков (Большой и Малый Кавказ), в основании лавовых потоков (Закавказское нагорье), в массивах юрских (?) песчаников (Медовые пещеры близ Туапсе). Эти стоянки находятся в первичном залегании и обладают ценными стратифицированными свидетельствами, археологическими, литологическими, палеонтологическими, палеоантропологическими. В настоящее время на Кавказе известно и исследуется около 70 пещерных стоянок эпохи палеолита и мезолита. Свыше 50 из них содержат древнепалеолитические культурные слои и, как правило, являются многослойными.

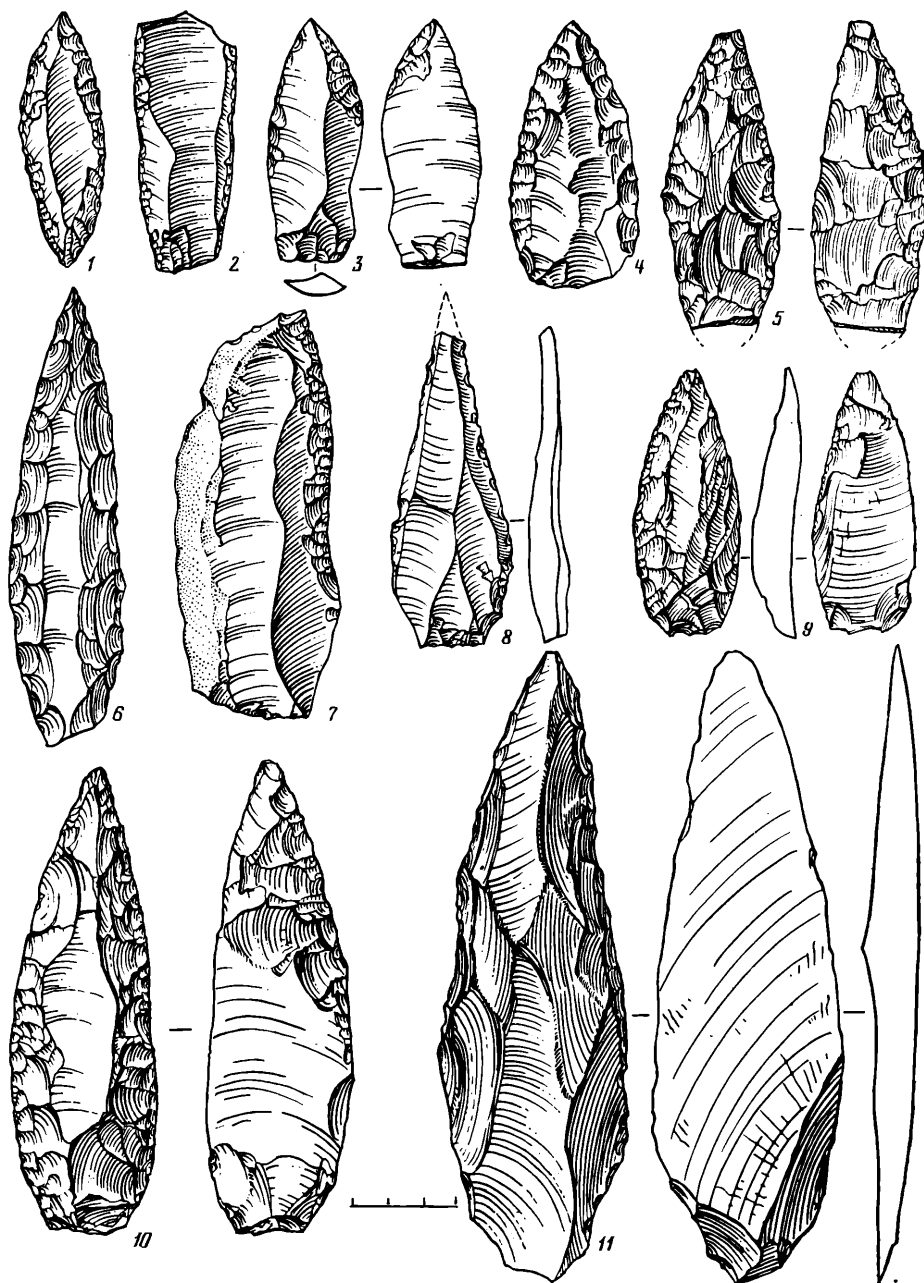
Мустьерские культурные слои кавказских пещер, судя по их многообразным характеристикам, относятся в целом к первой половине вюрмского оледенения, апельские — к более древним отделам плейстоцена. В «мустьерском вюрме» Кавказа намечается два холодных максимума, теплый межстадиал (бреруп?) и так называемый «средний вюрм», что в общих чертах соответствует Вюрму I и II, Вюрму I—II и Вюрму II—III французской схемы. Наметки эти являются обобщенными и сводными, так как фазы накопления и удаления отложений в пещерах неоднозначно представлены в разных районах Кавказа и соседних территорий (в причерноморских и колхидских пещерах, к примеру, эрозионные процессы были значительнее, чем в пещерах Карабахского хребта в Азербайджане и гор Загрос в Иране и Ираке).

Наиболее древние мустьерские уровни (слои 4 в пещерах Кударо I и III; слой 3d в Сакажиа; вероятно, низы мустьерских отложений в

Рис. 1. Образцы бифасов из ашельских местонахождений Юго-Осетии
 1 — Гористави; 2 — Лаше-Балта. Андезит (по В. П. Любину)

Цоне, в Ахштыре и в некоторых других пещерах) характеризуют обстановку повышенного увлажнения и заметных эпигенетических изменений. Похолоданию эпохи вюрма II (нижневалдайское оледенение Русской равнины) соответствуют, по-видимому, щебенчатые отложения Бронзового и Двойного грота в Цуцхватах, верхи слоя 4 и слой 3 в Кударо I и III, уровни За, в, с в Сакажиа, мустьерские слои в пещерах Баракаевской и Кепшинской, нижние мустьерские слои в Ереванской пещере и др. Влажный климат эпохи Вюрма II—III запечатлелся в сильной эрозии кровли мустьерских отложений, в появлении глинисто-карбонатных корок и т. п., отмеченных в кударских пещерах, в Цоне, в Ахштырской, Воронцовской и других пещерах.

Рис. 2. Образцы орудий из мустьерских слоев пещерных стоянок Кавказа

1—4, 7 — Джручула; 5, 6 — Цона; 8, 9, 11 — Кударо I; 10 — Кударо III

1—4, 7—10 — кремьнь; 5 — обсидиан; 6 — андезит; 11 — сланец (по Д. М. Тушабрамишвили А. Н. Каландадзе и В. П. Любину)

Более древние домустьерские отложения известны по ашельским слоям Закавказских пещер Кударо I, III, Цона и Азых. Ашельские слои в Кударо I представлены тремя литологическими горизонтами, средний и нижний из которых (5б и 5в), очевидно, являются межледниковыми; они сложены плотным фосфатизованным суглинком (алеuritистый фосфорит), возникшим в результате сильного преобразования первичного обломочного и костного материала. Известняковый щебень носит здесь следы сильнейшей коррозии, почти до полного растворения (данные А. Г. Черняховского).

Ашельские слои в Цоне по своим литологическим (сильная выветренность, сокращение легко разрушаемых минералов и т. д.) и палинологическим показателям также свидетельствуют о том, что накопление их начиналось в теплых и влажных условиях (данные А. Н. Каландадзе, А. К. Векуа, А. А. Величко и др.).

В Азыхской пещере, в которой зафиксированы не только ашельские, но и как предполагают некоторые исследователи, доашельские уровни обитания, начиная с апшерона (культура галек), наиболее древние (эоплейстоценовые) слои также формировались в условиях теплого и влажного климата. В раннеашельском слое этой пещеры, который залегает выше, встречены костные остатки представителей тираспольского фаунистического комплекса (бизон Шотензака, Зюссенборнская лошадь). Палеомагнитные измерения допускают, что время первоначального заселения Азыхской пещеры могло иметь место около 1 млн. л. н. (данные Д. В. Гаджиева, М. М. Гусейнова, А. В. Мамедова, А. А. Величко и др.).

В культурных слоях ашельских и мустьерских стоянок кавказских пещер найдены обильные фаунистические материалы: в ашельских и мустьерских слоях пещеры Кударо I обнаружены костные остатки более 80 видов крупных позвоночных, грызунов, рукокрылых, птиц, амфибий и рыб, в Кударо III — более 40 видов, в Азыхе — 35, в Цоне — 18; в мустьерских слоях Ереванской пещеры — 24, Кепшинской пещеры — 17; Ахштырской — 16, Джручулы — 12, Воронцовской — 10.

Фауна различных слоев многочисленных памятников демонстрирует существенные количественные и качественные различия. В ашельских слоях Азыхской пещеры представлено 35 видов животных, в мустьерских — только 10. Основными объектами охоты здесь были пещерный медведь, благородные и гигантские олени. В фауне ашельских слоев кударских пещер и Цоны абсолютно преобладают остатки пещерного медведя (80—90%), в фауне мустьерских слоев заметно возрастает удельный вес таких животных, как благородный олень и горный козел (тур) (до 30—45%).

Видовой состав охотничьей добычи древнепалеолитического человека обычно отражает характерные черты палеоландшафтов данного региона. В этом отношении интересно преобладание в фауне только что названных колхидских стоянок остатков пещерного медведя, в фауне кубанских мустьерских стоянок Ильская, Баракаевская и Монашеская — остатков бизона и лошади.

Проблема первоначального заселения территории Кавказа, как и проблема происхождения кавказского ашеля, на современном уровне знаний, остается неясной. Вероятны южные (переднеазиатские) «исходные рубежи» кавказского ашеля. В то же время допустимо, что первые люди пришли на Кавказ еще в доашельское время, а собственно ашельские индустрии (индустрии с бифасами) формировались здесь на месте или были принесены в эту область другой волной расселения. Во всяком случае, «цивилизация бифасов» прослеживается на Кавказе на всем протяжении ашеля и является здесь господствующей¹ (рис. 1).

Вместе с тем, ашельские индустрии Кавказа, на своем исходе, утрачивают бифасиальные формы и эволюционируют не в направлении мустье с ашельской традицией, а в направлении мустье типичного, мустье зубчатого и в отдельных случаях (Цона) — мустье шарантского облика². Верхний ашель фации леваллуа, имевший широкое распространение на Кавказе, трансформируется здесь в основном в мустье типичное (рис. 2).

Ашельские и мустьерские стоянки Кавказа могут быть подразделены по хозяйственному признаку. Количественные и качественные различия в составе культурных остатков на разных ашельских памятниках предполагают три главных типа: долговременные базовые стоянки, временные охотничьи лагеря и мастерские. Базовые стоянки определяются по наличию хорошо выраженных культурных слоев с многообразным каменным инвентарем, обильными кухонными отбросами, очагами и т. п.

Ашельские стоянки такого рода представлены в VI слое Азыха и в 5 слое Кударо I. Охотничьи лагеря имели множество вариантов (сезонные и кратковременные, многократно посещаемые или единоразовые). На местах кратковременных бивуаков встречается только выборочный охотничий инструментарий, необходимый для охоты и обработки охотничьей добычи (Азых, слой V; Цона, верхние ашельские горизонты)⁵. Мастерские, которые могут иметь различный производственный профиль, приурочены, чаще всего, к местам выходов исходного сырья. Таковы кремневые мастерские Яштух и Абхазии, Скиндори, Зоди и другие в Имеретии, обсидиановые мастерские Сатани-дар, Джрабер и Фонтан в Армении, Чикиани в Джавахетии⁶ и т. д. В мустьерское время функциональная неоднозначность мест пребывания человека проявляется еще более ярко.

Разнотипные древнепалеолитические памятники свидетельствуют, видимо, о различных социально-экономических проявлениях, являются показателем целенаправленной деятельности отдельных групп населения (охотничьи экспедиции, собирание растительной пищи, походы за сырьем) в интересах всего коллектива.

¹ Гроссгейм А. А. Дикие съедобные растения Кавказа. Баку, 1942.

² Любин В. П. Ранний палеолит Кавказа.— В кн.: Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969; Любин В. П. Природная среда и человек в плейстоцене Кавказа.— В кн.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974.

³ Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. Путеводитель совместного советско-французского рабочего полевого семинара по теме «Динамика взаимодействия природной среды и исторического общества». М., 1978.

⁴ Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.

⁵ Гусейнов М. М. Археология Азербайджана (каменный век). Баку, 1975. На азерб. яз.; Каландадзе А. Н. Цонская пещера и ее культура.— В кн.: Пещеры Грузии. Тбилиси, 1965, т. 3.

⁶ Замяткин С. Н. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937; Тушабрамишвили Д. М. Археологические разведки в ущелье р. Квирила.— Вестник Гос. Музея Грузии им. С. Н. Джанашиа. Тбилиси, 1960, т. 23В. На груз. яз., резюме на русск. яз.; Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л., 1950; Любин В. П. Ранний палеолит...

Л. К. ГАБУНИЯ, А. К. ВЕКУА

ОБ ОСТАТКАХ ПАЛЕОАНТРОПОВ ГРУЗИИ

За последние десятилетия на территории Грузии участились находки остатков палеолитического человека. Еще в 1961 г. из мустьерских слоев пещерной стоянки Джручула был извлечен верхний первый моляр, принадлежащий взрослому индивидууму. Судя по ряду архаических признаков (значительные размеры, массивность, характер слияния корней, сильная скошенность поперечной оси, заметный тавродонтизм и др.), этот зуб был предположительно отнесен к неандертальцу¹.

Позже, в Бронзовой пещере Цуцхвати в мустьерском слое был найден едва стертый верхний левый первый моляр, принадлежащий ребенку в возрасте до 8 лет. Сочетание в строении зуба таких особенностей, как высокая степень тавродонтизма, наличие передней и задней ямок, сплошной и относительно высокий косой гребень, развитие дополнительного бугорка на дистальном гребне протокона, довольно крупный гипокон и другие, также указывает на близость цуцхватского человека к неандертальцам².

Позднее в мустьерских слоях пещеры Сакажия была обнаружена серия изолированных зубов, а также фрагмент альвеолярного отдела левой половины верхней челюсти с четырьмя (С, Р¹, Р², М¹) среднестертыми зубами³. В обломке данной челюсти сохранились, помимо среднестертых С, Р¹, Р² и М¹, сильно поврежденная альвеола I¹, альвеола I² и часть

альвеолы М² с поперечно расколотым мезиальным корнем этого зуба. По степени стертости зубов обломок челюсти относится к молодому индивидууму (не более 25 лет). Верхнечелюстная кость обломана на уровне нижнего края грушевидного отверстия и почти у основания скуловой дуги (над серединой альвеолы для М²). Фрагмент включает также несколько поврежденный небный отросток, обломанный приблизительно по линии соединения с небной костью.

По такому фрагменту, конечно, трудно судить о строении лицевого скелета сакажийского человека, но все-таки можно отметить некоторые его особенности. Обращает на себя внимание плоская передняя поверхность альвеолярного отдела верхней челюсти и почти полное отсутствие следов собачьей ямки. По-видимому, довольно значительны размеры верхнечелюстной пазухи (особенно заметно ее разрастание в латеральном направлении), развитие которой находится, как показал Хейм⁴, в зависимости от редукции клыковой ямки. Небо относительно плоское, что, возможно, связано с наличием сильно развитого максиллярного синуса⁵. Свод неба высокий, почти не уступающий в этом отношении небу родезийца⁶. Длина неба около 58 мм, ширина — около 45 мм. Небный указатель сравнительно низкий (около 77,5), свидетельствующий, по всей видимости, об его относительно меньшей, чем у большинства европейских неандертальцев⁷, ширине. Грушевидное отверстие неширокое (ширина 28 мм, а индекс ширины к расстоянию между назоспинале и простион около 80). Отчетливо выражены предносовые ямки и шероховатость альвеолярного края. Довольно значителен наклон передней поверхности альвеолярного отдела (линия, соединяющая простион с назоспинале, образует с касательной к альвеолярному краю угол до 70°), указывающий на заметный альвеолярный прогнатизм, выраженный, быть может, в несколько большей степени, чем у некоторых неандертальцев, и в частности у людей из Спи и Ля Шапель-о Сен⁸. Альвеолярная дуга имеет форму, близкую к параболической, напоминая таковую у палестинцев (Схул V) и некоторых других палеоантропов⁹. Этим ограничиваются сведения о верхней челюсти сакажийца. Такие ее признаки, нередко наблюдаемые у палеоантропов, как отсутствие клыковой ямки, почти плоская передняя поверхность альвеолярного отдела верхней челюсти, высокий свод неба, резко выраженная шероховатость альвеолярного края, некоторый альвеолярный прогнатизм и другие указывают на сходство сакажийского мустьерца с неандертальцами, от которых, однако, его несколько отличает относительно узкий нос, свойственный неантропам, и, возможно, некоторым палестинским палеоантропам¹⁰.

Зубы сакажийца характеризуются крупными размерами, свойственными палеоантропам. По этому признаку он приближается к неандертальцу из Ле Мустье, который лишь незначительно уступает ему в размерах и массивности коренных зубов¹¹.

Клык крупный и массивный. Его вестибулярная поверхность умеренно выпуклая, без видимых следов срединного валика. Судя по явственному перегибу дистального ребра режущего края, на нестертом зубе эта поверхность должна иметь характерные пятиугольные очертания. На лингвальной поверхности отчетливо выражен базальный бугорок, который соединяется с заметно вздутым срединным валиком, ограниченным с мезиальной стороны довольно глубокой бороздкой, а с дистальной — мелкой ложбинкой. Дистальнее срединного валика расположен параллельный ему, но менее выпуклый валик, ограниченный от несколько выступающего дистально краевого гребня относительно короткой, хотя и явственной бороздкой. Подобное строение лингвальной стороны клыка характеризует также неандертальца из Ле Мустье, у которого отмечается расчленение срединного валика на два параллельных гребня и некоторое вздутие мезиального и дистального краевых гребней¹². Однако сакажиец явно уступает ему в степени развития лингвального бугорка, приближаясь по этому признаку к неандертальцу из Крапины¹³ и Монсампрона¹⁴.

P^1 и P^2 почти равны по величине и мало отличаются друг от друга по строению. С лабиальной стороны P напоминает клык, хотя заметно уступает ему в размерах. Менее выражен у него пережим, ограничивающий коронку от корня. У мезиального края приокклюзивной части имеется неглубокая вертикальная бороздка, отделяющая от выпуклой центральной части этой поверхности слабо выступающий мезиальный валик. В целом, приокклюзивная часть вестибулярной поверхности заметно скошена в лингвальную сторону. Жевательная поверхность имеет трапециевидные очертания. P^2 отличается от P^1 несколько большей выпуклостью вестибулярной поверхности и закругленностью ее боковых углов, а также более значительным ветвлением дистального конца межбугорковой бороздки, обусловленным, должно быть, присутствием здесь соединяющихся с этой бороздкой межгребневых канавок вестибулярного и лингвального бугорков. Размеры и строение предкоренных сближает человека из Сакажиа с неандертальцем из Ле Мустье. Значительная выпуклость и скошенность вестибулярной поверхности, складчатость эмали, крупные размеры и массивность, свойственные и неандертальцам из Крапины¹⁵, Монсампрона, Ля Кина¹⁶.

Наиболее отчетливо неандерталоидные признаки выражены на M^1 , который превосходит по размерам (максимальная длина 13 мм, массивность 163,8) первый верхний моляр всех известных нам палеоантропов, за исключением лишь человека из Крапины, у которого максимальная длина и ширина этого зуба достигают соответственно 13,4 и 13,2 мм. Контур зуба субромбовидный. На вестибулярной поверхности хорошо заметна короткая и довольно глубокая бороздка, отвечающая границе между паракон и метакон. Не менее глубокая вестибулярная бороздка отделяет от паракона широкий и выпуклый мезиальный валик, напоминающий парастиль некоторых антропоидов. Отчетливо отделяется от вестибулярной поверхности паракона и дистальный валик, который граничит с бороздкой, разделяющей пара — и метакон. У мезиального края метакона также наблюдается явственный валик, ограниченный от главного валика вестибулярной поверхности неглубокой канавкой. На жевательной поверхности зуба, несмотря на довольно значительную его стертость, выделяются все четыре основных бугорка. Протокон наиболее крупный из бугорков. Метакон близок по величине к паракону, но явно уступает в размерах гипокону. Паракон несколько выдается в мезиовестибулярную сторону. У его лингвального края сохранились следы мезиальной борозды, отделяющей этот бугорок от протокона. Из-за стертости зуба трудно судить с уверенностью о наличии передней ямки, но если она и существовала, то была, должно быть, не очень глубокой. Главный гребень метакона соединяется с дистальным гребнем протокона, образуя непрерывный косой гребень. Дистальнее метакона расположена разветвленная щелевидная борозда, мезиолингвальная ветвь которой граничит с косым гребнем (дистальная борозда, по А. А. Зубову¹⁷), а мезиальная и дистальная ветви как бы ограничивают дополнительный бугорок, примыкающий к гипокону. Вестибулярная и дистальная части рассматриваемой борозды расположены в небольшой вмятине, которая, возможно, представляет собой остаток задней ямки зуба. Гипокон крупный, сильно выступающий дисталингуально. Лингвальная поверхность, особенно ее окклюзивная часть, рассечена глубокой бороздой, представляющей собой продолжение дисталингуальной борозды. Она делит эту поверхность на два выпуклых участка: более широкий, отвечающий протокону, и относительно узкий, соответствующий гипокону. На границе лингвальной и мезиальной поверхностей зуба отчетливо выделяется бороздка, отделяющая от протокона слаборазвитый бугорок Карабелли. Тавродонтизм умеренный. M^1 сакажийца по ряду признаков сходен с тем же зубом большинства из известных нам палеоантропов — крупные размеры и весьма значительная массивность, приблизительно ромбовидные очертания коронки, крупный и довольно значительно выступающий дисталингуально гипокон, наличие передней и, возможно, задней ямок, относительно сильно разви-

тые «парастиль» и «мезостиль», высокая степень слияния корней, явственный тауродонтизм и др.

От М² сохранилась лишь часть альвеолы с мезиолингвально расколотым корнем. Если судить по вестибулярно-лингвальному диаметру альвеолы (около 13,5 мм), второй моляр был крупнее первого. Все три корня были, по-видимому, сращены, образуя единый блок (в альвеоле сохранился обломок слитых концов мезиального и лингвального корней).

Касаясь рассмотренных верхнечелюстных зубов в целом, нельзя не заметить, что если мустьерец из Сакажия имеет в среднем большие, чем неандерталец, размеры и массивность клыка и первого моляра, то те же признаки его премоляров явно уступают соответствующим средним показателям у неандертальцев. Создается впечатление, что сакажиец отличался относительно мелкими (по сравнению с другими верхнечелюстными зубами) премолярами.

М² сакажийца имеет сильно стертую коронку. Размеры зуба крупные (мезиодистальный диаметр 12,1 мм, вестибулярно-лингвальный — 11,2 мм), массивность довольно значительна (135,5). На вестибулярной поверхности заметны следы двух борозд: срединной, представляющей продолжение вестибулярной борозды жевательной поверхности, и задней, разделяющей гипоконид и гипоконулид. На жевательной поверхности различаются, несмотря на значительную степень стертости, все пять бугорков зуба и передняя ямка. Явное смыкание в центре коронки метаконида и гипоконида дает основание думать, что бороздки окклюзивной поверхности могли образовывать узор дриопитека. Гипоконулид едва заметно смещен в вестибулярную сторону. Почти одинаковой длины мезиальный и дистальный корни зуба, заметно уплощены в мезиодистальном направлении и полностью сращены на вестибулярной стороне (разобщенными остаются лишь кончики корней). Тенденция к слиянию видна также на лингвальной стороне зуба, где оба корня сращены более чем на одну треть своей длины. Тауродонтизм отчетливо выражен. Сравнение с нижними молярами неандертальцев затруднено из-за сильной стертости коронки, но крупные размеры и массивность зуба, наряду с такими его особенностями, как присутствие передней ямки и крупного метаконида, явственный тауродонтизм и высокая степень сращения корней свидетельствуют о некоторой близости к М² палеоантропов¹⁸.

Вся совокупность наблюдаемых у сакажийца признаков несомненно указывает на его близость к палеоантропам. Гораздо труднее судить о положении сакажийца в системе палеоантропов. Наличие у него, наряду с явно неандерталоидными особенностями, таких признаков, как высокий свод неба, характеризующий родезийца, рабатца, возможно, палестинцев (Схул V) и других, и относительная узость грушевидного отверстия, свойственная, скорее, ранним неантропам и, по-видимому, некоторым палестинцам, а также отдельных черт своеобразия (например, присутствие на М¹ образований, напоминающих наружные стили антропоидов) указывают, быть может, на обособленность сакажийского палеоантропа.

Изолированные зубы мустьерцев из Джручулы и Цуцхвати не обнаруживают существенных отличий от соответствующих зубов сакажийца. По всей видимости, они относятся к тому же представителю палеоантропов, что и человек из Сакажия.

¹ Габуния Л. К., Тушабрамишвили Д. М., Векуа А. К. Первая находка остатков мустьерского человека на Кавказе.— Вопросы антропологии, 1961, № 8.

² Габуния Л. К., Тушабрамишвили Д. М., Векуа А. К. О зубе мустьерского человека из Бронзовой пещеры Цуцхвати (Западная Грузия).— Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, 1977, № 47.

³ Габуния Л. К., Ниорадзе М. Г., Векуа А. К. О мустьерском человеке из Сакажия (Западная Грузия).— Вопросы антропологии, 1978, № 59.

⁴ Heim J.-L. Les hommes fossiles de la Ferrassie (Dordogne).— L'Anthropologie, 1974, t. 78, N 2.

⁵ Patte E. L'enfant neanderthalien du Pech de l'Aze. Paris, 1957.

⁶ Teylor R. M. S. The human palate.— Acta anat., 1922, vol. 49; Никитюк Б. А. Лицевой скелет, верхняя его часть.—

- В кн.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966.
- ⁷ Алексеев В. П. Гоминиды второй половины среднего и начала верхнего плейстоцена.— В кн.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966.
- ⁸ Бунак В. В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас.— Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, 1959, т. XIX; Heim J.-L. Les hommes fossiles...; Piveteau J. Primates.— In: Traite de paleontologie. Paris, 1958, t. VII.
- ⁹ Keith A., McCown T. The stone age of Mount Carmel, II. The fossil human remains from the Levallois-Mousterien. Oxford, 1939; Piveteau J. Primates...
- ¹⁰ Рогинский Я. Я. Палестинские и близкие им формы гоминид.— В кн.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966; Он же. Внеевропейские палеоантропы.— В кн.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966; Keith A., McCown T. The stone age...
- ¹¹ Patte E. Les dents des neanderthaliens. Paris, 1963.
- ¹² Gregory W. K. The origin and evolution of the human dentition.— A palaeontological review. Paris I—V, Baltimore, 1922.
- ¹³ Gorjanovic-Kramberger K. Der diluviale Mensch von Krapina in Kroatien. Wiesbaden, 1906.
- ¹⁴ Vallois H. V. Les restes humaines gisement mousterien de Monsempron.— Ann. de Paleontologie, 1952, t. 38.
- ¹⁵ Gorjanovic-Kramberger K. Der paläolithische Mensch und seine Zeitgenossen aus dem Deluvium von Krapina in Kroatien.— In: MAGW, XXXII, 1902.
- ¹⁶ Martin H. L'homme fossile de la Quina. Paris, 1923.
- ¹⁷ Зубов А. А. Одонтология. М., 1968.
- ¹⁸ Klaatsch H. Kranilogie, Kraniotrigonometrie.— Arch. Anthrop., 1909, Bd. 36; Зубов А. А. Зубная система.— В кн.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966; Он же. Одонтология...; Martin H. L'homme fossile...; Patte E. Les dents...; Gorjanovic-Kramberger K. Der diluvial Mensch...

Ю. А. СМЕРНОВ

НЕАНДЕРТАЛЬСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ (ИСТОРИЯ ПРИЗНАНИЯ И СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ)

В августе 1981 г. исполнилось 125 лет со дня открытия первого признанного наукой неандертальца — знаменитого неандертальца из Неандертала — костные остатки которого были случайно обнаружены в пещере Фельдгофер, расположенной в 12 км к востоку от г. Дюссельдорфа. По счастливому стечению обстоятельств, найденные кости были переданы школьному учителю К. Фульротту, который первым, пожалуй, оценил значение попавших в его руки остатков и, совместно с Х. Шаафхаузеном, опубликовал их¹. Думается, что не будет большим преувеличением сказать, что данная находка всколыхнула научный мир, а Фульротт оказался своего рода Колумбом, открывшим путь в доселе неведомые области знания².

Однако должно быть прекрасно известно, какие «муки» претерпел неандерталец на пути к признанию и пониманию его роли в процессе эволюции: от «рахитичного недоумка» до вполне сапиентного предка современного человека, и, видимо, нет нужды вновь возвращаться к этой истории. Здесь хотелось бы остановиться на археологическом аспекте темы и, с одной стороны, показать, что путь признания культурно-исторической роли неандертальца, как создателя, вероятно, первых преднамеренных погребений, был не менее труден и тернист, чем путь признания его роли в антропогенезе, а с другой, — обрисовать общее состояние источников по этой проблеме.

В настоящее время вряд ли найдется историк, который серьезно бы сомневался в существовании преднамеренных неандертальских погребений. Но еще 30 лет назад на страницах журнала «Советская этнография» по этому поводу развернулась дискуссия между М. С. Плисецким и А. П. Окладниковым. Причем, первый отрицал сам факт наличия неандертальских погребений, а второй, пользуясь в основном теми же источниками, что и первый, доказывал их существование³. И дело здесь не столько в установках противников и не столько в характере самих ис-

точников, в целом достаточно скудных и малочисленных, и трудно, или наоборот, чересчур уж легко поддающихся всевозможным интерпретациям, сколько в том печальном факте, что данный источник (по каким-то, в основном не поддающимся разумным объяснениям, причинам), с самого начала и по сей день, остается источником, чрезвычайно плохо документированным, имеющим огромное количество, увы, уже невосполнимых информационных лагун. В то же время, неандертальские погребения оказались таким бесценным источником на пути к решению проблем развития общественных отношений, что сразу же привлекли и, по-видимому, всегда будут привлекать внимание большого числа специалистов (и не специалистов). Вот тут то, вероятно, и сыграли свою роковую роль пробелы в информации. И действительно, нет фактически ни одной работы по данной тематике, в которой не приводилось бы описаний хотя бы нескольких неандертальских погребений и не давалась бы их интерпретация. Но самое удивительное заключается в том, что если интерпретации различных авторов весьма часто совпадают друг с другом, то описания погребений (одних и тех же) — практически никогда. Другими словами, неандертальские погребения за неполные сто лет, прошедшие со дня их открытия, превратились из источника информации в источник спекуляции, который, из-за не критичного отношения к материалу, грубых ошибок, самых невероятных измышлений и недоразумений, кочующих из работы в работу, разрастался наподобие снежного кома и создал такой «информационный шум», полностью снять который, пожалуй, уже не представляется возможным.

Но вернемся к истокам. Первые, по всей вероятности, преднамеренные погребения, о которых имеются некоторые сведения, были обнаружены М. Лоз и М. Сюю в июле 1886 г. в Бельгии, во время раскопок площадки перед гротом Спи. К этому времени неандерталец и его сравнительная древность были уже признаны большинством авторитетов. Обнаруженные остатки, опубликованные М. Лоз совместно с Ж. Фрэпоном были расценены как неандертальские, а геологический и археологический контексты стоянки не позволяли сомневаться в их древности, причем эти находки впервые позволили отождествить неандертальца с мустьерским культурным комплексом, а не с ашельским, как предполагалось до этого времени.⁴ Что же касается индивидуумов, обнаруженных в Спи, то авторы публикации сочли, что люди эти погибли под обвалами. При этом возможные указания на преднамеренный характер погребений (если таковые, конечно, существовали) были оставлены ими без внимания, так как раскопщики полагали, что неандертальский человек обладал слишком примитивной психикой, чтобы интересоваться судьбой усопших...

Данная находка долгое время оставалась единственной в своем роде и только находками начала XX в. во Франции (Ле Мустье и Ля Шапель-о-Сен) была ознменована эпоха так называемого «Большого Открытия Неандертальца». Но находка в Ля Шапель-о-Сен, благодаря наибольшей полноте и наилучшей сохранности и авторитету раскопщиков (А и Ж. Буиссоны и Л. Бардон) стала наиболее известной. Именно это открытие произвело сенсацию в тогдашнем научном мире, поделив его, еще не менее чем на 50 лет, на два лагеря: сторонников и противников существования среднепалеолитических погребений. Возникшая полемика была не менее ожесточенной, чем полемика, связанная с признанием самого неандертальца, ибо рушились устоявшиеся представления, опиравшиеся на мнение таких авторитетов, как, например, Г. Мортилье, который считал, что палеолитический человек вообще не обладал чувством религиозности и не мог поэтому иметь погребальной практики⁵. Подобную точку зрения высказывал тогда и знаменитый палеонтолог М. Буль, посвятивший трехтомную монографию изучению костных остатков из Ля Шапель-о-Сен⁶. Возможно, придерживались этого мнения и некоторые французские археологи, так А. Мартен, обнаружив в 1911 г. в слое № 3 стоянки Ля Кина, костяк женщины, посчитал ее

утопленницей, занесенной туда потоком⁷. Однако новая серия находок в Ля Ферраси (1909—1921 гг.)⁸ в значительной степени укрепила позицию сторонников существования преднамеренных неандертальских погребений, а открытия последующих лет сделали ее непоколебимой...

Но вернемся к находкам из Спи. К сожалению, об этих материалах имеется весьма скудная информация, что, по-видимому, связано с несовершенством методики раскопок, а главное, с несовершенством фиксации обнаруженных остатков. Всю опубликованную документацию составляют: краткое словесное описание и схематический разрез отложенной площадки перед гротом. Планы, фотографии и даже схемы расположения обнаруженных костяков отсутствуют. Из описания следует, что: «Найденные человеческие остатки принадлежали двум индивидуумам, первый скелет (Спи 2 — мужчина в возрасте 25 лет — Ю. С.) был найден в 6 м к югу от входа в грот, другой (Спи 1 — мужчина (?) в возрасте 35 лет. — Ю. С.) в 8 м от той же точки и в 2,5 м от первого. Нам удалось уточнить положение Спи 1. Он лежал поперек оси пещеры, головой на восток и ногами на запад. Он лежал на боку с рукой (кистью — main), прижатой к нижней челюсти». Относительно положения второго костяка определено ничего не известно. Более того и антропологическая сторона исследования была не на высоте: из всего добытого костного материала для изучения были, по-видимому, выбраны только относительно хорошо сохранившиеся кости — черепа, челюсти, один (?) крестец, а остальная часть костных остатков была отнесена к категории неопределенных обломков. Эти обломки перешли в частную коллекцию семьи Люэ, где в начале они оказались труднодоступными для специалистов, а к 50-м годам нашего века и вовсе утерянными⁹. Данное обстоятельство затруднило, во-первых, определение пола обнаруженных индивидуумов, для одного из которых он так и не был установлен с достаточной точностью, а, во-вторых, только спустя 60 лет, среди уцелевших обломков были выявлены кости третьего индивидуума, который оказался ребенком, вероятно, находившимся в паре с одним из взрослых¹⁰.

Хорошо известно, каким «недобросовестным» исследователем был тогдашний торговец древностями О. Хаузер. Нет почти ни одного автора, писавшего о неандертальских погребениях, который не отметил бы «ужасающих условий», в которых Хаузер производил раскопки, обвиняя его во всех смертных грехах, вплоть до фальсификации находок. Однако справедливо ради следует сказать, что о неандертальском погребении, принадлежавшем 16—18-летнему юноше и открытом 7 марта 1908 г., во время раскопок О. Хаузера в Нижнем Гроде Ле Мустье, известно гораздо больше, чем о многих других погребениях, раскопанных гораздо позднее. И тем более о втором погребении из этого же грота, обнаруженном Д. Пейрони в 1914 г., от которого сохранилось лишь краткое словесное описание могильной ямы и ее схематическое изображение. В этой яме был найден костяк годовалого (?) ребенка (тогда же, по-видимому, и утраченный), о положении которого не сказано ни единого слова¹¹. К чести же О. Хаузера надо сказать, что он работал довольно профессионально: существуют добротные по тому времени планы вскрытой им стоянки, наложенные на планы местности, есть и схематические разрезы. Опубликованы относительно подробные описания находки, из которых можно узнать, при каких обстоятельствах был обнаружен костяк. Там же описывается и его положение при частичном и полном вскрытии (10—12 августа 1908 г.), произведенном уже антропологом Г. Клаачем; имеются фотографии и прорисовки части обнаруженных остатков. Более того, О. Хаузер был, видимо, первым археологом, пригласившим компетентную комиссию, состоявшую из членов Франкфуртского антропологического конгресса, с тем, чтобы она присутствовала при окончательном вскрытии погребения¹². Уже на основании изложенного, данный источник может считаться сравнительно полноценным и, после соответствующей критики, может быть использован при изучении погребальных обря-

дов неандертальцев, а не отбрасываться за недоброкачественностью, как это происходило до сих пор.

3 августа 1908 г., недалеко от с. Ля Шапель-о-Сен, в пещере Бонневаль, братья А. и Ж. Буиссони и Л. Бардон вскрывают еще одно неандертальское погребение. Оно было совершено в яме и принадлежало мужчине в возрасте 40—45 лет. Так вот, эти очень добросовестные, по общему признанию, исследователи (по непонятным причинам,— со ссылкой на какие-то неясные обстоятельства) оставляют гораздо меньше информации о погребении, в частности графической и фотографической, чем прокладываемый всеми торговец древностями. Составляются только схематический план и два разреза пещеры через погребение со схематическим изображением положения костяка в могильной яме, и 4 фотографии, на трех из которых снята пещера и подступы к ней, а на одной — часть человеческого черепа в момент его расчистки (в лаборатории?). Этим документация исчерпывается, а две основных авторских публикации, в силу наличия в них разночтений, порождают две разные версии относительно числа и характера находок, связанных с погребением¹³. Таким образом, самое известное и, казалось бы, наиболее добротное раскопанное и хорошо опубликованное погребение, оказывается источником недостаточно информативным.

С 1909 г. и, можно сказать, по сей день, продолжают открытыя, связанные с раскопками Большого Навеса Ля Ферраси и изучением его материалов¹⁴.

Первый скелет в Ферраси был открыт Д. Пейрони и Л. Капитаном 19 сентября 1909 г. Он принадлежал мужчине примерно 45 лет, имел относительно хорошую сохранность и был достаточно полно зафиксирован: имеется описание положения погребенного и фотография скелета, сделанная на месте уже после его расчистки (графическое изображение костей, правда, отсутствует, хотя имеется схематичный рисунок костяка, сделанный А. Брейлем, присутствовавшим на раскопках). На общем, крайне схематическом и во многом расходящемся со словесными описаниями плане стоянки, местоположение первого скелета обозначено овалом, который можно принять (как, впрочем, это зачастую и делается) за контур могильной ямы, хотя ничего определенного о ней не сказано. Второй костяк был обнаружен год спустя (сентябрь 1910 г.). Он также принадлежал взрослому субъекту — женщине в возрасте 25—30 лет — но имел гораздо худшую сохранность. Информация об этом погребении более скудная, чем о предыдущем, а фотография, сделанная в процессе расчистки, показывает только чрезвычайно сильную согнутость костей ног в коленных суставах. Чертежи отсутствуют. На общем плане место костяка также обозначено овалом, а по поводу погребения сказано, что покойник был «положен на очаг без предварительно выкопанной ямы», хотя, по сообщению Л. Бардона, присутствовавшего при вскрытии погребения: «В Ферраси заметили только небольшое углубление участка земли под двумя первыми скелетами»¹⁵.

Третий костяк, найденный уже в бесспорной могильной яме (8 августа 1912 г.), принадлежал ребенку десятилетнего возраста. Он плохо сохранился. О положении скелета или уцелевших костей ничего не говорится; фотографии и чертежи отсутствуют, на общем плане изображен контур могильной ямы, имеющий подовальную форму. Четвертый костяк был обнаружен тогда же в аналогичной яме. «Описан» и отмечен на плане таким же образом, как и предыдущий. Принадлежал новорожденному. Остатки еще одного индивидуума, оказавшегося доношенным зародышем, были, спустя почти 60 лет, выявлены Ж.-Л. Хеймом среди костей погребенного 4 (теперь обозначаются как 4а и 4б).

Погребение пятого индивидуума (зародыш 7—8 месяцев) было открыто 26 апреля 1920 г. Существует относительно подробное описание погребального сооружения, которое представляло собой могильную яму, полностью перекрытую насыпью. Поза погребенного или расположение обнаруженных в могиле костей не описаны. На схематическом изобра-

жении придонной части ямы имеется рисунок трех скребел, которые были там обнаружены лежащими плашмя и одинаково ориентированными. Фотографии и чертежи отсутствуют.

Шестое погребение, открытое 1 июня 1921 г., принадлежало ребенку в возрасте около 3 лет. Это самое знаменитое погребение в Ферраси, где череп, лишенный лицевой части и нижней челюсти, находился в той же могильной яме, но в 1,25 м от посткраниального скелета, под известняковой плитой с чашевидными углублениями. Костяк располагался в самой узкой и глубокой части ямы в скорченном положении; был ориентирован восток—запад, ногами к западу. Других подробностей не сообщается, указывается только, что прямо на костяке находились два скребла и один остроконечник. Фотографии и чертежи отсутствуют. На общем плане погребение обозначено ямкой с выступом, имеющей подовальную форму и ориентированной восток—запад. Кроме этого, опубликовано схематическое изображение самой ямы, где она уже имеет трапециевидную форму и ориентирована север—юг, и плиты в ней с указанием местоположения черепа и посткраниального скелета, но без прорисовки костей. Остатки восьмого индивидуума Ферраси были обнаружены во время раскопок А. Дельпорта в августе 1973 г., на небольшом расстоянии от погребения 5. Они принадлежали ребенку в возрасте около двух лет. В антропологическом отношении эти остатки были изучены Ж.-Л. Хеймом и частично опубликованы, а археологическая сторона открытия в печати еще широко не освещалась.

Открытиями в Ферраси как бы замыкается круг находок, очерчивающий период «Большого открытия неандертальца». А из всего вышесказанного следует, что общее состояние данных источников во многом оставляет желать лучшего, в особенности с точки зрения содержащейся в них информации, касающейся тафологической стороны вопроса. При этом данные памятники составляют 1/3 всех неандертальских погребений, которые в настоящее время считаются преднамеренными. Но чтобы не создалось впечатления, что только «старые» источники выглядят сейчас неполноценными, стоит привести несколько примеров.

1. Из десяти погребений, раскопанных Т. Мак Коуном в Схул в 1929—1930 г., только четыре почему-то удостоились графической и фотографической фиксации¹⁶.
2. Погребение в Регурду, открытое Р. Констаном в 1957 г. и сопредельный с ним «медвежий комплекс», исследованный впоследствии Е. Бонифеем, до сих пор не имеют подробных публикаций.
3. Интереснейшее погребение из Рок де Марсаль, найденное Ж. Лафилем в 1961 г., тоже пока не получило должного отражения в литературе.
4. Шестеро из девяти индивидуумов, вскрытых Р. Солецки в Шанидаре, в конце 50 — начале 60-х годов, остались, можно сказать, совершенно не зафиксированными¹⁷.
5. Остатки, вероятно, разрушенного погребения, открытого Ю. Г. Колосовым на стоянке Заскальная VI в 1972 г., все еще ожидают монографического исследования и т. д.

По иронии судьбы, число подобных примеров не бесконечно, так как в конечном счете ограничено числом известных на сегодняшний день неандертальских погребений. Это обстоятельство и привело, по-видимому, к той ужасающей неразберихе, которая создалась в литературе, представив удивительно плодородную почву для появления всяких «фантазий на тему...». Причем, искаженные до неузнаваемости описания погребений появляются и в самых солидных исследованиях, не говоря уже о научно-популярной литературе.

Так, например, объявляется, что в Тешик-Таше был обнаружен череп ребенка, а в Пеш де ль Азе — целое детское погребение, тогда как все было наоборот¹⁸.

Или сообщается, что яма погребения Ле Мустье 2 была перекрыта тремя известняковыми блоками, тогда как в действительности перекрыта соседняя с погребением яма, не содержащая человеческих остатков¹⁹.

Погребенный в Ля Шапель-о-Сен или вовсе лишается инвентаря, или снабжается (заботливыми авторами) самым что ни на есть обильным инвентарем, в том числе и пресловутой бычьей ногой, кстати, до сих пор с триумфом путешествующей из одного компилятивного сочинения в другое, а однажды даже превратившейся в целую «четверть быка»²⁰, данную покойнику в качестве напутственной пищи, и это еще не самое удивительное ее превращение, так как в другом месте ногу быка сменили его рога и т. д.

В заключение хочется отметить, что если бы с самого начала фиксация костных остатков неандертальцев и окружающей их обстановки происходила более обстоятельно, с полным представлением всех обнаруженных свидетельств, а информация, заимствованная из первоисточников не искажалась бы от издания к изданию, то, возможно, и не возникла бы проблема признания самого факта существования погребальной практики у неандертальцев или, по крайней мере, его не пришлось бы никому доказывать в течение 50 лет.

- ¹ *Fuhlrott C., Schaaffhausen H.* Correspondenzblatt des naturhistorischen Vereins der preussischen Rheinlande und Westphalens.— Verhandlungen des naturforschenden Vereins der preussischen Rheinlande. Bonn, 1857, N 14.
- ² *Koenigswald G. H. R.* Introduction.— In: Hundert Jahre Neanderthal. Utrecht, 1958, p. V.
- ³ *Плисецкий М. С.* О так называемых неандертальских погребениях.— СЭ, 1952, № 2; *Окладников А. П.* О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры.— СЭ, 1952, № 3; *Плисецкий М. С.* Еще раз о так называемых неандертальских погребениях.— Советская антропология, 1957, т. I, № 1.
- ⁴ *Fraipont J., Lohest M.* La race humaine de Néanderthal ou de Canstadt en Belgique.— Archives de Biologie. Gent, 1887, t. 7.
- ⁵ *Mortillet G., de.* Le Préhistorique. Origine et Antiquité de l'Homme. Paris, 1885.
- ⁶ *Boule M.* L'Homme fossile de la Chapelle-aux-Saints.— Annales de Paléontologie. Paris, 1911—1913, N 6—8.
- ⁷ *Martin H.* Sur un squelette humain trouvé en Charent.— Comptes Rendus hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences. Paris, 1911, t. 153.
- ⁸ *Peyrony D.* La Ferrassie.— Préhistoire. Paris, 1934, t. 3.
- ⁹ *Genovés S.* The Problem of the Sex of Certain Fossil Hominids, with Special Reference to the Neandertal Skeletons from Spy.— The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1954, vol. 84, p. I, II.
- ¹⁰ *Vallois H., Movius H.* Catalogue des Hommes Fossiles. Alger, 1952, p. 41.
- ¹¹ *Peyrony D.* Le Moustier. Ses gisements, ses industries, ses couches géologiques.— Revue anthropologique. Paris, 1930, t. 40, N 4—6.
- ¹² *Klaatsch H., Hauser O.* Homo mousteriensis Hauseri.— Archiv für Anthropologie. Braunschweig, 1909, t. 7; *Hauser O.* Le Périgord Préhistorique. Buge, 1911.
- ¹³ *Смирнов Ю. А.* Погребение в Ля Шапель-о-Сен и проблема «информационного шума» в археологии.— ВА, 1979, № 61.
- ¹⁴ *Heim J.-L.* Les Hommes Fossiles de la Ferrassie.— Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine. Paris, 1976, t. I, memoire N 35. (В 1981 г. опубликована монография А. Дельпорта.— *Delporte H.* Le grand abri de la Ferrassie, Fouilles 1969—1973.— Etudes Quaternaires, Memoire, N 7).
- ¹⁵ *Bardon L., Bouyssonie J., A.* La station moustérienne de la «Bouffia» Bonneval à la Chapelle-aux-Saints.— Anthropologie. Paris, 1913, t. 24, p. 631.
- ¹⁶ *Garrod D. A. E., Bate D. M. A.* The Stone Age of Mount Carmel. Oxford, 1937, vol. 1.
- ¹⁷ *Solecki R.* Shanidar. The First Flower People. New York, 1971.
- ¹⁸ *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1964, с. 159; *Harrold F.* A survey and formal analysis of Middle and Upper Paleolithic burials from Europe and Southwest Asia. Chicago. Illinois, 1974, p. 7.
- ¹⁹ *Heim J.-L.* Les Néanderthaliens en Périgord.— In: La Préhistoire Française. Paris, 1976, p. 582.
- ²⁰ *Goury G.* Précis d'archéologie préhistorique. Origine et évolution de l'Homme. Paris, 1927. Цит. по: *Замятин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961, с. 36.

ГЕОЛОГИЯ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА УРАЛА

Достоверные следы поселений раннего палеолита найдены пока лишь на Южном Урале, хотя находки изделий ашело-мустьерского типа известны и в его более северных областях¹.

Наиболее изученным памятником раннего палеолита Урала является стоянка Мысовая². В расщелине между скал здесь были обнаружены остатки стойбищ ашельского и мустьерского времени, залегавшие на скальном основании под слоем суглинка с двумя погребенными почвами. По геологическим данным, слой, перекрывающий стоянку, датируется не позднее 75—40 тыс. лет³.

В 1962—1968 гг. обнаружено 50 орудий раннепалеолитического облика. Древнейшие из них с одной стороны покрыты значительной патиной. Это обработанные с двух сторон проторубила-чопперы, скребла, кливеры. Другая группа орудий менее патинизирована, — типичные для раннего мустье остроконечники, скребла, проколки и др. На некоторых ашельских орудиях заметны более свежие сколы, видимо, следы подработки в эпоху мустье. Очевидно, Мысовая в палеолите заселялась дважды. Сначала в ашеле, около 200—110 тыс. лет назад? Затем (после длительного периода, в течение которого орудия лежали на поверхности и покрылись патиной), не позднее 75—40 тыс. лет назад — в мустье.

Инвентарь нижнего слоя Мысовой ближе всего раннепалеолитическим находкам Мангышлака и Западного Казахстана, происходящих с современной поверхности⁴. Это мешает точно определить время казахстанских местонахождений, хотя большинство исследователей датирует их ашелем или мустье. Лучше датированы памятники палеолита Южного Казахстана, Средней Азии, сходство с ними прослеживается отчетливо⁵.

В Предуралье раннепалеолитические орудия были найдены в 1958 г. при раскопках стоянки Айдос на р. Уфе⁶. Правда, тогда все находки с Айдоса были отнесены к неолиту. Однако они происходят из двух разновременных пунктов, расположенных на противоположных мысах оврага. На западном в обнажении 2-й надпоймы на глубине около 3 м в глине залегали бифасы и другие изделия из кремня. На восточном (первая надпойма) в гумусе располагались находки более позднего времени. Очевидно, эти пункты — остатки двух разновременных стоянок. Одна из них — палеолитическая стоянка, вторая — стоянка эпохи неолита.

В 1970 г. в Муллино на глубине около 3,5 м в глине были обнаружены изделия мустьерского облика⁷, напоминающие орудия с Айдоса и Мысовой. Таким образом, к раннему палеолиту можно отнести 3 памятника на Южном Урале.

В среднем Предуралье в 1939 г. на р. Чусовой в Пещерном Логе были найдены рубильце, скребло и два отщеп⁸. Правда, они лежали не в слое, а на поверхности, и по поводу этих находок шли споры, как и по поводу еще более северных находок — на р. Печоре⁹. В 1973 г. В. П. Денисов обследовал местонахождение у Пещерного Лога и обнаружил, что в различных местах здесь, на размытом водой пляже, встречаются кости мамонта и вместе с ними орудия типа рубил, остроконечников и скребел мустьерского облика. В 1981—1982 гг. он обнаружил еще несколько палеолитических местонахождений в Прикамье. Несколько мустьерских местонахождений открыто и на Средней Волге. О. Н. Бадер считал, что Урал был заселен раньше Европы¹⁰.

Наиболее вероятный путь первоначального заселения Урала — со стороны Казахстана и Прикаспия¹¹. Однако до сих пор было распространено мнение о том, что Урал вплоть до мезолита находился в зоне влияния сибирских культур¹². Это мнение впервые было высказано еще в 1921 г. Ж. де Морганом, писавшим, что Сибирь была с начала ледни-

кового периода отрезана от Европы Арало-Каспийским озером и ледниками, покрывавшими южнорусские степи¹³. Это мнение долгое время было общепринятым среди археологов, как советских так и зарубежных. Новейшие материалы не подтверждают мнение Ж. де Моргана об изолированности Восточной Европы в каменном веке, ибо центры оледенения располагались далеко к востоку и к западу от Урала и даже самое крупное раннелейстоценовое (окское) оледенение, спускаясь между Волгой и Доном на юг, захватывало лишь верховья Камы и Северный Урал¹⁴. Таким образом, весь Южный и большая часть Среднего Урала в это время оставались свободными от ледника. Еще меньшую площадь захватывали последующие ледники. Следовательно, большая часть Урала никогда не была занята ледником. Кроме того, трансгрессии Каспия не совпадали с оледенениями.

Позднепалеолитические памятники на Урале распространены более широко, нежели раннепалеолитические. На Южном Урале это стоянки Каповая¹⁵, Смеловская¹⁶, нижний слой Ильмурино¹⁷, Горново; на среднем — стоянка Талицкого¹⁸, Гари¹⁹, Черноозерье²⁰ (в Зауралье) и др. На севере Предуралья исследованы три позднепалеолитических стоянки. Наиболее крупная из них — Бызовая (дата по C_{14} 18320 ± 280 л. н.). Нескольким позднее поселились люди в Медвежьей пещере и других местах Припечорья²¹.

В последние годы недалеко от Пещерного Лога пермские археологи обнаружили стоянку Горная Талица с пластинчатым инвентарем (резцы, усеченные пластины, провертки и другие орудия из широких, до 2—3 см, грубоватых пластин), имеющим наибольшее сходство с поздним палеолитом и мезолитом Поволжья. Однако долговременных жилищ охотников на мамонта, которые хорошо изучены на Украине, в Молдавии и других местах, на Урале, не найдено. Может быть, это объясняется тем, что Урал в позднем палеолите был лишь местом эпизодической охоты.

Численность населения Урала особенно возросла в конце ледникового времени — в мезолите. В это время на Южный Урал проникает население из областей Восточного Прикаспия. Причиной переселения, видимо, было изменение географических условий в конце ледникового. Около 13 тыс. лет назад началось резкое повышение температуры на планете²². Это привело к довольно быстрому таянию ледника на севере, а в полуаридных областях Прикаспия, вероятно, к засухам. Уровень Каспия за счет большого испарения стал резко падать²³. Такая засуха не могла не сказаться на животных, и они в поисках пищи стали переселяться к Уралу. Все это, видимо, заставило основную часть населения Южного Прикаспия перейти к domestikации, а другую — мигрировать на север вслед за стадами животных. Вероятно, именно этим объясняется то, что около IX—XI тысячелетий до н. э. на Южном Урале появилась индустрия со своеобразными южнокаспийскими геометрическими микролитами (янгельская культура), не характерная не только для Урала, но и для всей территории Восточной Европы и совершенно неизвестная в Сибири.

В мезолите на Урале прослеживается уже четкое обособление различных культур. В Южном Зауралье — янгельская культура с геометрическими микролитами (стоянки Янгелька, Якты-Куль, Карабалыкты VII, Мурат, Суртанды VI, Кусимовская, Б. Бугодак, Мыс Безымянный, Шикаевка II, Долгий Ельник и др.)²⁴. На одной из них — Шикаевке II (правобережье р. Тобол севернее г. Курган)²⁵, на глубине 2 м были найдены остатки двух мамонтов и среди них 35 изделий из кремня, в том числе 29 орудий, идентичных янгельским и даже сделанным из южнорусской яшмы (асимметричные трапеции, треугольники и т. п.). По геологическим данным, дата Шикаевки — X—XI тысячелетия до н. э.²⁶ Таким образом, в Южном Зауралье мезолитическая янгельская культура складывалась в самом конце плейстоцена.

Мезолитические памятники в Южном Предуралье были обнаружены в конце 50-х годов (Романовка II, III, Миловка I—III и др.). В 1961 г. была найдена и позднее исследована стоянка Ильмурино в Кушнарен-

ковском р-не БАССР. Стоянки мезолита Южного Предуралья имеют хорошо выраженный культурный слой и чистый комплекс находок. Инвентарь их весьма однороден. Характерной в этом отношении является стоянка Ильмурзино. Верхний мезолитический слой стоянки Ильмурзино (перекрыт слоем ямной культуры) содержит чисто микролитические изделия, изготовленные, как правило, на тонких узких ножевидных пластинках. Среди них усеченные пластинки и острия, пластинки с боковыми выемками, резцы на углу сломанной пластинки, скребки, проколки, вкладыши сегментной и прямоугольной формы с притупленной спинкой и большое количество преднамеренно поделенных ножевидных пластинок, а также наконечники стрел на ножевидных пластинках с незначительной подработкой черешка и кончика острия. Инвентарь верхней части нижнего слоя несколько отличается от материалов его нижних (6—7) горизонтов. Здесь отсутствуют наконечники стрел. Наиболее характерны — микрорезцы, найден обломок гальки с прочерченным орнаментом. Материалы 6—7 горизонтов более аморфны. Правильно огранных узких пластинок здесь меньше; преобладают широкие массивные пластины с выемками, с притупленным краем и срединные резцы. Особенно характерно наличие аморфных нуклеидных кусков и небольших нуклеусов для отщепов поддисковидной формы, но есть и нуклеусы конической формы с негативами от скалывания тонких и узких ножевидных пластинок. Инвентарь стоянок Романовка II и Романовка III и других очень близок к материалам верхней части нижнего слоя Ильмурзинской стоянки, а инвентарь стоянок Старо-Мушта, Старо-Каинлыково и других близок верхнему ее слою.

Интересный инвентарь содержит мезолитический слой стоянки Муллино I, где помимо находок, аналогичных верхнему слою Ильмурзинской стоянки (но с большим количеством наконечников) найдено значительное количество изделий из кости (гарпуны, наконечники стрел, шилья, муфты из рога северного оленя и др.). Аналогичные материалы, в том числе и костяные изделия, дали стоянки у Холодного Ключа на р. Сюнь, Давлеканово на р. Деме.

Инвентарь остальных предуральских памятников также в целом микролитический. В его составе абсолютно преобладают изделия из ножевидных пластин и отсутствуют орудия с двухсторонней обработкой. Инвентарь их генетически связан с финально-палеолитическими памятниками типа нижнего слоя Ильмурзино. Геометрические микролиты отсутствуют. В эпоху развитого мезолита появляются наконечники стрел на ножевидных пластинках (верхний слой Ильмурзино, Муллино I, Давлеканово I и др.) Аналогии можно найти в памятниках мезолита Прикамья и Среднего Поволжья.

На основе последних данных по геоморфологии, стратиграфии многослойных поселений, дат по C_{14} и различий в инвентаре в мезолите Южного Урала сейчас выделяется два периода.

1. Ранний мезолит. На первом этапе которого (Сюнь II, Ильмурзино II, Романовка II, Миловка I, III, Романовка III) стоянки занимают высокие 15—20-метровые террасы, соответствующие, очевидно, позднехвалынскому времени. На втором этапе (Япрык, Михайловка) стоянки перемещаются на 12—15 м ниже, на уровень современных пойм, что позволяет их синхронизировать с Бегдашской регрессией Каспия.

2. Поздний мезолит. На первом этапе (Ильмурзино III, Сюнь I, Азопкино, Старая Мушта II, Старо-Каинлыково) стоянки вновь перемещаются на высокие 15-метровые надпоймы. В их инвентаре появляются наконечники стрел на ножевидных пластинках. Даты по C_{14} (9620 ± 50 , 9650 ± 50), полученные для этого этапа, свидетельствуют о его синхронности с Сартаской трансгрессией. На финальном этапе мезолита стоянки вновь перемещаются на поймы (Муллино I, Акбута, Деуково II). Стратиграфия, геоморфология и даты по C_{14} (8500 ± 180 , 8460 ± 130 , 8320 ± 110) позволяют синхронизировать конец мезолита со временем Мангышлакской регрессии бассейна Каспия.

Расположение всех памятников каменного века Южного Урала в бас-

сейне Каспия позволяет предполагать определенную связь перемещения стоянок с высоких на низкие террасы и наоборот с определенными изменениями палеогеографических условий. Спорово-пыльцевые анализы со стоянок в районе Романовки²⁷ и других местах²⁸ показывают, что начало мезолита совпадает с периодом относительно холодным (открытая холодная степь с редкими участками леса).

Стратиграфия мезолита соседних регионов менее выразительна, его материалы большей частью залегают здесь в песке, поэтому по поводу мезолита Прикамья было много дискуссий²⁹.

К мезолиту Прикамья относят Огурдино, Нижне-Адищевскую в устье Чусовой, Кама-Жулаповскую недалеко от города Осы и другие местонахождения³⁰. Для этих памятников характерны многочисленные микропластинки и пластинки-вкладыши с притупленным краем, скребки и резцы обычных типов. Наконечники стрел считались нехарактерными, зато встречено несколько геометрических вкладышей-трапеций. Недавно открыта чистая мезолитическая стоянка у д. Новожиловская (окраина г. Березняки) на водоразделе³¹. Орудия — резцы на углу сломанной пластинки, наконечники стрел и др. Пластинки здесь очень тонкие, узкие стороны их строго параллельны, а ширина не превышает 0,5–1,5 см. Такая техника обработки пластин характерна для южноуральского мезолита. По форме и характеру обработки инвентарь Новожиловской стоянки также мало отличим от романовско-ильмурзинского. Видимо, в Прикамье сталкивались в эпоху мезолита две группы населения — одна шла с юга Предуралья и Поволжья, а вторая с Южного Зауралья. О последнем говорит находка здесь единичных трапеций, типичных для финала янгельской культуры, которые найдены на стоянке Пеньки на Чусовой, на стоянке Огурдино и других.

Позднемезолитические памятники прикамского типа обнаружены и далеко к северу, на Вычегде и даже на Печоре³².

Большой интерес представляют остатки жилищ, обнаруженных в нижнем, мезолитическом слое Русско-Луговской и Кабы-Копринской стоянок³³.

Мезолитическая культура Печоры и Вычегды, Среднего и Нижнего Прикамья датируется обычно второй половиной мезолита. Уникальные памятники мезолита исследованы по р. Сухоне и в Восточном Прионежье³⁴. Прослеживаются некоторые связи и с мезолитом Верхнего Поволжья³⁵.

К мезолиту Среднего Зауралья относят коллекцию костяных орудий из Шигирского торфяника, однако, она была собрана еще в прошлом веке и не документирована. В последнее время, когда на Урале и в Прионежье стали открывать и исследовать достоверные памятники мезолита, датировка шигирских находок как будто бы стала подтверждаться. До недавнего времени к мезолиту относили стоянку на Голом Камне³⁶. Это очень специфичный памятник, видимо, содержащий разновременный материал. В последние годы в Среднем Зауралье обнаружена серия памятников мезолита: Крутики, Выйка, Исток, Юрьино, Сухрино, Серый Камень и др. Большинство их содержит немногочисленный инвентарь³⁷. Несколько пунктов найдено в устье р. Исток и на р. Вые. На одном из них найдено 175 кремней (вместе с обломками и отходами производства — Исток II), на втором — Исток III — 53 находки; на стоянке Выйка II — 7. Стоянка Сухрино I дала 2380 изделий. Большая часть находок невыразительна: это пластинки с ретушью, встречающиеся не только в мезолите, но и в неолите и даже в энеолите. Но есть и более выразительные орудия мезолитического типа — геометрические микролиты. Это трапеции на стоянке Крутики I, Выйка II, Полуденка II и др. Однако все эти изделия имеют явно южноуральское происхождение и даже сделаны большей частью из южноуральской яшмы. Так на стоянке Полуденка II найдены трапеции позднеянгельского типа вместе с керамикой с прочерченным орнаментом, которые характерны для раннего неолита Южного Зауралья³⁸. Поэтому трудно определить, действи-

тельно ли мезолит Среднего Зауралья автохтонен или население здесь появилось лишь в конце мезолита и в раннем неолите, в результате проникновения южноуральского населения?

Наличие многослойных поселений с четкой стратиграфией (Муллино, Давлеканово), различие в геоморфологии, стратиграфии и инвентаре позволяют выделять ряд периодов и этапов в неолите и энеолите Южного Урала. Ранненеолитические памятники на первом этапе располагаются в идентичных с позднемезолитическими геоморфологических условиях, прерывая слои последних. Даты по C_{14} показывают, (8050 ± 160), что начало неолита совпадает с концом мангышлакской регрессии. Подтверждает это и расположение поселений раннего неолита на низких современных пойменных террасах.

На втором этапе неолита поселения поднимаются на высокие надпоймы (Старая Мушта I, Карабалыкты VIII A) что, видимо, обусловлено повышением уровня вод в бассейне в период Дагестанской трансгрессии.

На следующем этапе (Березки, Муллино III) поселения вновь перемещаются на низкие, пойменные ныне, террасы. По C_{14} (7600 ± 200 , 6450 ± 80) этот этап синхронизируется с жилалдинской регрессией бассейна. В это время прослежено существенное изменение в инвентаре — поселения с гребенчатой керамикой перемещаются в лесную зону, в лесостепи появляется воротничковая керамика. На четвертом этапе (Давлеканово III, Бельская II, Усть-Юрюзанская и др.) поселения вновь поднимаются на высокие надпоймы, что позволяет синхронизировать время их существования с гоусанской трансгрессией. В конце энеолита, поселения вновь опускаются в современные поймы (Муллино IV, Бачки тау II Б), что позволяет отнести их ко времени последней махачкалинской регрессии.

Корреляция данных геологии, геоморфологии, стратиграфии, маринапалитологии с данными археологии позволяет уточнить датировку как памятников археологии, так и определенных периодов голоцена.

¹ Бадер О. Н. Древнейшее заселение Северной Европы человеком в свете новейших данных.— КСИА, 1971, вып. 126.

² Матюшин Г. Н. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты.— КСИА, 1973, вып. 135.

³ Цейтлин С. М. К геологии палеолитической стоянки Урта—Тюбе (Мысовая) в Восточной Башкирии.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

⁴ Медоев А. Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982.

⁵ Ранов В. А., Додонов А. Е. Периодизация и хронология палеолита Южного Таджикистана.— В кн.: Международный симпозиум по проблеме «Границы неогена и четвертичной системы». М., 1977; Аллысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979; Окладников А. П. Исследование пещеры Тепик-Таш.— Труды Узб. ФАН СССР, серия I, 1940.

⁶ Матюшин Г. Н. Памятники каменного века на территории БАССР.— В кн.: Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

⁷ Матюшин Г. Н., Шокуров А. П. Работы на р. Ик в Предуралье.— АО 1976 г. М., 1977; Шокуров А. П., Киктенко С. И. Стоянка Муллино 2.— В кн.: К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1978.

⁸ Талицкий М. В. Палеолитическая сто-

янка «Пещерный лог».— КСИИМК, 1946, вып. XII.

⁹ Гуслицер И. Б. О недостоверности некоторых местонахождений палеолита и ископаемой фауны на территории Коми АССР.— БКПИЧП, 1976, № 46.

¹⁰ Бадер О. Н. Древнейшее заселение...

¹¹ Матюшин Г. Н. Некоторые вопросы первоначального заселения Урала и Сибири.— КСИА, 1979, вып. 157.

¹² Матюшин Г. Н. О «сибирском» характере палеолита Урала.— В кн.: Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1982.

¹³ Морган Ж. де. Доисторическое человечество. М.; Л., 1926.

¹⁴ Возраст и распространение максимального оледенения Восточной Европы. М., 1981.

¹⁵ Бадер О. Н. Каповая пещера. М., 1965.

¹⁶ Бадер О. Н. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала.— МИА, 1971, 173.

¹⁷ Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.

¹⁸ Талицкий М. В. Островская палеолитическая стоянка близ Перми.— КСИИМК, 1940, вып. IV; Он же. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой.— БКПИЧП, 1940, № 6, 7.

¹⁹ Сериков Ю. Б., Арефьев В. А. Работы на территории Зауралья.— АО 1973 г. М., 1974.

²⁰ Генинг В. Ф., Петрин В. Т., Косинская Л. Л. Первые поселения эпохи позд-

- него палеолита в Западной Сибири.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 5; *Петрин В. Т.* Раскопки подпалеолитической стоянки Черноозерье на Среднем Иртыше.— Из истории Сибири. Томск, 1974, вып. 15.
- ²¹ *Канивец В. И.* Палеолит крайнего Северо-Востока Европы. М., 1976.
- ²² *Матюшин Г. Н.* Динамика гидросети бассейна Каспия по археологическим данным и ее взаимосвязь с колебаниями уровня других крупных водоемов.— КУ, 1980.
- ²³ *Леонтьев С. К., Малов Е. Г., Рычагов Г. И.* Геоморфология берегов и дна Каспийского моря. М., 1977; *Варущенко С. И., Клиге Р. К.* Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене — голоцене.— КУ, 1980.
- ²⁴ *Матюшин Г. Н.* Мезолит...
- ²⁵ *Петрин В. Т., Смирнов Н. Г.* Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола.— ВАУ, 1975, вып. 13.
- ²⁶ *Пейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М., 1979.
- ²⁷ *Якимович В. Л.* Стратиграфия плейстоцена Предуралья. Корреляция плиоценовых и плейстоценовых отложений Волго-Уральской области.— В кн.: Плиоцен и плейстоцен Волго-Уральской области. М., 1981.
- ²⁸ *Матюшин Г. Н., Немцова В. К., Якимович В. Л.* Хронология и периодизация мезолита, а также более молодых культур Предуралья, Южного Урала и Нижнего Прикамья.— В кн.: Актуальные вопросы современной геохронологии. М., 1976.
- ²⁹ *Брюсов А. Я.* Мезолитическая неурядица.— В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962; *Крайнов Д. А., Брюсов А. Я.* Проблема северного мезолита.— В кн.: Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. М., 1961, т. I.
- ³⁰ *Бадер О. Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита.— МИА, 1966, 126.
- ³¹ *Мельничук А. Ф.* Разведки в Соликамском районе Пермской области.— АО 1977 г. М., 1978.
- ³² *Буров Г. М.* Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде.— СА, 1961, № 1.
- ³³ *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- ³⁴ *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
- ³⁵ *Кольцов Л. В.* Локальные группы Волго-Окского мезолита.— КСИА, 1973, вып. 137.
- ³⁶ *Раушенбах В. М.* Мастерская каменных орудий на Голом камне под Нижним Тагиллом.— СА, 1962, № 2.
- ³⁷ *Сериков Ю. Б.* Мезолит Среднего Зауралья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983; *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.
- ³⁸ *Матюшин Г. Н.* К вопросу о раннем неолите Урала.— КСИА, 1975, вып. 141; *Он же.* Раннеолитическая стоянка Карабалыкты VIII А (Урта — Тюбе).— КСИА, 1973, вып. 137.

З. А. АБРАМОВА

МУСТЬЕРСКИЙ ГРОТ В ХАКАСИИ

Проблема сибирского мустье, поставленная лишь в последние годы, еще далека от своего разрешения. Усть-Канская пещера на Алтае — первый памятник, фаунистические остатки и каменный инвентарь которого существенно отличались от материалов широко изученных в Сибири стоянок позднего палеолита — не получила достаточно четкого определения возраста от своего исследователя. Было упомянуто, что ее «...можно датировать теплой фазой, предшествующей последнему оледенению Алтая — верхним плейстоценом»¹. В дальнейшем, детальный анализ позволил отнести каменный инвентарь Усть-Канской к мустье леваллуазской фации². Открытие на Алтае пещер Страшной и Денисовой с леваллуа-мустьерским инвентарем подтвердило гипотезу о заселении Алтая в мустьерскую эпоху³.

К той же эпохе и той же фации могут быть отнесены и переотложенные материалы на р. Урсул в Горном Алтае⁴ и подъемные материалы того же, а может быть, и более древнего возраста в Туэктинской долине на той же реке⁵ и в Туве, в долине р. Саглы в системе хребта Западный Танну-Ола и других пунктах⁶. Для полноты картины следует упомянуть единичные находки, возможно, мустьерских пластин у ст. Бобково⁷, у пос. Борцовка⁸, сборы на террасах р. Катунь⁹ на Алтае; находки древней фауны и леваллуазских по облику пластин в гроте Проскуракова в северо-западной Хакасии¹⁰. Все перечисленные памят-

ники относятся к горам Алтая, Кузнецкого Ала-Тау, Западного Танну-Ола, входящим в Алтай-Саянскую горную область Южной Сибири.

Второй областью распространения раннего палеолита в Сибири является Приангарье, где на высоких террасах открыты многочисленные местонахождения архайчного каменного инвентаря, среди которого выделяются материалы с чертами леваллуазской техники обработки¹¹.

На фоне всех известных до сих пор мустьерских памятников региона значение открытого в Хакасии грота Двуглазка трудно переоценить. Оно заключается прежде всего в том, что отложения грота четко стратифицированы и содержат материалы разных подразделений каменного века: мезолита, позднего палеолита, мустье. Далее, это первый в Минусинской котловине памятник, давший серийные материалы мустьерской эпохи, полностью отличные от всесторонне изученного на берегах Енисея позднего палеолита, который исследуется без малого 100 лет и который по всей совокупности данных, включающих и радиоуглеродные даты, относится за немногими исключениями, ко второй половине сартанского оледенения. Различия прослеживаются не только в кремневом инвентаре, но и в комплексе фаунистических остатков. Наконец, древность материалов, происходящих из нижних слоев грота, позволяет отнести заселение долины Енисея к значительно более раннему времени, чем предполагалось до его открытия в 1974 г. Палеолитическим отрядом Красноярской экспедиции и исследования в 1975, 1978 и 1979 годах¹².

Грот Двуглазка (рис. 1) находится недалеко от д. Толчей Боградского р-на Хакасской АО, в известняковом массиве, входящем в систему Азыртальских гор — южной оконечности Батеневского кряжа. Грот открыт на юг, в сухой узкий лог с крутыми скальными бортами, выходящий в долину р. Толчей, притока р. Кокса — левого притока Енисея. С юга долина речки, которая хорошо просматривается из грота, ограничена другим известняковым массивом с Бородинской и другими пещерами.

Грот расположен примерно в 0,5–0,6 км от русла речки на высоте около 50 м над уровнем воды. Подъем по логу плавный постепенный. Скальный выход, в котором находится грот, ограничен с запада и востока неглубокими ложбинами, заглаженными водными потоками, текущими с вершин хребта во время дождей. Именно в месте расположения грота лог круто поворачивает к востоку, площадка перед гротом имеет относительно небольшие размеры (15×25 м). Она ограждена с юга выступом скалы и довольно круто падает к этому выступу, вдоль которого в древности, видимо, протекал ручей. Свое название грот получил от двух круглых отверстий, расположенных у потолка в восточной стенке. Через них в дождливую погоду в грот проникает вода, которая в древности промыла все отложения в восточной части грота.

Полость грота имеет длину 15 м от северной стенки до капельной линии и ширину в различных местах от 7 до 10 м. Эти промеры не включают две скальные ниши, полностью лишенные рыхлых отложений и расположенные первая размерами 3×4, в северо-западном углу полос-

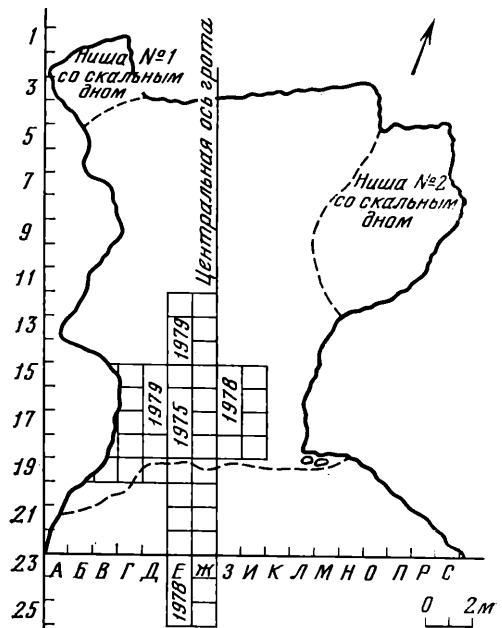

Рис. 1. План грота Двуглазка

ти, где имеется лаз на неширокий карниз у потолка грота, вторая, размерами 6×9 м, в восточной части грота, под отверстиями. Высота грота над уровнем современного пола также различна: под нависающим козырьком — 6 м, в центре грота — 7,5 м, у северной, дальней стенки от 3 до 1 м. Размеры входа 7×6 м.

В 1975 г. в привходной части грота вдоль центральной оси был заложен раскоп площадью 4×2 м таким образом, что центральная ось стала восточной стенкой раскопа, а в северную часть вписался шурф размерами 1×1 м, заложённый с разведочной целью в 1974 г. и пройденный до глубины 1,5 м до первой находки каменного отщепца. Согласно направлению центральной оси раскоп ориентирован с юго-юго-востока на север-северо-запад.

В 1978 г. раскоп был продолжен к югу за пределы грота. Площадь его 7×2 м. С целью выявления поперечного разреза была заложена прирезка к раскопу 1975 г. с востока площадью 4×2 м, но она оказалась непосредственным продолжением скальной ниши № 2: после снятия гумуса обнаружилось, что под тонким слоем щебенки лежит скальное дно, спускающееся к юго-западу.

В 1979 г. для завершения поперечного разреза (рис. 2) заложена прирезка с запада к раскопу 1975 г. до западной стенки грота, площадью 5×2 м; для продолжения продольного разреза — прирезка к северу от раскопа 1975 г., площадью 3×2 м. Таким образом, прирезки вписались в общую сетку квадратов, разбитую в 1975 г. и маркированную на стенках грота. Общая, раскопанная за три года площадь равна 38 кв. м, длина продольного разреза 14 м, из них семь внутри грота и семь за его пределами (рис. 1).

Стратиграфия отдельных участков грота, даже в пределах одного раскопа, различна; так, значительно отличаются друг от друга западная и восточная стенки раскопа вдоль продольной оси. В описании стратиграфии использованы уточнения геолога В. М. Муратова, посетившего грот после раскопок 1975 г.

Поперечный разрез грота (по линии границы квадратов 14—15) (рис. 2).

1. Современный слой: (плотный кизяк) (10—0,15 м); щебнистый горизонт, прерывистый, прослеживается местами, особенно выраженный в западной части, где представлены и крупные угловатые камни; в центральной части — крупные ходы грызунов и обрывки красновато-бурого суглинка, проникающие в нижележащий слой. Мощность до 0,30 м.

2. Суглинок желтый с розоватым оттенком, насыщенный щебенкой известняка средних и мелких размеров. Крупные блоки концентрируются в верхней части слоя на границе кв. Г—Д и в его нижней части. В средней части содержится мощная углистая линза со щебенкой, падающая в восточном направлении. На кв. Е и Ж слой прорезан ходами грызунов с темным пылеватым заполнением. Включения щебенки редки. Мощность слоя 0,20—0,70 м. С этим слоем связана линза находок мезолитического времени.

3. Слой щебнистый, состоящий из суглинка того же литологического состава, но цвет приобретает буроватый оттенок. Преобладает мелкая плоская щебенка и почти не встречаются крупные и средние обломки. Представлен в виде линзы в центральной части разреза протяжением 1,2 м и мощностью 0,20—0,30 м. Слой содержит фаунистические остатки, преимущественно кости грызунов.

4. Супесь палевая тонкозернистая с редкими зернами рыхлых карбонатов и примазками карбонатов. Содержание щебенки в ней незначительно. Лежит на одном уровне со слоем 2 в западной части разреза, перекрывается скоплением щебенки крупных размеров и подстилается у стенки грота сплошной линзой мелкой щебенки, возможно, от распавшегося скального блока. В центральной части разреза это снова мощный слой супеси, переходящий далее в мощную линзу щебенки, промытой проточными водами и примыкающей к скальному обвалу восточной стен-

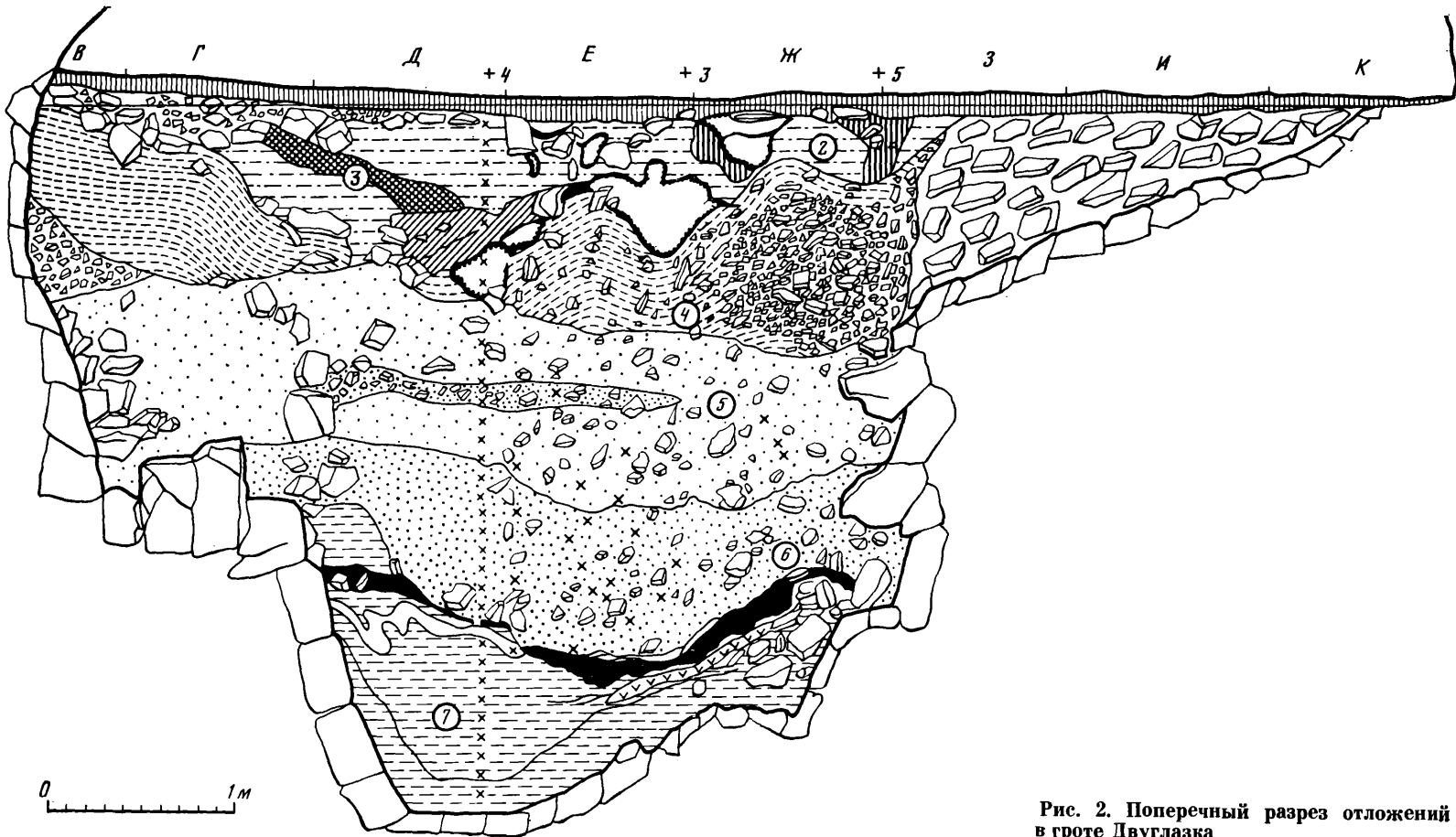

Рис. 2. Поперечный разрез отложений в гроте Двуглазка

ки грота. Мощность слоя 0,60 м. Включает обломки костей животных и позднепалеолитический инвентарь.

5. Десквамационный известняк: щебень и мелкие глыбы известняков (порядка 70% общего объема). Глыбы остроугольные со слабооглаженными гранями. Заполнитель: палево-серый легкий хрящеватый суглинок. Крупные глыбы лежат у западной стенки грота и на границе кв. Г—Д. На кв. Д этот слой разделен четко выраженной прослойкой мелкого щебня. На кв. Ж количество щебня в слое увеличивается. Водные потоки, промывая отложения, ориентировали щебенку таким образом, что отмечается субпараллельная укладка ее по плоским граням. Мощность слоя 0,80—0,90 м.

6. Десквамационный известняк с заполнителем более темного цвета, местами с красноватым оттенком. Щебенка в целом более крупная и более редкая, угловатая. Нижняя граница слоя неровная с прогибами к западу и востоку, причем сам грот здесь значительно сужается. Мощность слоя 0,80 м.

7. Глина оранжевого цвета разных оттенков с различными прослоями. В западной части у скальной стенки находится ограниченное отложение темно-оранжевой глины мощностью до 0,3 м. Оно подстилается темной углистой прослойкой, которая падает к центру грота и подстилает слой 6. Ниже, в верхней части буро-оранжевой глины, залегает белесая прослойка извилистых очертаний с затеками и карманами у западной стенки и более тонкая у восточной. В восточной части под нею лежит прослойка желтовато-бурого суглинка, в свою очередь перекрывающая розовый горизонт, представленный хрящеватым мучнистым глиноземом. Контакт резкий, волнистый. Куски этого розового материала встречаются и отдельными линзами. При расчистке дна раскопа 1979 г., расположенного непосредственно выше по склону, оказалось, что вся западная часть дна была окрашена в розовый цвет, а в северо-восточном углу выступали серые скальные блоки известняка. Можно совершенно уверенно утверждать, что еще неясное происхождение розового горизонта не было связано с обжигом. Мощность слоя 0,80 м.

Со слоями 5, 6 и 7 связаны многочисленные обломки костей животных, сильно фоссиллизованных, и каменные изделия мустьерского облика.

8. Ярко-оранжевая глина, стерильная, подстилающая буро-оранжевую глину по стенкам и дну грота. Мощность 0,20 м.

Фаунистические остатки, определенные Н. М. Ермоловой, обильны и разнообразны. Материал слоя 2 однороден по видовому составу и включает, помимо костей мелких животных и распавшихся погадок хищных птиц, в основном остатки дикого барана-аргали. В слое 3 практически отсутствуют кости крупных животных и преобладающая масса остеологического материала представлена остатками из погадок. Отчетливо выраженная роющая деятельность современных грызунов привела к смешению в слое 4 современных и более древних форм, характерных для позднего плейстоцена Сибири. Среди них отмечены кости яка, преобладают остатки аргали. Мамонт и северный олень, как и в нижележащих слоях, представлены крайне редко. Слой 5 и 6 содержат чистый комплекс, свидетельствующий об относительно теплом и сухом климате с преобладанием степных ассоциаций¹³. Наиболее многочисленны кости кулана (*Equus cf. hemionus*) и лошади (*Equus caballus*). Второе место занимает носорог (*Coelodonta cf. antiquitatis*). Много обломков костей зубра (*Bison prisus*) и аргали (*Ovis ammon*). Встречаются остатки благородного оленя (*Cervus elaphus*) и сайги (*Saiga sp.*). Из хищников преобладают остатки гиены (*Crocuta sp.*). Отмечены также лев (*Panthera sp.*), пещерный медведь (*Ursus cf. sp.*), волк (*Canis lupus*), лисица (*Vulpes cf. sp.*), росомаха (*gulo sp.*). В материале из погадок хищных птиц наибольшее число костей принадлежит молодым зайцам (*Lepus sp.*), а также мелким грызунам и птицам. В слое 7 представлен тот же видовой состав с преобладанием костей зубра. Следует отметить, что на многих костях имеются следы погрызов и не все обнаруженные кости

относятся к остаткам добычи человека. Вместе с тем выделяются различные костяные осколки со следами обработки и использования.

Продукты расщепления камня и орудия труда немногочисленны, но достаточно характерны для установления их возраста. В низах слоя 2 на глубине 1,0—1,1 м от нулевой линии на кв. Д—17, 18 обнаружена линза находок, которые можно отнести к мезолитическому времени: два обломка тонкого костяного вкладышевого орудия с двумя пазами; кремневый микронуклеус, по форме близкий к коническому; тончайшие микропластинки и мелкие отщепы. В слое 4 найдены предметы позднепалеолитического облика, почти все изготовленные из черного кремня. Наибольший интерес представляют подпризматический нуклеус, два обломка остроконечников, обломок пластины с ретушью, два скребка, три скребла из отщепов. Уникальной для позднего палеолита Енисея представляется находка рогового орудия типа лопчила с тонким резным орнаментом на выпуклой поверхности и поперечными короткими нарезками по обоим краям.

Каменный инвентарь, происходящий из нижних слоев, изготовлен преимущественно из базальта серо-зеленого цвета и, хотя встречаются отдельные предметы из цветного кремня, кварцита, известняка, кремнистого сланца, набор каменных изделий по технике обработки и типологии имеет существенные отличия от известного до сих пор на берегах Енисея. Сравнительно небольшое количество материала (около 100 предметов) не позволяет провести детальный анализ характерных черт для инвентаря каждого из слоев 5, 6 и 7. В целом, можно отметить следующие особенности. Прежде всего, обитателям грота была знакома леваллуазская техника, которая проявляется в серии треугольных леваллуазских остроконечников (слои 5 и 6) с фасетированными ударными площадками и более или менее обработанными краями. Имеется типичный леваллуазский нуклеус для пластин, двуплощадочный, двусторонний со следами продольно-поперечных снятий. В низах слоя 6 обнаружена серия крупных дисковидных нуклеусов одностороннего и двустороннего скалывания. Найдены массивные отщепы с двугранными площадками, единичные скребла из массивных отщепов со слабо обработанными лезвиями. Достаточно хорошо представлены зубчато-выемчатые орудия, преимущественно на грубых пластинах. Весь облик инвентаря и отсутствие позднепалеолитических форм позволяют определить инвентарь слоев 5—7 как мустьерский леваллуазской фации.

Расположение грота было необычайно удобным для его заселения: он обширный и сухой, открыт на юг и хорошо прогревается солнцем, площадка перед гротом защищена скальным выступом, непосредственная близость воды и долины, где могли пастись стада непарнокопытных, близость горного массива, где обитали аргали. Мустьерские обитатели грота, по-видимому, испытывали лишь недостаток в камне, что также, возможно, является подтверждением древности заселения: еще не были доступны галечные отмели на Енисее, широко используемые позднепалеолитическими людьми, не имевшими дела с серо-зеленым базальтом, который мустьерцы могли собирать в выходах конгломератов. В какой-то мере недостаток камня могли компенсировать расколотые кости.

Необходимость дальнейшего всестороннего полевого и лабораторного исследования грота Двуглазка для освещения природной среды и культуры древнейшего прошлого края очевидна.

¹ Руденко С. И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка.— МИА, 1960, № 79, с. 125.

² Анисюткин Н. К., Астахов С. Н. К вопросу о древнейших памятниках Алтая.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.

³ Окладников А. П., Муратов В. М., Оводов Н. Д., Фриденберг Э. О. Пещера

Страшная — новый памятник палеолита Алтая.— В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, ч. II; Окладников А. П., Оводов Н. Д. Палеолитическая стоянка в Денисовой пещере на Алтае.— АО 1977 г. М., 1978.

⁴ Шуньков М. В. Исследование палеоли-

тических местонахождений в Горном Алтае.— АО 1978 г. М., 1979.

- ⁵ Крылова А. А., Павлюченко И. М. Орудия каменного века в Горном Алтае.— КСИА, 1962, вып. 92.
- ⁶ Астахов С. Н. Предварительные итоги изучения каменного века Тувы.— Учен. зап. Тувинского НИИЯЛИ, 1971, вып. XV.
- ⁷ Окладников А. П., Адаменко О. М. Первая находка леваллуа-мустьерской пластины в среднелейстоценовых отложениях Сибири.— В кн.: Четвертичный период в Сибири. М., 1966; Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М., 1979.
- ⁸ Шиперович В. Я. Каменное орудие из пос. Борповки в Алтайском крае.— СА, 1962, № 2.
- ⁹ Лапшин Б. И. Разведки в долинах рек Катунь и Бий.— АО 1976 г. М., 1977.
- ¹⁰ Окладников А. П., Оводов Н. Д., Рыба-

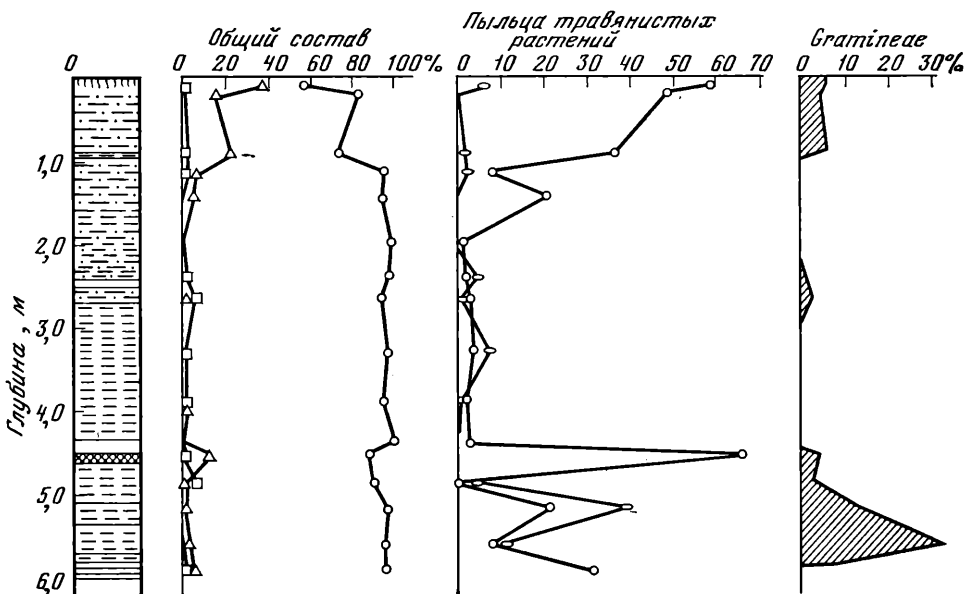
ков С. А. Грот Проскуракова — новая палеолитическая стоянка в Хакасии.— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1975, № 44.

- ¹¹ Медведев Г. И. Местонахождения раннего палеолита в Южном Приангарье.— В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1975, вып. 3.
- ¹² В исследовании грота в разные годы принимали участие геологи В. М. Муратов и С. М. Цейтлин, палинолог В. Г. Кольцова, палеозоолог Н. М. Ермолова, сотрудник Лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР Ю. Н. Марков, археологи Б. Г. Ерицын, Н. Ф. Лисицын, С. А. Васильев, Т. Ю. Гречкина и др.
- ¹³ Ермолова Н. М. Работы лаборатории археологической технологии на юге Сибири.— АО 1979 г. М., 1980, с. 207.

С. А. САФАРОВА

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ОБИТАНИЯ ЛЮДЕЙ В ПАЛЕОЛИТЕ В МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ (ПО ДАННЫМ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА)

В работе представлены результаты спорово-пыльцевых анализов образцов из культурных слоев ряда палеолитических стоянок Минусинской котловины. В частности, образцы почв, взятые вблизи грота Проскуракова, который расположен на правом берегу р. Белый Июс, выше с. Ефремкино. На этом участке отроги Кузнецкого Алатау с двух сторон сжимают долину реки. Северные и западные склоны гор покрыты древесной растительностью (сосна, лиственница, кедр, березняк), южные

склоны — степной травянистой растительностью. В отвесах гор имеются пещеры и гроты. Входное отверстие грота Проскураякова обращено на юг, возвышаясь от воды на 6—7 м и имеет треугольную форму (высота 3,5 м, ширина у основания 4,2 м). В гроте, как отмечают А. П. Окладников, Н. Д. Оводов¹, были найдены несколько мустьерских пластин и большое количество остатков млекопитающих, как степных, так и таежных видов, в том числе и остатки яков. Из видов тяготеющих к степным луговым участкам, по определению А. П. Окладникова и Н. Д. Оводов, выделяются лошадь, бизон. По фаунистическому материалу наиболее близкими аналогами грота Проскураякова могут быть палеолитические стоянки левобережья Енисея: Афонтова гора I—III близ Красноярска и расположенная в 150 км южнее их группа Кокоревских стоянок, радиоуглеродный возраст которых колеблется в пределах 13—20 тыс. лет. Проанализированные нами образцы показали, что за время формирования отложений II н/п террасы р. Белый Июс (рис. 1), ниже грота Проскураякова, в окружающем ландшафте преобладала травянистая растительность (50—70%); древесные были представлены сосной, елью, березой и образовывали редкие незначительные колки. Из спор преобладали зеленые мхи и папоротники. Среди трав выделялись сложноцветные, злаки, полыни, осочки. Это типичная перигляциальная растительность. Климат был крайне суровым, холодным и засушливым. Окружающая грот Проскураякова ландшафтная обстановка очень сходна, в палинологическом отношении, с отложениями второй надпойменной террасы р. Енисей в окрестностях с. Кокорево (рис. 2),

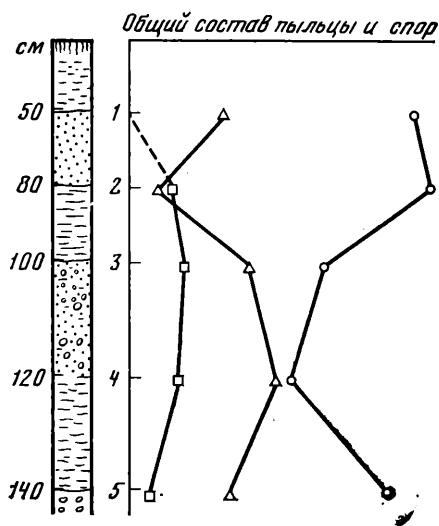

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений II надпойменной террасы р. Б. Июс (в 300 м ниже грота Проскураякова)

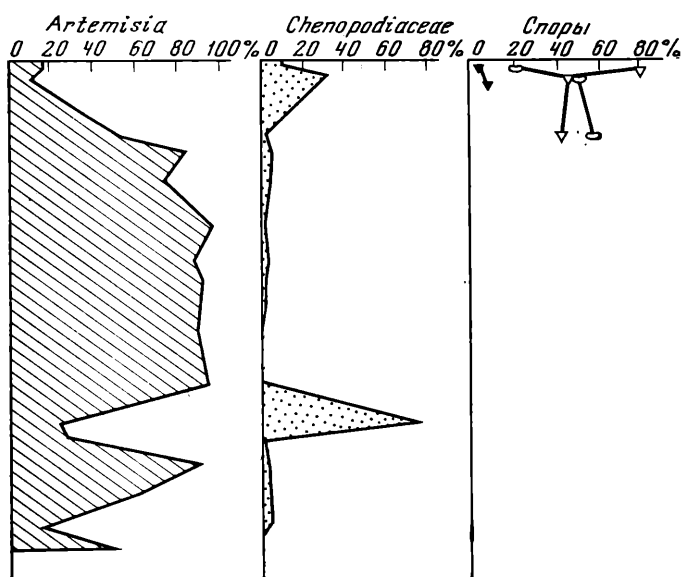

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений II надпойменной террасы Енисея у с. Кокорево (Тележный лог)

1 — дерновый горизонт; 2 — суглинок; 3 — супесь; 4 — песок; 5 — глина; 6 — галька; 7 — торф; 8 — культурный горизонт. Состав пыльцы: 9 — сумма пыльцы древесных пород; 10 — сумма пыльцы травянистых растений; 11 — сумма спор; 12 — сосна; 13 — кедр; 14 — береза; 15 — лиственница; 16 — ива; 17 — ель; 18 — пихта; 19 — злаки; 20 — осока; 21 — полынь; 22 — маревые; 23 — разнотравье; 24 — зеленые мхи; 25 — сфагновые мхи; 26 — папоротниковые; 27 — плауновые; 28 — хвощевые

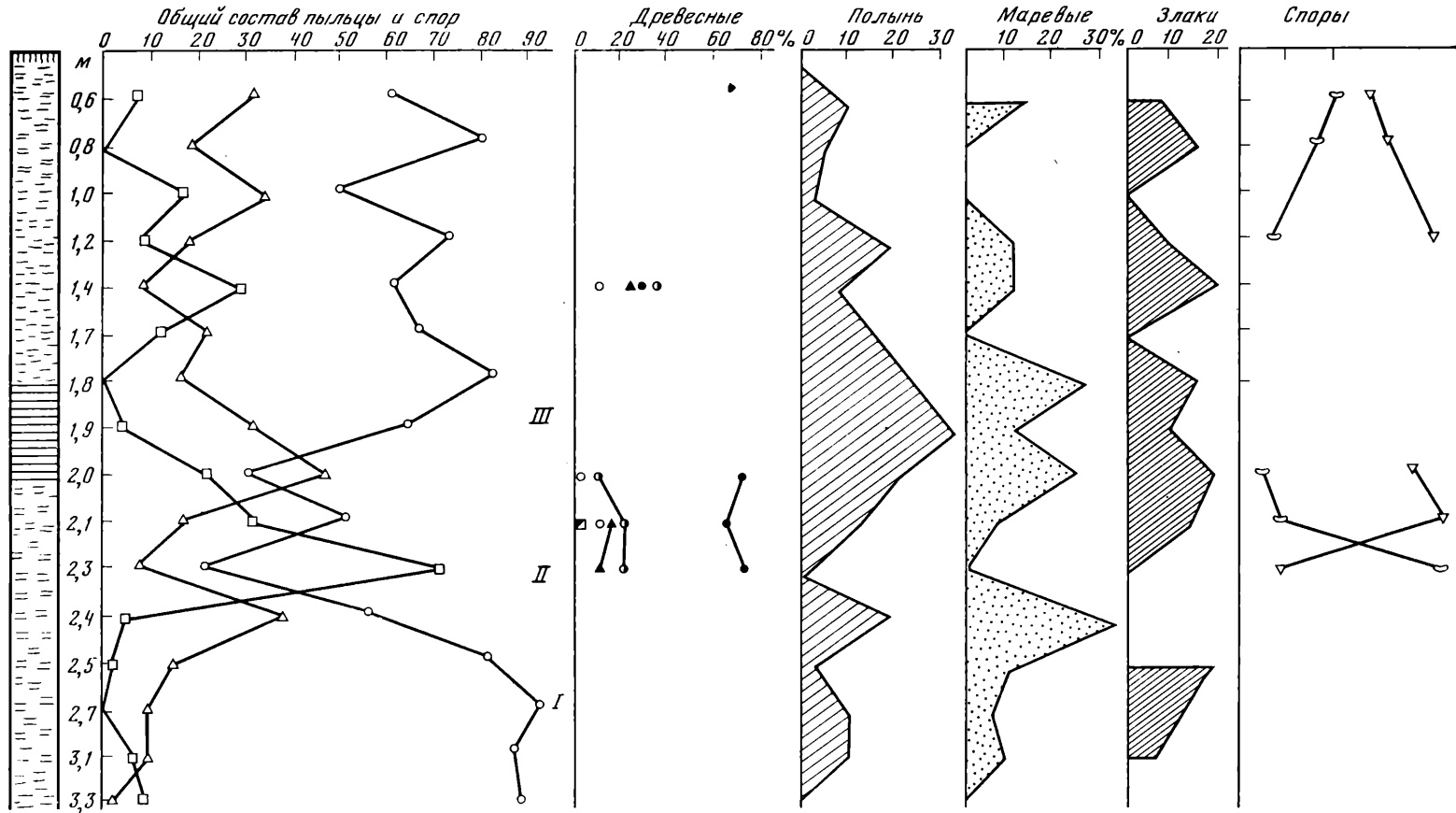

Рис. 3. Спорно-пыльцевая диаграмма сыйской палеолитической стоянки (р. М. Сья)

отличаясь более ярко выраженной бедностью пыльцы и спор. По-видимому, стоянка грота Проскуракова может быть положительно датирована сартанским веком и приходится на тот же период, что и стоянка Кокорево II («Тележный лог»), а также стоянка Малая Сья. Изучаемый разрез (рис. 3) был вскрыт на глубину до 3,4 м. На глубине 1,7–2,1 м отмечается культурный горизонт. Отложения представлены в основном суглинками, лишь на глубине 2,1 м залегает иловая глина. По данным спорово-пыльцевого анализа можно выделить три этапа формирования данных отложений.

За время формирования террасы в окружающей местности происходили значительные изменения, что нашло отражение в смене растительных ландшафтов. Выделяются следующие этапы.

1. Нижний перигляциальный этап (глубина 3,3–2,3 м), отличающийся безлесием и преобладанием спектра холодной злаково-полюнной степи с участием сложноцветных, гвоздичных и других. Отложения суглинок формировались при совместном влиянии делювиальных, солифлюкционных и эоловых процессов. Предположительное время этих отложений — зырянская эпоха.

2. Мощность отложений 2,3–2,0 м — межледниковый интервал (предположительно — каргинский) отражает фазу становления темно-хвойнотаежного пояса в горном обрамлении. Однако здесь имели место перерывы, связанные со сносом части отложений на контакте иловой глины с залегающими сверху и снизу суглинками. Состав древесных представлен от 22 до 71% с преобладанием сосны, кедра, пихты, лиственницы.

3. Мощность отложений 2,7–1,7 м, культурный горизонт — средний перигляциальный этап, относится к сартанскому времени, характерен обезлесением горного обрамления и распространением по низкогорью полыно-злаковой степи. Связанные с поселением человека вторжения рудеральной (сорной) растительности нашли отражение в увеличении до 20–66% полыни, маревых, главным образом — мари белой (12–26%) и гречишных (до 12–22%). Этот период совпадает по времени с фазой холодной злаково-полюнной степи и холодной межгорной полупустыни, установленной по палинологическим данным стоянки Кокорево II («Тележный лог»²). Представленные отложения лессовидного суглинка имеют преимущественно эоловое происхождение (приледниковые наносы пыли). По-видимому, стоянка была сезонной (летней) и не очень длительной. Возможно, она дополняла смежные пещерные поселения человека.

4. Мощность отложений 1,4–0,6 м, выше культурного горизонта, верхний перигляциальный этап, отличается от предшествующего снижением роли рудеральной растительности. Среди трав многочисленное разнотравье — злаки, осоки, бобовые, сложноцветные.

Все вышесказанное приводит к следующим выводам относительно климата и ландшафтных условий обитания человека в это время.

В период сартанского оледенения ледники вытеснили из обрамления лесные сообщества и сопутствовавший им животный мир. В то же время с севера, уходя от похолодания в Минусинскую котловину, переместились крупные стадные млекопитающие — мамонты и другие. Як, который обитал на границе льда и высокогорных лугов, под влиянием оледенения был вынужден спуститься до границ низкогорья (это не значит, что он сменил экологическую нишу, она по сути осталась прежней, но снизилось ее положение в рельефе).

В условиях оледенения в горном обрамлении в степной части котловины сохранялись стада степных животных (сайгак и другие), хотя их поголовье безусловно все более уменьшалось. В результате в котловине скопились массы животных, что привлекло в этот край палеолитического человека, расселившегося по речным берегам. По-видимому, в межгорно-котловинном ландшафте сформировались типы зимних и летних стоянок, более или менее постоянных, связанных с сезонными изменениями климатических условий и миграциями животных. Поскольку пути этих

миграций в котловине были короткими, это способствовало формированию полукочевого образа жизни. Эта традиция, диктуемая ландшафтными особенностями межгорных котловин Южной Сибири, сохранилась и сейчас в укладе Хакасского населения, у которого зимняя жизнь в избах сочетается с кочевьем в горах.

¹ Образцы были представлены Н. Д. Оводовым. *Окладников А. П., Оводов Н. Д., Рыбаков С. А.* Грот Проскуракова — новая палеолитическая стоянка в Хакасии. — БКИЧП. М., 1975, № 44.

² Сафарова С. А. Восстановление ландшафтных условий обитания древнего человека. Палинология голоцена и маринопалинология. — В кн.: Тр. III Международной палинологической конференции. М., 1973.

М. Р. КАСЫМОВ,
Г. Ф. ТЕТЮХИН, М. Х. ГОДИН, Д. И. ХУСАНБАЕВ

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ИССЛЕДОВАНИИ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК В УЗБЕКИСТАНЕ

Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак расположена вокруг одноименного родника на правом берегу Джарсая — левого притока Кызылалмасая, являющегося правым берегом р. Ахонгарон на юго-восточных склонах Чаткальского хребта Ташкентской области Узбекской ССР¹. Она комплексно изучается с 1963 г. по настоящее время при участии специалистов четвертичной геологии, геоморфологии, палеогеографии, палеонтологии, литологии, почвоведения и др. В течение 15 лет стационарных работ вскрыто более 500 кв. м, определена стратиграфия памятника и на разных глубинах раскопов и шурфа — 3 (1967—1980 гг.), выявлено 29 культурных слоев, относящихся к позднеашельскому, мустьерскому и позднепалеолитическому периодам эпохи палеолита (рис. 1).

Позднеашельские культурные слои (XVII—XXIV) расположены на глубине от 14,50 до 12,75 м шурфа — 3, в промежуточных сероцветных отложениях верхов нижнеташкентского цикла. По определению Т. Худайбердыева, слои характеризуются наличием остатков костей архара, лошади и многочисленных очень мелких обломков древесного угля, а также каменных изделий. Несмотря на то, что эти слои вскрыты всего лишь на площади 1×1,25 м каждый, они дали более 600 предметов. Весь комплекс индустрий из четырех культурных слоев совершенно не окатан и местами изделия имеют глубокую патину, которая характерна для непо потревоженных слоев. Среди них представлены массивные дисковидные, одно- двухплощадочные нуклеусы в различной стадии сработанности, грубые крупные орудия, скребла, пластины, выемчатые и зубчатые орудия. Для этого комплекса характерно также наличие изделий, изготовленных на более мелких, порой миниатюрных отщепах. Следовательно, каменные изделия четырех позднеашельских слоев Кульбулака обладают рядом специфических особенностей, характерных для зубчатых и тейякских комплексов². Однако в них прослеживаются некоторые элементы левалдуазской техники, связанные с более развитыми приемами первичной обработки³, и не свойственные для синхронных памятников Таджикистана⁴ и Южного Казахстана⁵. Основные черты типологии рассматриваемых индустрий близки к ашельским памятникам Чакмаклы в Азербайджане⁶, Латамна на Ближнем Востоке⁷ и т. д.

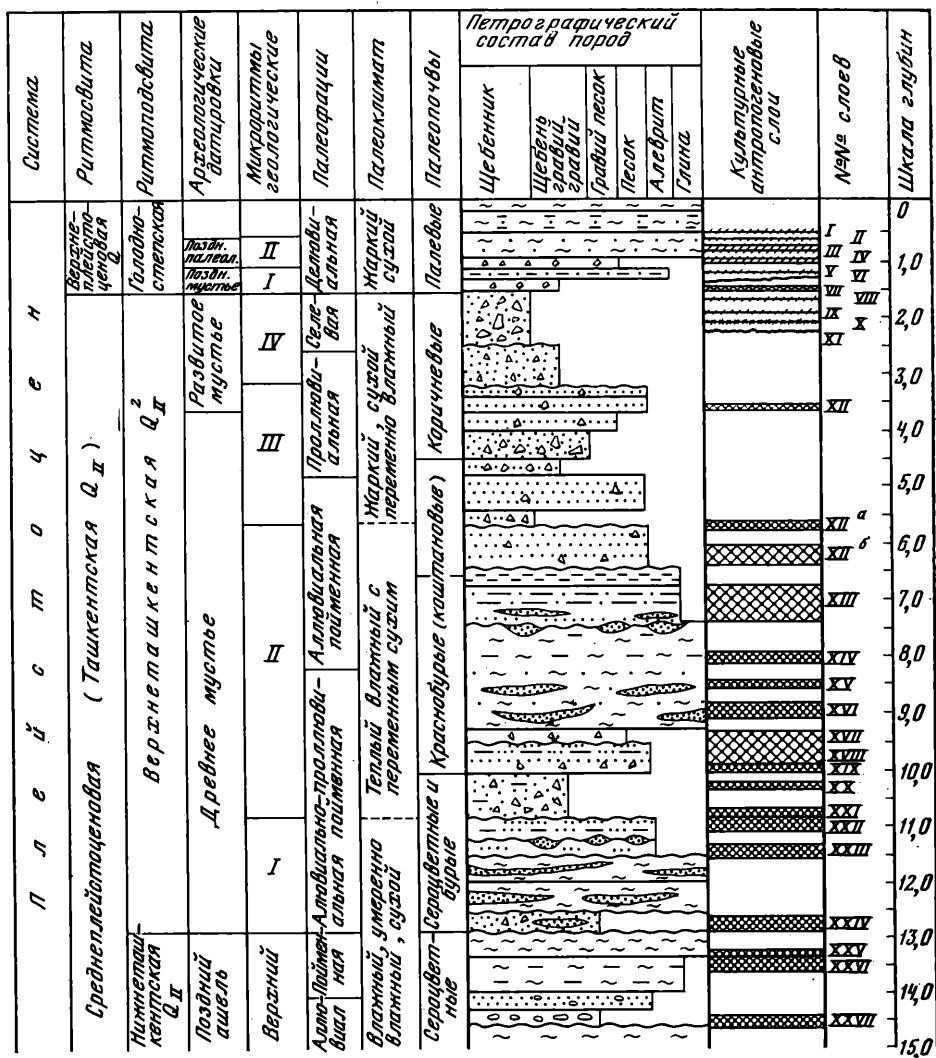

Рис. 1. Ритмостратиграфическая и историко-археологическая схема многослойной палеолитической стоянки Кульбулак. Составили М. Х. Годин, М. Р. Касымов, Д. И. Хусанбаев

Древнемустьерские культурные слои (XXIII—XIII и XII, а, б) расположены выше позднеашельских слоев на глубине от 12,75 м от шурфа 3. Эти 13 культурных слоев вмещены в толще сероцветных, бурых и краснобурых отложений нижней части верхнеташкентского цикла, притом часто в их промежутках (рис. 1). В двух из этих древнемустьерских культурных слоев обнаружены остатки костей ископаемых животных и очень мелкие куски древесного угля. Все слои вскрыты на площади 7,5 кв. м каждый. Получено около 2 тыс. каменных изделий. Для них характерны более массивные сколы, главным образом укороченные отщепы. Однако серийность типов среди них отсутствует. В ограничении преобладают системы радиального и конвергентного скальвания. Леваллуазские сколы в комплексе всех древнемустьерских культурных слоев шурфа 3 незначительны. Зато значительное место занимают грубо подправленные и фасетированные ударные площадки и т. д. В типологии индустрий древнемустьерских слоев доминирует выемчатая, мелко и крупнозубчатая обработка, которая дает картину хорошо выра-

женной выемчато-зубчатой, скребковой и тейякской системы с преобладанием последней, в различных ее разновидностях.

Все это вводит индустрию древнемустьерских культурных слоев Кульбулака в круг тейякских и выемчато-зубчатых памятников Кавказа, Крыма, Днестра и Ближнего Востока и т. д.

Культурные слои развитого мустье Кульбулака (XII—VI) расположены на глубине от 3,60 до 1,40 м в коричневых толщах. Культурные слои вскрыты раскопками больших площадей, гумусированы, характеризуются наличием (в верхних слоях) зольных пятен, остатков костей ископаемых животных и насыщены каменными изделиями. В семи слоях развитого мустье представлены несколько тысяч каменных орудий. В комплексе этих слоев представлены различные типы орудий, в том числе многосоставные орудия, характеризующиеся наличием на одной заготовке нескольких рабочих элементов, остроконечники, скребла, выемчато-зубчатые орудия, орудия с черешком, концевые скребки, микроорудия тейякского типа, что пока не характерно для других известных нам среднеазиатских палеолитических памятников (рис. 2). Характерно, что более 80% сколов использованы для оформления орудий. Леваллуазские сколы в комплексе этих слоев немногочисленны, примерно около 10%. Наличие последних придает индустрии Кульбулака своеобразие, поскольку для других памятников тейякского типа характерна техника короткого массивного отщепа. Здесь значительное место занимают фасетированные ударные площадки.

Позднемустьерские культурные слои (V—IV) расположены выше описанных, в нижней части толщи голодностепского отложения и датируются завершающим этапом мустьерского времени. Они характеризуются сильной гумусированностью, наличием очажных пятен, остатками многочисленных костей ископаемых животных и каменных изделий. Наряду с дисковидными и другими нуклеусами, пластинками, скреблами, остроконечниками мустьерского типа в комплексе индустрии появляются подпризматические атипичные нуклеусы, пластинки, концевые скребки, характерные для раннего этапа позднего палеолита.

Среди орудий можно выделить ведущие типы, которые выражаются, с одной стороны, наличием дисковидных одно- и двухплощадных нуклеусов, пластин и отщепов, с другой, — наличием многочисленных скребел, скребков, сочетающихся с различными типами лезвий, выемчато-скребущих орудий, многосоставных орудий, зубчатых и режущих орудий, а также орудий тейякского типа.

Позднепалеолитические культурные слои (III—I) находятся выше всех мустьерских слоев и на глубине 0,4—0,75 м ниже от дневной поверхности площадки стоянки. Расположены в верхней толще голодностепского отложения. Они насыщены золой, очажными пятнами и многочисленными остатками костей ископаемых животных и каменными изделиями.

В комплексе этих позднепалеолитических слоев представлены типичные для позднего палеолита призматические, конусовидные нуклеусы и соответствующие им ножевидные пластинки, концевые скребки. В комплексе встречаются также единичные дисковидные нуклеусы, зубчато-выемчатые орудия, свидетельствующие о продолжении традиции обработки орудий предыдущей эпохи в позднем палеолите Кульбулака.

Подводя итоги характеристике индустрии стоянки, отметим, что весь комплекс поселения Кульбулак является совершенно своеобразным, отличающимся от индустрии других палеолитических памятников Средней Азии и Казахстана. Все это дает ясное указание на наличие новой «кульбулакской» культуры зубчато-выемчатого и тейякского типа в Ташкентском оазисе.

Геолого-геоморфологические исследования стоянки и ее окрестностей производились системой геологических шурфов и траншей, где были вскрыты четвертичные покровы в радиусе более одного километра. Кроме того, изучен рельеф и субстрат его, представленный четвертичными отло-

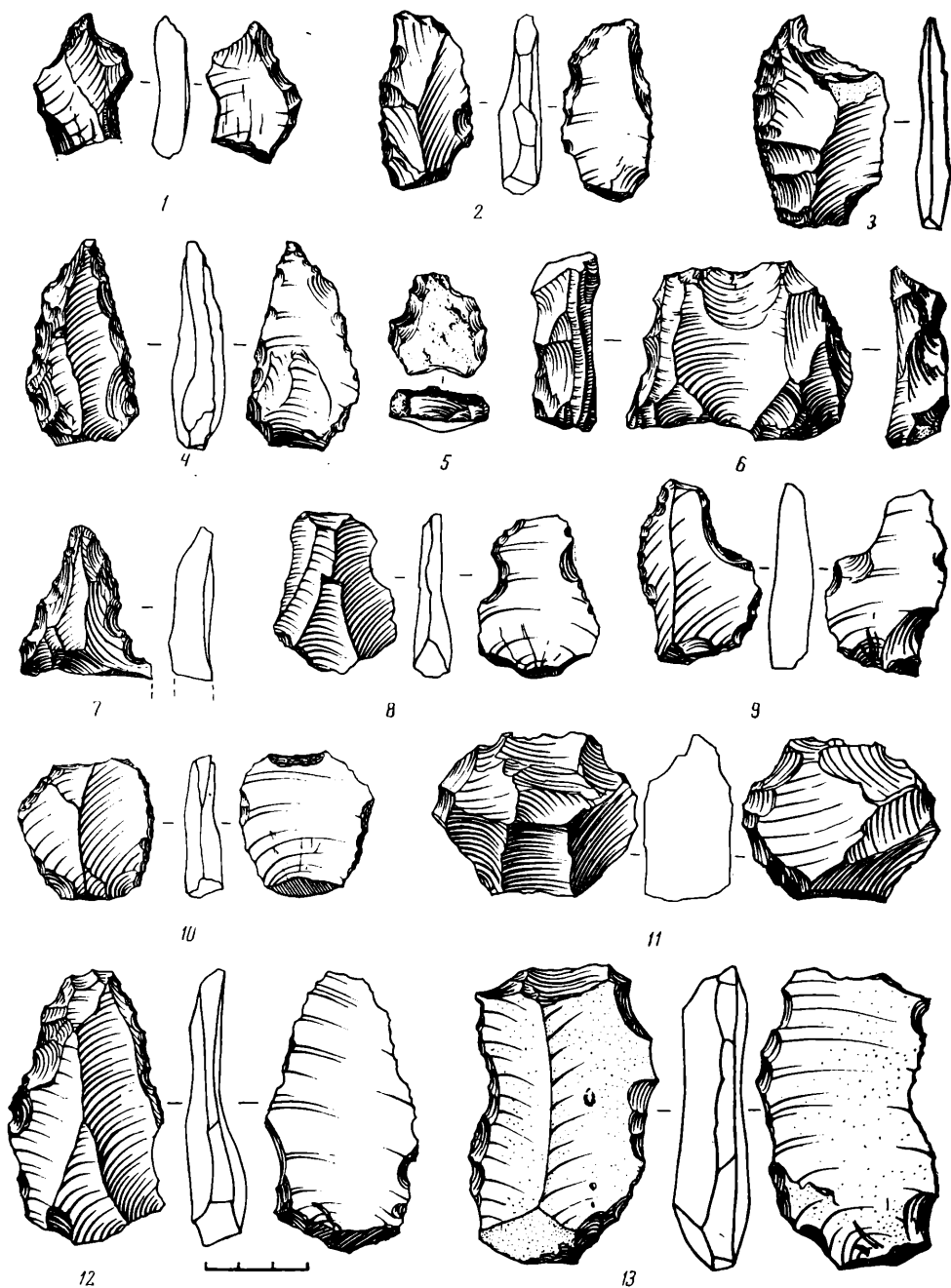

Рис. 2. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак

Каменные изделия: 2, 3, 10 — VI культурный слой; 1, 4, 8, 12 — VII к. с.; 5, 6, 7, 9, 11, 13 — VIII к. с.

жениями на площади в пределах бассейна Кызылалмасая и частично сая Карабау (правые притоки р. Ахонгарон).

Здесь четвертичные отложения, представленные породами различного генезиса, формируют серию террас. Непосредственно в районе раскопа наиболее древней является раннеташкентская (начало среднего плейстоцена), венчающая водоразделы системы Кызылалмасая. Самые молодые формы рельефа — голоценовые: пойма и две первые надпойменные террасы образуют наиболее низкий этап рельефа.

По склонам саев и по выходе их в долину Ахонгарона вдоль ее русла возвышаются фрагменты плоской поверхности, голодностепской террасы (верхнеплейстоценовой).

Центральная часть раскопа расположена на поверхности древнеголоценовой (второй надпойменной-абайской террасе) при впадении левого притока Кызылалмасая. Эрозионная поверхность этой террасы врезана в толщу голодностепского комплекса, полого наклонена на юг — в общем направлении Кызылалмасая.

Очень маломощный покров древнеголоценовых осадков представлен пролювиальными и озерными образованиями — в центре площадки стоянки вблизи родника Кульбулак. Озеро, изменяясь в размерах, иногда до небольших мочажин, существовало еще задолго до голоцена, будучи связанным с выходом грунтовых вод.

Раннесреднечетвертичный комплекс заданными шурфами (шурф — 3 1967—1980 гг. в центральной части раскопа) был вскрыт лишь в верхней части, на глубине 14,50—13,25 м. В этой толще обнаружены четыре позднеашельских горизонта, подтверждающие геологическую интерпретацию возраста — Q_{II}^1 .

Отложения второй фазы (Q_{II}^2) ташкентского комплекса представлены главным образом деллювиальными с пролювиальными осадками, содержащими в средней части участка образования, связанные с включением вод, формировавших небольшой водоем. По составу эти отложения представлены прослеживающимися отложениями лессовых пород грубообломочных осадков. Выделенные в них культурные горизонты (с VI по XXIII) на глубине от 12,75 до 1,40 м приурочены к мелкоземельным отложениям, лессовым породам со следами сильного обводнения, изобилующие ржавыми пятнами. Это образование пролювиально-озерного генезиса. Их гранулометрический состав свидетельствует об относительно слабом течении при их аккумуляции. Выявленные предметы каменной индустрии не носят следов окатанности. Следовательно, их накопление происходило на месте. Для переноса водным потоком такого размера предметов потребовалось бы скорости значительно больших, чем это происходило при транспортировке и аккумуляции вмещающих пород. Очевидно, формирование культурных слоев происходило в более продолжительные интервалы времени, характеризовавшиеся спокойным пролювиальным сносом осадков и существованием озера за счет выклинивания грунтовых вод. Не исключено, что размещение культурных горизонтов менялось в связи с изменением очертания водоема; еще более отчетливо прослеживаются подобные процессы осадконакопления и формирования культурных горизонтов, обязанных временным поселениям в террасообразованиях (поздний плейстоцен — Q_{III}).

Судя по более частному повторению в разрезе этих отложений продуктов селевых потоков, а также непостоянству конфигураций культурных горизонтов, связанных с мелкоземными осадками (геологические шурфы 1, 2, 3) возможно и существование временных поселений древнего человека было менее продолжительным, чем в среднечетвертичные времена.

Вблизи бывшего родника и небольшого озерка в отложениях голодностепского комплекса выделены два позднемустьерских (IV—V) и три (I—III) позднепалеолитических культурных слоя. Вмещающие породы, где были обнаружены первые из них, формировались в раннюю пору голодностепского цикла (Q_{III}^1), а породы со вторыми горизонтами — в позднюю фазу Q_{III}^2 .

В перекрывающих горизонтах абайской террасы (0,1—0,5 м) встречается переотложенные предметы. Причем эти горизонты заканчиваются в восточной части раскопа у борта сая; по склонам и в долине его встречаются лишь единичные переотложенные предметы. Единичные находки (и притом разновозрастные) также были обнаружены по саю в окрестностях отложениях (ш. 5).

Следовательно, как в раннем плейстоцене, так и в позднем плейстоцене сай существовал по соседству с поселениями древнего человека, но непосредственно в пределах сая человек не жил.

Таким образом, археологические и геолого-геоморфологические исследования поселения и его окрестностей не подтверждают мнения, высказанного в ряде работ С. А. Несмеянова и В. А. Ранова о генезисе культурных слоев Кульбулака⁸. Их утверждение о «выплескивании селевых масс Джарсаем и о переотложении культурных слоев» не подтверждается фактическими данными и противоречат элементарным условиям осадконакопления⁹.

Ценность комплексных исследований усиливается еще и тем, что плейстоценовая формация содержит огромное количество культурных слоев от верхнеашельской эпохи до позднего палеолита. На рис. 1 показана схема ритмостратиграфического и историко-археологического расчленения изученных осадков. Границы между ритмами проводились по наличию четко выраженных размывов, перерывов в осадко-накоплении, по наличию палеопочвенных горизонтов, по резкой смене петрографического состава пород, по фациальнодинамическим условиям осадконакопления, т. е. использовались все имеющиеся устойчивые геологические и археологические данные.

На рисунке 1 видно, что шурфом — 3 вскрыта среднечетвертичная ритмосвита, осадки которой по условиям образования расчленяются на две ритмосвиты — на нижнесреднеплейстоценовую и верхнесреднеплейстоценовую. Осадки этих двух ритмоподсвет формировались в различных фациально-палеогеографических условиях.

Во время накопления нижнесреднеплейстоценовой ритмосвиты площадь представляла собой предгорную, слабо расчлененную наклонную равнину, выходящую на равнинные пространства бассейна р. Ахонгарон. Вторая половина среднеплейстоценовой ритмосвиты стала формироваться уже в замкнутом бассейне. Перестройка рельефа, очевидно, была обусловлена оживлением тектонической активности Чаткало-Кураминской горной системы, обрамляющей Ахонгаронскую депрессию.

В пределах описываемого района выделяются также отложения верхнеплейстоценовой и современной ритмосвит. Мощность их в пределах предгорных поднятий колеблется от 20—50 см до 1,0—1,5 м. На равнинных пространствах мощность увеличивается до первых десятков метров. Современные отложения в горных и предгорных площадках представлены маломощным покровом 10—20 см. На равнине мощность осадков увеличивается до 4—6 м. Ритмосвиты нами расчленены на более мелкие микроритмы-ритмопачки. Выделения микроритмичных серий обусловлено характером осадконакопления, тектонической и климатической зональностью данного района.

В формировании многослойной стоянки Кульбулак принимали участие осадки различного генезиса. Русловые (аллювиальные) отложения представлены обычно гравелитом, опесчаненным алевритовым песчаником. Чистых разновидностей пород в шурфе 3 почти не встречается, чаще они находятся в различных гранулометрических ассоциациях. Преобладающими осадками нижней части разреза являются песчаные и песчанисто-алевритовые и гравелитовые отложения, представленные обычно линзовиднонастроенными линейно-вытянутыми телами. Параллельно с аллювиальными отложениями формировались осадки пойменных болотных и озерно-болотных фаций. Представлены обычно песчанисто-глинистым, глинисто-алевритовым и глинистым материалом.

Для верхней части разреза характерно преобладание пролювиальных, селевых и делювиальных фаций с подчиненным значением пролювиальных. Намечается вертикальная фациальная зональность в условиях формирования осадков; если для нижней части преобладающим фактором приноса обломочного материала были постоянно действующие водные потоки, то, напротив, верхняя часть разреза уже формировалась благодаря временным потокам (пролювий, сели, делювий). Такие особенности раз-

реза указывают на усиливающуюся тектоническую активность всей горной системы, т. е. здесь мы видим, что поднятия расширяют свои границы за счет бывших равнинных площадей. С этими явлениями также связаны осадки грубого щебнево-валунистого состава, приуроченные к верхней части разреза.

В неразрывной связи с тектоническими процессами происходят и климатические колебания, имеющие тенденцию ко все более усиливающейся аридизации климата. Однако на фоне жаркого и сухого климата были и периоды сухого и холодного климата, на что указывают довольно мощные слои лессовых и лессовидных пород, приуроченные к средней части вскрытого разреза. В прямой связи находится и характер окраски пород. Нижняя и частично верхняя часть разреза серо-цветная, большая часть разреза окрашена в красно-бурые, бурые, коричневые и палевые тона. Исключением являются осадки болотных и озеровых фаций, имеющие черную и голубую окраску.

Изучение почвенно-диагенетических изменений плейстоценовых формаций также указывает на то, что в средневерхнеплейстоценовое время формировались различные почвы, разной степени диагенезации.

Палеопочвы нижней части разреза представлены сероземными разновидностями. По мере аридизации климата почвенно-диагенетические процессы усиливались и уже формировались красно-бурые, буроцветные почвы, переходящие в красно-коричневые каштановые. Почвенно-диагенетические процессы наиболее интенсивно проявились в первой и второй нижних ритмопачках верхнеплейстоценовой ритмосвиты. С этим же периодом связано наибольшее количество культурных (антропогенных) слоев. Характерной особенностью культурных горизонтов является и то, что из 29 установленных горизонтов 27 слоев приурочены к концу предыдущего ритма и началу последующего. Культурные слои как бы заполняют отрезки времени (в историческом понимании) между прекращением осадконакопления двух ритмов, т. е. нижний ритм сформировался, а верхний находится в зачаточном состоянии. В данный период происходят размывы, а при благоприятных климатических, биофациальных геохимических и других факторах происходит процесс почвообразования. Следует заметить, что мощность процессов, затронутых почвообразованием, не велика как по мощности, так и по времени.

Не менее характерной особенностью палеолитической стоянки Кульбулак является и то, что главная часть культурных слоев находится именно в палеопочвенных горизонтах, и лишь 3—5% от всех культурных слоев приурочены к внутриформационным (межслоевым) размывам и перемывам обломочных пород. Приурочены они к верхней части разреза шурфа 3.

Таким образом, археологические геолого-геоморфологические, ритмо-стратиграфические, динамо-фациальные и палеографические исследования разрезов стоянки Кульбулак представляют практическую и теоретическую ценность с точки зрения детальной разработки местной стратиграфической шкалы плейстоценовых формаций Приташкентского района, а также могут быть приняты за эталон при изучении палеолитических памятников Средней Азии и Казахстана.

¹ Касымов М. Р. Памятники каменного века в долине Ангрена.— *Общественные науки в Узбекистане*, 1967, № 2.

² Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане (предварительные итоги исследований).— *МИА*, 1972, № 185.

³ Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий.— *МИА*, 1975, № 131.

⁴ Лазаренко А. А., Ранов В. А. Кара-тау-1 — древнейший палеолитический

памятник в лессах Средней Азии.— *БКИЧП*. М., 1977, № 47.

⁵ Алысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979.

⁶ Коробков И. И., Мансуров М. М. К вопросу о типологии теяско-зубчатых индустрий.— *МИА*, 1972, № 185.

⁷ Clark J. D. The Middle Acheulen Occupation Site at Latamne, Northern Syria.— *Anatarnaria*, 1967, N 9; 1969, N 10.

⁸ Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит

и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973; Ранов В. А., Несмеянов С. А. Сопоставление по каменному веку Средней Азии.— БКИЧП. М., 1974, № 41.

⁹ Касымов М. Р., Тетюхин Г. Ф. К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кульбулак.— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1980, вып. 16.

А. Г. АМОСОВА, С. А. НЕСМЕЯНОВ

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙШЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ БЕШКЕНТСКОЙ ДОЛИНЫ В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

Бешкентская долина протягивается в меридиональном направлении параллельно нижнему течению р. Кафирниган. От последнего она отделена хр. Аруктау, а на западе обрамляется хр. Туюнтау и Сулдуз.

В 1953 г. А. П. Окладников обнаружил на восточном борту долины у источника Чильчур-Чашма изделия позднего мезолита или раннего неолита, датирующиеся V—VI тысячелетием до н. э. В 70-х годах сходные по возрасту местонахождения встречены А. Г. Амосовой и В. С. Соловьевым у западного борта долины.

История древнейшего заселения долины тесно связана с палеогеографической этапностью развития рельефа и осадконакопления Бешкентской долины. Последняя представляет собой плоскодонную тектоническую впадину (грабен), сформировавшуюся главным образом в четвертичном периоде. Полевые наблюдения и изучение аэрофотоматериалов позволили выделить здесь следующие геоморфологические зоны. По обе стороны от осевой озерной низины расположены зоны активной дефляции и эрозии, а за ними — зоны прибортовых пролювиальных шлейфов. В каждой зоне выделяется несколько генераций осадков, корреляция которых позволяет наметить основные этапы развития рельефа и преобразования природных условий (табл. 1).

Местонахождения у западного борта Бешкентской долины развиты в зоне активной дефляции и эрозии. Они приурочены к невысоким, высотой 2—4 м часто плосковерхим эрозионным останцам. Не исключено, что стоянки и временные лагеря локализовались на вершинах этих останцов, возможно, в период их становления, когда эрозия еще только начала активизироваться. Позднее останцы подвергались интенсивной дефляции. Следствием этого является отсутствие нормальных культурных слоев при высокой концентрации изделий на поверхности и склонах останцов.

Перейдем непосредственно к характеристике основных палеогеографических этапов.

Первый этап отвечает формированию обширной озерно-пролювиальной равнины, занимавшей почти всю центральную часть долины, и сопрягавшихся с ней сомкнутых шлейфов мелкообломочных конусов выноса по бортам. Западный из этих шлейфов был значительно шире восточного. Благодаря этому озерные субаквальные фации встречаются почти у самого восточного борта.

Второй этап предваряется фазой интенсивного проявления тектонических движений, обусловивших резкое сокращение озерного бассейна, формирование по его краям зон активизации эрозионных, а затем и дефляционных процессов. Последние привели к образованию барханов, особенно у восточного борта долины. У западного борта долины начинается формирование II генерации разрозненных конусов выноса из более грубого материала с участием селевых прослоев. У восточного ее борта происходит расчленение пролювиального шлейфа I генерации боковыми во-

Таблица 1

**Схема основных этапов преобразования рельефа
и развития природных процессов в центральной части Бешкентской долины**

Этап развития рельефа	Геоморфологические зоны и фациальный состав отложений долины						Фазы активизации тектонических движений
	западная часть		центральная часть		восточная часть		
III	Прерывистый шлейф крутых конусов выноса, сложенных грубым материалом	Зона преобладающей эрозии и дефляции	Наиболее узкий озерный бассейн III генерации	Закрепление барханов растительностью и дефляционное изменение их формы	Зона прибортовых поднятий и накопления грубых осадков в сухих руслах	Формирование пойменно-руслowych осадков, тектонические поднятия	II фаза слабых тектонических движений
			Сильно сокращенный озерный бассейн II генерации			Зона интенсивной дефляции с образованием барханов	
II	Интенсивные дифференцированные смещения по прибортовому разрыву	Эрозионное расчленение зоны поднятий и образование останцов		Образование небольших поднятий	Интенсивные тектонические поднятия в прибортовой зоне		I фаза интенсивных тектонических движений
I	Широкий шлейф пологих конусов выноса, сложенных мелкообломочным материалом	Обширная озерно-пролювиальная равнина (озерные отложения I генерации)			Узкий шлейф конусов выноса, сложенный мелкообломочным материалом		

дотоками. На западе долины началось формирование эрозионных останцов.

Изучение центральной части и восточного борта Бешкентской долины позволило наметить и третий этап развития, который предварялся более слабой фазой активизации тектонических движений. С ней связано дальнейшее сокращение и смещение центрального озерного бассейна, закрепление и последующее моделирование многих барханов, а также формирование русел во врезанных водотоках. Возможны некоторые преобразования формы эрозионных останцов. Но, по-видимому, главные изменения в их морфологии связаны с эрозионной и дефляционной моделировкой.

Изменение размеров озерного бассейна свидетельствует о прогрессирувавшем иссушении климата в течение II и III этапов. Однако на фоне этого генерального процесса возможны кратковременные трансгрессии, отвечающие пльвиальным эпохам.

Датировка выделенных этапов сложна (табл. 2). Вскрытые бурением на глубинах 150—250 м наиболее древние из известных ныне погребенных отложений представлены в центре Бешкентской долины супесчано-суглинистыми отложениями. Они сходны по составу с более молодыми осадками описанной выше озерно-пролювиальной равнины, которые сопрягаются у бортов долины со шлейфами мелкообломочных конусов выноса. Указанные наиболее древние отложения замещаются на севере в суженной части Бешкентской долины щебнисто-глинистыми пролювиальными отложениями, а на юге, на широте возвышенности Буюман — песчано-галечным аллювием Кафирнигана. Последний принадлежит скорее всего раннедушанбинской террасе (раннеголодностепской, по межрегиональной стратиграфической схеме; см. *Несмеянов, 1977*)¹.

Учитывая сложность корреляции погребенных отложений, приведенное выше сопоставление можно рассматривать лишь как наиболее вероятный вариант. Более молодые обнаженные элементы стратиграфического разреза центральной части Бешкентской долины не представляется возможным непосредственно увязать с террасами Кафирнигана. Поэтому их датировка также должна рассматриваться только как один из возможных вариантов.

Учитывая литологическое сходство обнаженных осадков озерно-пролювиальной равнины с более древними, можно допустить, что все они принадлежат душанбинскому макрокомплексу, т. е. голодностепскому горизонту. В таком случае обнаженные элементы обширной озерно-пролювиальной равнины отвечают верхам данного макрокомплекса, т. е. термезскому стратиграфическому комплексу. Однако в принципе, возможна и принадлежность этих осадков первой половине амударьинского макрокомплекса (сырдарьинского горизонта), т. е. туткаульскому комплексу (подгоризонту).

Таким образом, непосредственная геолого-геоморфологическая корреляция допускает различные толкования геологического возраста выявленных этапов развития рельефа.

Археологические данные позволяют уточнить возрастные рубежи формирования некоторых элементов рельефа. Во-первых, на склонах останцов и в эрозионных ложбинах между ними встречаются курганы. Эти могильники принадлежат либо к кушанской эпохе, т. е. могут иметь возраст до IV в. н. э., либо относятся к бронзовому веку. В этом случае их возраст не может быть моложе 2,5 тыс. лет. По всей вероятности, именно такой могильник расположен, например, на западном склоне южного останца III группы, т. е. останца, на поверхности которого собрано большое количество изделий каменного века. Следовательно, останцы с мезолитическими местонахождениями уже приобрели вполне современный вид 2,5 тыс. лет тому назад, т. е. эта дата является минимальной для датировки начала третьего этапа развития рельефа.

Во-вторых, на некоторых останцах (например, на останцах I группы) мезолитические изделия присутствуют в верхнем почвенном слое мощностью 0,5—1 м, который образовался после завершения формирования

Таблица 2

**Датировка основных этапов развития рельефа
и древнейшего заселения центральной части Бешкентской долины**

Возрастные подразделения					Абс. даты в тыс. лет	Бешкентская долина	
межрегиональная стратиграфическая схема		стратиграфическая схема Афгано-Таджикской депрессии				этапы развития рельефа	этапы заселения
Сыр-дарьинский горизонт	Ходзаягонинский подгоризонт	Молодая часть	Амударьинский макрокомплекс	Нурекский комплекс	2,5	III	Ирригационные системы исторической эпохи Могильники кушанской эпохи Могильники конца бронзового века
		Древняя часть					
	Туткаульский подгоризонт				Туткаульский комплекс	8	II
Голодно-степский горизонт	Самаркандский подгоризонт		Душанбинский комплекс	Термезский комплекс	16-18	I	
	Шугноуский подгоризонт			Шугноуский комплекс			

озерно-пролювиальной равнины. Более того, в шурфе I ниже почвенного слоя с каменными изделиями залегает плотный более светлый суглинок со следами почвообразования. В некоторых случаях предполагается существование трех почвенных слоев. И все они, конечно, должны были формироваться на поверхности останцов, т. е. после завершения первой из отмеченных выше эрозионных фаз, предвалявших второй этап развития рельефа.

Верхний почвенный слой с каменными изделиями, как уже отмечалось, не содержит настоящих культурных слоев. Нет в нем и определенных горизонтов концентрации культурных остатков, но нет и определенных следов совместного переотложения изделий и вмещающей породы, как это известно по многим стоянкам и местонахождениям². Данный слой сложен рыхлым комковатым суглинком с мелкими карбонатными стяжениями и многочисленными кротовинами. Не исключено, что изделия проникли с поверхности именно по этим кротовинам. Но не менее вероятно и то, что сам слой подвергся вторичной переработке («перемешиванию» породы) на месте в процессе обживания останцов мезолитическими людьми. В обоих случаях каменные изделия моложе породы, в которой они залегают. Нельзя, однако, исключить возможность более поздней вторичной переработки — техногенной, дефляционной или дефляционно-техногенной, приведшей к уничтожению целостности как культурных слоев, так и нижележащего почвенного слоя.

Таким образом, если изделия одновозрастны почвенным слоям, то первоначальное обживание останцов относится ко второму этапу развития рельефа. Но скорее, оно связано с началом третьего этапа, которое может иметь соответственно возраст 7—8 тыс. лет.

Палеогеографические построения, основанные на современных данных, предполагают существование единых этапов развития всей территории Средней Азии. Поэтому они позволяют привлекать разнообразный материал по смежным и удаленным территориям.

Главные этапы геологического развития Памиро-Тяньшаньского орогена связаны с периодической активизацией тектонических движений, с которой близко совпадают эрозионные фазы развития речных долин, похолодания и пльвиалы. При этом циклы тектонической активизации

образуют иерархическую систему, которой отвечает и система стратиграфических подразделений.

Как показали исследования последних лет, наиболее молодой крупный этап этой системы — сырдарьинский, которому в Афгано-Таджикской депрессии отвечает формирование амударьинского стратиграфического макрокомплекса, начался 16—18 тыс. лет тому назад. С этим моментом хорошо совпадает завершение накопления последнего (санглакского, по А. А. Лазаренко) лессового горизонта, произошедшее около 17 тыс. лет назад и сменившееся современным почвообразованием³. Начало накопления покровной толщи на позднеголодностепской (позднедушанбинской) террасе датируется в бассейне р. Зеравшан культурными слоями верхнепалеолитической Самаркандской стоянки, возраст которых, по мнению В. А. Ранова, оценивается интервалом 15—20 тыс. лет⁴. Не исключено, что с плювиалом в начале сырдарьинского этапа связан в Фергане сель, переместивший стоянку Ходжа-Гор, относящуюся к самому концу верхнего палеолита или к началу мезолита⁵. В Северном Афганистане самый конец верхнего палеолита характеризуется на стоянке Ак-Купрук II радиоуглеродной датой $16,615 \pm 215$ лет⁶.

Завершение туткальского, т. е. раннеамударьинского (раннесырдарьинского) этапа развития и начало нурекского (ходжаягонинского) этапа ознаменовались активизацией тектонических движений, обусловившей сейсмогенное (?) обрушение сводов в навесах со стоянками Ак-Тенги в Фергане и Сай—Саед в Афгано-Таджикской депрессии. Оба события имеют возраст около 8 тыс. лет⁷.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о безусловной принадлежности третьего этапа развития Бешкентской долины к нурекому времени, второго этапа — к туткальскому времени, а первый этап целесообразно поэтому идентифицировать с термезским (самаркандским) этапом. Данное сопоставление хорошо согласуется, во-первых, с большей значимостью тектонического рубежа между первым и вторым этапами, и, во-вторых, с упомянутым выше существенным литологическим сходством толщи, слагающей озерно-пролювиальную равнину, и более древней толщи, коррелирующей с раннедушанбинской террасой Кафирнигана.

Из перечисленных сопоставлений следует, что эрозионные останцы на востоке центральной части Бешкентской долины появились в начале амударьинского (туткальского) этапа. Тогда же на их вершинах формировались упоминавшиеся выше почвы с карбонатными стяжениями. Начало заселения останцов совпало с рубежом туткальского и нурекского этапов, когда активизировалась эрозия и, вероятно, сказалось общее увлажнение, обусловившее частое обводнение и меньшую пригодность для поселений межостанцовых понижений и эрозионных ложбин. Последующая аридизация климата должна была привести к активизации процессов дефляции, способствовавших вторичной переработке культурных слоев и подстилающей почвы. На восточном борту Бешкентской долины эти дефляционные процессы привели к формированию множества песчаных барханов. Не исключено, что закрепление и моделирование последних относится к поздненурекому (позднеходжаягонинскому) этапу. Последний начался активизацией тектонических движений, возраст которых определяется по смещению русла Сыр-Дарьи, произошедшему примерно 2,5 тыс. лет назад⁸. Именно в это время на моделированных вершинах и склонах останцов и в понижениях между ними появляются курганые захоронения. Наиболее древние из курганых захоронений на данной территории могут относиться ко II и началу I тысячелетий до н. э.; характерно присутствие в них остатков тростника, что свидетельствует, по П. П. Керзуму⁹ о значительной обводненности центральной части долины в то время.

Завершающий импульс общего увлажнения в начале нурекского этапа датируется в низовьях Зеравшана (бассейн Лявляканских озер) интервалом 6—5 тыс. лет, когда там существовали поселения неолита II — энеолита¹⁰. Именно в это время начинают возводиться постоянно дейст-

вующие ирригационные системы в Передней Азии, Иране и на юге Туркмении¹¹. Вся сложная пльвиальная эпоха заключена в интервале 9—5 тыс. лет тому назад (VII—III тысячелетия до н. э.)¹². Некоторое уменьшение общего увлажнения в интервале примерно от 7 до 6 тыс. лет назад, по-видимому, и явилось временем первоначальной активизации процессов дефляции.

Последующая главная эпоха аридизации, как показывают материалы по низовьям Зеравшана, имела максимум в интервале от 5—4,5 до 3,5 тыс. лет. Очевидно, именно эта эпоха иссушения климата обусловила формирование мощных (в несколько десятков см) гипсовых корок с отпечатками стволов и листьев камыша на поверхности многих останцов, расположенных ближе к центру долины, а также сокращение озерного бассейна и осушение межрядовых понижений. Э. Д. Мамедов и С. Г. Батулин полагают, что 4 тыс. лет назад произошло ухудшение гидрогеологической обстановки и возникли условия, близкие к современным¹³. В районе Лявляканских озер это обусловило сокращение численности населения. Не исключено, что аналогичным обстоятельством определяется отсутствие следов поселений позднего неолита и ранней бронзы в Бешкентской долине.

Для Прикаспия и Приаралья, по данным А. В. Шнитникова, пльвиальная эпоха заключена в интервале от 2,5 до 1,7 (?) тыс. лет назад¹⁴. Это отвечает началу молодой части амударьинского этапа. Именно к этому времени относится второй этап заселения Бешкентской долины, от которого сохранились многочисленные могильники бронзового века и купанской эпохи.

Таким образом, главные этапы развития рельефа и заселения Бешкентской долины естественно вписываются в общую схему природных процессов для всей территории Средней Азии.

¹ Несмеянов С. А. Корреляция континентальных толщ.— Недра, 1977, 198 с.

² Несмеянов С. А. К геологии открытых стоянок каменного века Средней Азии.— Жизнь Земли, 1978, № 13, с. 103—111.

³ Лазаренко А. А., Пахомов М. М., Пеньков А. В. и др. О возможности климатостратиграфического расчленения лессовой формации Средней Азии.— В кн.: Поздний кайнозой Северной Евразии. М., 1977, ч. I, с. 70—133.

⁴ Несмеянов С. А. Геологическое строение Самаркандской верхнепалеолитической стоянки.— В кн.: Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1980, с. 32—46.

⁵ Несмеянов С. А., Ранов В. А. О геологическом возрасте верхнепалеолитической стоянки Ходжа-Гор (Южная Фергана).— Тр. Ин-та истории АН ТССР, Душанбе, 1964, т. 42, с. 125—127.

⁶ Ранов В. А. Палеолит Переднеазиатских нагорий.— В кн.: Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978, с. 187—241.

⁷ Несмеянов С. А., Ранов В. А. Археологические данные о возрасте наиболее молодых террас Средней Азии.—

БКИЧП, 1975, № 43, с. 169—176.

⁸ Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Таджикистане. М.; Л., 1968.

⁹ Керзум П. П. К вопросу о генезисе солончаков Бешкентской долины в связи с перспективой их освоения.— Вестник ЛГУ, 1972, № 9, вып. 2, с. 114—120.

¹⁰ Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975, 287 с.

¹¹ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, 254 с.

¹² Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Ландшафтно-климатические условия пустынных равнин Средней Азии в голоцене.— В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана.— Тезисы докладов совещания. ФАН УзССР. Ташкент, 1972, с. 95—97.

¹³ Мамедов Э. Д., Бугули С. Г. Палео-гидрогеологическая обстановка и древнее расселение человека в пустынях Средней Азии.— В кн.: Палеоэкология древнего человека. М., 1977, с. 222—230.

¹⁴ Шнитников А. В. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1969.

МЕЗОЛИТ БЕШКЕНТСКОЙ ДОЛИНЫ

Изделия каменного века встречаются в южной части долины, вдоль ее западного борга, ограниченного хребтами Туюнтау. Здесь, на некотором расстоянии от подножья хребта, располагаются невысокие останцовые возвышенности. Их относительная высота изменяется от 1,5—2 м, около подножья хребта Туюнтау, до 5—6 м, ближе к центральной части долины. Останцы имеют различную форму в плане, размеры в поперечнике колеблются от 5—10 до 30—50 м.

Первая группа обследованных местонахождений находится недалеко от источника Чильчурчашма. В эту группу входит семь останцов. Они имеют крутой восточный склон и пологий западный. Изделия из камня концентрируются в основном на западной части останцов, а также на их склонах, на вершинах останцов находок мало — это в основном микропластинки, сколы, мелкие отщепы. Всего собрано 818 изделий каменного века.

Вторая группа останцов находится приблизительно к северу от первой. Здесь все всхолмления представляют единое целое. Северную часть занимают мазар и курганы кушанского времени. Вся группа объединена под названием «останцы у мазара». Изделия из камня зафиксированы как на вершинах, так и на склонах. Здесь собрано 628 изделий.

Третья группа останцов расположена недалеко от источника Чильчурчашма и к северу от второй группы, недалеко от городища Хан-газа. Данные останцы по внешнему облику и структуре несколько отличаются от описанных выше. В 1974 г. здесь была собрана довольно большая коллекция изделий — около 3000 экз. Основная масса изделий концентрировалась на склонах.

Четвертая группа останцов находится севернее и несколько ближе к центру долины. Некоторые останцы здесь достигают высоты 6 м. На них также зафиксированы изделия из камня, но в единичных экземплярах.

Кроме того, имеется и местонахождение, которое не связано с останцами. Оно расположено в 300 м на восток от группы останцов у мазара, в низине. Изделия из камня не концентрируются на каких-то определенных участках. Здесь собрано 732 изделия каменного века.

По восточному борту долины, у подножья хребта Аруктау, не обнаружено ни одного археологического памятника, кроме известного Аруктауского могильника.

Коллекция изделий каменного века из Бешкентской долины насчитывает 5933 предмета: нуклеусы, заготовки — 1319; пластины — 141; обломки пластин — 58; пластинки — 7; обломки пластинок — 35; микропластинки — 572; отщепы — 1357; обломки, сколы — 1466; микросколы: мелкие отщепы — 779. Среди орудий труда нами выделены: пластины с ретушью — 36; скребки — 83: концевые — 19, микроскребки округлой формы — 6; скребки высокой формы — 4, боковые и концебоковые скребки — 54; скребла — 27; проколки — 48; выемчатые орудия — 73; комбинированные орудия — 36; скребловидные орудия — 46; геометрические орудия — 8: сегменты — 3, трапеции — 2, прямоугольники со скошенным концом — 3; отбойники — 4; ретушер — 1.

Данная коллекция значительна по объему, но ее хронологическая характеристика сложна, так как материал подъемный, а «ведущих» форм мало. Основную часть собранного материала составляют отходы производства — 3602 и нуклеусы — 1319; орудий труда 362 (6%).

Некоторые типы орудий представлены малочисленными экземплярами, — скребки высокой формы, пластинки с обушком, геометрические микролиты. Но высокий процент нуклеусов с четкими классическими формами, присущими эпохе мезолита, а также концевые скребки, проколки и геометрические орудия — склоняют нас к мезолитической датировке

памятников. Они вполне сопоставимы с мезолитическими комплексами Южного Таджикистана, в частности с находками из окрестностей Дангары, Куй-Бульена, Чильучорчашмы. Для стоянок Дангары характерны обработанные гальки, призматические нуклеусы, массивные нуклеидные орудия типа скобелей, работ, острия с затупленными и скошенными краями, пластинки с боковыми выемками, скребки из отщепов с выпуклым массивным рабочим краем. Геометрические орудия представлены асимметричным треугольником, отделанным крутой ретушью по краям. А. П. Окладников сопоставляет данный материал с пятью-шестью слоями Джебела, что соответствует VI—V тысячелетиям до н. э.¹ В коллекции из местонахождения Куй-Бульен имеются скребки, асимметричный треугольник, острие с затупленными краями, пластинки с затупливающей ретушью по краям, нуклеидные скребки, скобели. Наиболее микролитовидный характер имеют кремневые орудия, собранные у источника Чильучорчашма. Выделяются сильно сработанные призматические нуклеусы, трапеции небольших размеров, суженных пропорций, аналогичные трапеции имеются в раннеолитических слоях Джебела. Отсутствие острий типа шательперрон, скобелей-рабо и наличие трапеций позволяет отнести памятники к периоду перехода от мезолита к неолиту².

Материалы Бешкентской долины имеют следующие аналогии с перечисленными памятниками: призматические нуклеусы (стоянки Дангары, Чильучорчашма), пластинки с боковыми выемками, скребки, пластинки с затупливающей ретушью по бокам (Куй-Бульен, стоянки Дангары, Чильучорчашма).

Сопоставляя материал Бешкента и Туткаула (горизонт 2а), черты сходства наблюдаем в господстве микролитической пластинчатой техники. И хотя удлиненных трапеций и прямоугольников в индустрии Бешкента нет, но есть пластинки с обработанным усеченным концом, трапеции в первоначальной стадии обработки, микроскребла и скобели, аналогичные туткаульским³. В мезолитическом горизонте Туткаула нет пластинок с притупленной спинкой, в коллекции из Бешкента они имеются, хотя и в малом количестве. Сравнивая индустрию Бешкента с мезолитом Туткаула, находим подтверждение о правильности его датировки: конец мезолита — начало неолита. Кроме того, в материалах Бешкента полностью отсутствует галечный элемент, что не позволяет относить его к кругу глассарских стоянок.

Материалы Бешкента содержат некоторые аналогии с индустрией Мачая: пластинки с боковыми выемками, скребки высокой формы⁴. А. П. Окладников считает, что индустрия Мачая ближе южнотаджикистанским мезолитическим памятникам⁵. У. Исламов объясняет данное сходство близким характером деятельности племен, обитавших в Южном Таджикистане и Южном Узбекистане. С данными выводами можно согласиться, принимая во внимание одинаковые климатические условия.

Заметно сходство материалов Бешкентской долины с прикаспийским мезолитом. Сходство с прибалханскими мезолитическими индустриями наблюдается в нуклеусах, в скребках концевого типа, миниатюрных дисковидных скребках, пластинках с затупленными боковыми краями. Для индустрии зарзыйского варианта характерны призматические, конические и карандашевидные нуклеусы, как и в индустрии Бешкента. Кроме того, аналогичны выемчатые орудия, у которых выемчатые края оформлены ретушью, проколки с выраженной рабочей частью и др. Все это также подтверждает правильность датировки Бешкентских местонахождений — финал мезолита, переход к неолиту.

Исходя из сравнений с прикаспийским мезолитом, можно объяснить появление данной культуры (Бешкент, Чильучорчашма, Куй-Бульен, стоянки Дангары и т. д.) связью с памятниками, расположенными по обе стороны Аму-Дарьи. Из Передней Азии через Каспий, Аму-Дарью шло расселение племен с кремневой индустрией, столь распространенной в равнинных местностях.

- ¹ *Окладников А. П.* Исследование памятников каменного века в районе Куляба и Дангоры осенью 1959 г.— *Тр. Ин-та истории АН Тадж. ССР.* Душанбе, 1961, т. 31.
- ² *Окладников А. П.* Палеолит и мезолит Средней Азии.— В кн.: *Средняя Азия в эпоху камня и бронзы.* М.; Л., 1966.
- ³ *Ранов В. А., Коробкова Г. Ф.* Туткаул — многослойное поселение гис-

сарской культуры в Южном Таджикистане.— *МИА,* 1972, № 135.

- ⁴ *Исламов У.* Пещера Мачай. Ташкент, 1975.

- ⁵ *Окладников А. П.* Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г.— *Тр. Ин-та истории АН Тадж. ССР.* Душанбе, 1961, т. 27.

Г. Н. МАТЮШИН

ВРЕМЯ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ СЛОЖЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА НА УРАЛЕ

Дискуссия о путях проникновения производящего хозяйства в Европу ведется давно. Еще в начале века оформились два диаметрально противоположных лагеря — диффузионисты и автохтонисты. Так, еще в начале века С. Мюллер¹ писал о проникновении большинства культурных достижений, в том числе и производящего хозяйства, с Востока, а Дешелетт² — об автохтонности развития Европейского неолита. Р. Питтиони в конце 40-х годов утверждал, что «три главных исходных пункта неолитических культур Европы (дунайской, нордической и западной) показывают с самого начала своего возникновения только самостоятельные типично европейские черты, так что нельзя избежать впечатления об их независимом развитии на местной мезолитической основе»³. Г. Чайлд в те же годы писал, что европейская предистория «в своей ранней стадии является главным образом историей подражания восточным достижениям или, в лучшем случае, их усвоения. О самих же достижениях мы узнаем из археологии Востока»⁴.

Сейчас большинство исследователей считает более верной точку зрения Г. Чайлда, но некоторые специалисты до сих пор продолжают вести поиски европейских истоков производящего хозяйства. Сторонники Г. Чайлда считают, что сельское хозяйство не могло самостоятельно возникнуть в Европе, так как 85% домашних животных и большинство domestцированных злаков представлены видами, которые не имеют здесь диких предков в отличие от Юго-Западной Азии. Их противники ссылаются на несомненные генетические связи материальной культуры неолита Европы с местным мезолитом.

Аналогичное положение в последнее время сложилось и на Южном Урале: с одной стороны, здесь довольно рано появляются элементы скотоводства и керамика, с другой — никаких интрузий и инвазий в неолите не прослеживается, местные неолитические культуры продолжают развитие мезолитических индустрий⁵.

До сих пор считалось, что Урал не входил в зону раннего становления производящей экономики, и здесь лишь в эпоху бронзы, не ранее II тысячелетия до н. э., появилось скотоводство. Хозяйство культур с гребенчатой и накольчатой керамикой неолита и энеолита Волжско-Уральского междуречья еще недавно было принято относить целиком к присваивающему. Однако до 60-х годов ни на одной стоянке здесь не было найдено остеологических материалов, как и каких-либо других, позволяющих достоверно судить о хозяйстве населения. Лишь в последние годы на 18 памятниках Южного Урала и Предуралья найдены кости животных, позволяющие более обоснованно судить о характере хозяйства в этом регионе в неолите и энеолите⁶. В Южном Предуралье кости животных найдены на 10 поселениях позднего каменного века, два из них — Давлеканово и Муллино — многослойные.

На Давлеканово вскрыто 500 кв. м. Инвентарь неолитического слоя представлен керамикой с гребенчатым орнаментом и кремневым инвентарем. Сверху неолитический слой перекрыт слоем раннего энеолита (агидельского типа), который, в свою очередь, перекрывается материалами эпохи бронзы (абашевской и срубной культур). Определено В. И. Цалкиным и А. Г. Петренко 2304 костей от 280 особей. Из них из неолитического слоя происходит 312 костей от 60 особей, из агидельского слоя — 348 костей от 50 особей и 1644 кости — из слоя эпохи бронзы и железа (170 особей). Кости домашних животных в неолитическом слое составляют — 67,5%, в агидельском слое — 52,76% и в слое эпохи бронзы и железа — 83,1%. В неолитическом слое представлены: лошадь — 44,1%, крупный рогатый скот — 17,3%, мелкий рогатый скот — 5,6%. В агидельском слое общее количество костей домашних животных несколько уменьшается, но соотношение видов животных меняется мало: лошадь — 37,87%, крупный рогатый скот — 14,0%, мелкий рогатый скот — 0,89%. Иное соотношение животных в слое абашевско-срубной культуры: лошадь — 20%, крупный рогатый скот — 41,1%. Значительно увеличивается и доля мелкого рогатого скота. В слое эпохи бронзы впервые появляются остатки свиньи, которая ни в одном памятнике неолита и энеолита Урала не встречается.

На поселении Муллино вскрыто 572 кв. м. Стратиграфия памятника очень четкая и в общем сходная с Давлекановским поселением, но в отличие от последнего здесь отсутствует слой эпохи бронзы. Состав фаунистических остатков на Муллино близок к давленкановским. Количество домашних животных здесь также велико, но в сравнении с дикими, их все же меньше. Так, в неолитическом слое кости диких животных составляют 73,53% всех фаунистических остатков, в агидельском слое — 65%, вместе с тем повышается доля домашних животных — с 26% до 35%. В агидельском слое (Муллино III) из числа доступных определению костей — 170 принадлежали 21 домашнему животному, 552 — 39 диким животным. Аналогично соотношение костных остатков в других памятниках неолита и энеолита Южного Урала⁷.

По костям домашних животных получены следующие даты: Муллино II — 8050±160 (ИГАН 383), Муллино III 6450±800 (ИГАН 382), из нижнего слоя стоянки Березки дата получена по образцу культурного слоя 7600±200 (ИГАН 218). Хорошо коррелируются с ними даты, полученные из Муллино I (8500±180, 8460±130, 8320±110). На Хвалынском могильнике, видимо, синхронном и однокультурном с поздним этапом агидельской культуры, получены даты 3953±72, 3848±79, 3071±75 и 4130±193 гг. до н. э.

В последние годы кости домашних животных выявлены и на соседних территориях в памятниках каменного века. К сожалению, большинство мезолитических памятников Урала и прилегающих к нему территорий не содержат фауны⁸. Но на стоянке Деуково II с инвентарем романовско-ильмурзинского типа найдены 32 кости от 7 особей, в том числе кости домашней собаки. На стоянке Вилатовое, содержащей сходный с неолитом Предуралья инвентарь, также найдены кости крупного рогатого скота (36 костей от 7 особей), мелкого рогатого скота (107 от 10), лошади (156 от 12) и собаки⁹. Следовательно, нет оснований сомневаться в появлении в Волжско-Уральском регионе элементов скотоводства не позднее раннего неолита. В то же время, судя по характеру инвентаря, местный неолит вырастает на базе местного же мезолита, и никаких следов посторонних влияний здесь в это время не прослеживается. Однако вряд ли можно думать о полностью автохтонной доместикации, ибо в последние годы установлено, что регион одомашнивания овцы занимает узкую территорию, примыкающую к Южному Прикаспию¹⁰. Следовательно, и на Урале они могли появиться только с юга, из Прикаспия. Именно там, еще до предположения Н. И. Вавилова¹¹, следовало искать прародину производящего домашнего хозяйства. Развивая идеи Н. И. Вавилова, Г. Чайлд¹² выдвинул теорию неолитической революции, центр

которой, по его мнению, лежал в области Ближнего и Среднего Востока. Для проверки идеи Чайлда о неолитической революции Р. Брейдвуд предпринял специальные исследования в Курдистане¹³. Открытые им памятники типа Карим Шахир (Ирак) до сих пор считаются наиболее ранними комплексами, отражающими становление производящего хозяйства. К ним относятся и широко известные памятники типа Зави-Чеми, датированные по C_{14} 8900 ± 300 (Зави-Чеми) и 8650 ± 300 (верхние слои пещеры Шанидар) до н. э. Основной инвентарь — геометрические микролиты и другие изделия из пожевидных пластин. Следов domesticiруемых злаков на памятниках типа Карим Шахир почти не обнаружено, но имеются кости овцы, козы, крупного рогатого скота. Морфологически последствия domestикации в Зави-Чеми зафиксированы на костях овцы¹⁴.

В горах Загроса открыто одно из древнейших поселений ранней стадии domestикации — Гандж Даре¹⁵, возникшее еще в IX тысячелетии до н. э. Здесь прослеживается пять уровней заселения. Нижний еще не содержит домов из обожженных кирпичей (слой Е). Не четко прослежены в нем и остатки керамики. В вышележащих слоях (Д, С, В и А) уже имеются остатки каменных строений и сосуды округлых форм. Слои эти датируются между 8000 и 7000 гг. до н. э. Детальный статистический анализ более чем 50 тысяч идентифицированных остатков фауны показывает, что при переходе от слоя Е к слою Д уже происходил переход от охоты к скотоводству.

Долгое время Гандж Даре был единичным памятником этого времени. В 1977 г. в Загросе в окрестностях поселения было проведено сплошное обследование территории радиусом 25 км, в результате чего были выявлены еще три поселения этого типа. Все они были приурочены к низким долинам и расположены в 2—3 часах ходьбы друг от друга. Некоторые их культурные слои непосредственно предшествовали нижним слоям Гандж Даре или были синхронны с ними, другие следовали за верхними горизонтами его. На более ранних из них было найдено большое количество костей рыб, свидетельствующих о том, что рыболовство было одним из факторов перехода к оседлости¹⁶.

На стоянке Али Кош, помимо большого количества остатков domesticiрованных злаковых, найдены и кости domesticiрованной козы, как в слое, относящемся к фазе Бос Мордех, так и фазе Али Кош¹⁷. Кости домашней козы из слоя Бос Мордех датируются примерно 7000 г. до н. э.; а из слоя фазы Али Кош — 6750 г. до н. э.

В связи с тем, что поселение Джармо исследовалось еще в 40 и 50-х годах, когда метод датировки по C_{14} еще не был отработан, даты по этому поселению имеют большой разброс, от 8000 до 5000 гг. до н. э.; часто докерамический слой Джармо датируют 6750 г., а керамический — 6200 г. И в том и другом слое найдены остатки домашней козы, кроме того, в верхнем слое найдены и кости свиньи¹⁸.

В регионе Сирии—Палестины, помимо стоянки Мурейбит, открыта серия памятников раннего производящего хозяйства. На стоянке Бейда¹⁹, например, в слое, датирующимся около 6800 г. до н. э., найдены остатки домашней козы; на стоянке Букра в слое, возраст которого около 6500 г. до н. э. — домашняя овца; в Иерихоне в слое середины VII тысячелетия до н. э. — домашняя коза; на поселении Ромад в слое, датирующемся 6200 г. до н. э. — остатки овцы-козы и крупного рогатого скота²⁰.

В Анатолии исследована серия памятников раннего производящего хозяйства. Среди них — поселение Чайеню²¹, датирующееся от начала VIII — до начала VII тысячелетия до н. э. На поселении найдено большое количество фаунистических остатков, в том числе домашних овец, свиней и собаки. Здесь же встречено небольшое количество костей дикой овцы и несколько больше костей дикой свиньи²².

Бесспорные остатки домашнего крупного рогатого скота найдены в Чатал Гуюк²³. Из нижних слоев Чатал Гуюка получено около 30 радиоуглеродных дат, группирующихся между 6400 и 5400 гг. до н. э. Остатки

домашней овцы, козы и крупного рогатого скота найдены и при раскопках поселения Ербаба, датирующегося не позднее 6000 г. до н. э.

В целом, как подчеркивает Ламберг Карловский, в период между 8000 и 6000 гг. до н. э. происходит «полное развитие сельскохозяйственных деревень и городов с существенным разнообразием и региональным различием на Ближнем Востоке...» Уже в VIII тысячелетии до н. э., по его мнению, «... развитие шло по двум путям: определенные группы населения специализировались на оседлом сельском хозяйстве, основанном на фермерском земледелии, в то время как другие группы населения специализировались на разведении животных, приспособляясь постепенно к кочевническому образу жизни»²⁴. Таким образом, если первые следы производящего хозяйства на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе и в Южном Прикаспии датируются X тысячелетием до н. э., а широкое его распространение падает на VIII тысячелетие, то для Южного Урала первые следы скотоводства зафиксированы лишь для рубежа VII—VI тысячелетия до н. э. Исключение составляет лошадь, которая появляется здесь раньше чем где-либо в Евразии. Трудно однозначно решить вопрос о принадлежности лошади (остатки которой найдены в Южном Урале и в прилегающих к нему областях) к домашним или диким видам. В. И. Цалкин, определявший первые находки фауны с памятников каменного века Южного Урала, считал несомненным, что кости лошади, найденные в неолитических памятниках Восточной Европы, относятся к домашним видам²⁵, такого же мнения придерживаются и большинство палеозоологов, знакомившихся с костными остатками Южно-Уральских памятников²⁶. Однако есть и возражения. Они связаны в основном с находками на поселении Ботай (Казахстан) большого количества костных остатков лошади (более 99% костных остатков).

Ботай по характеру инвентаря относится к суртандинской культуре. Керамика его идентична Суртанды VIII и другим эталонным памятникам энеолита Южного Урала. Найдены в Ботайе и сосуды с тальком и изделия из южноуральской яшмы, не оставляющие сомнения в том, что население Ботая было тесно связано с Южным Уралом. Сейчас еще рано говорить о происхождении Ботая. Однако есть все основания предполагать, что Ботай возник в результате расселения суртандинцев с озер Южного Урала, видимо, из-за изменения палеогеографической обстановки. Это расселение довольно четко зафиксировано по южноуральским поселениям суртандинской культуры²⁷. В пользу этого предположения свидетельствует и более поздний возраст Ботая по сравнению с поселениями Суртанды (по C_{14} Ботай датируется второй половиной III тысячелетия до н. э.). А если это так, то сомневаться в домашнем коневодстве ботайцев вряд ли можно, ибо лошадь вместе с овцой, козой и крупным рогатым скотом представлена на Южном Урале, начиная с конца VII тысячелетия до н. э. Что касается овцы, козы и крупного рогатого скота, то они несомненно привнесены на Южный Урал с юга, из областей первоначального освоения производящего хозяйства. На Южном Урале (рис. 1) элементы производящего хозяйства появились почти на 1—3 тысячи лет позднее, чем в южном Прикаспии. Кроме того, на Южном Урале в диком виде ни овца, ни коза никогда не водились. Попасть сюда они могли только в результате связей (фиксируются со времени мезолита)²⁸ из более южных областей (через Восточный Прикаспий). Следовательно в регион Волжско-Уральского междуречья производящее хозяйство проникло не позднее конца VII тысячелетия до н. э. В то же время, здесь вместе с домашними овцой, козой и крупнорогатым скотом появляется лошадь²⁹. Вполне логично предполагать, что к III тысячелетию до н. э. в культурах южноуральского типа появляется специализированное коне-

Рис. 1. Схема времени появления домашних животных в Передней, Средней Азии и на Южном Урале

1 — даты по C_{14} времени появления domesticiрованных животных; 2 — нет доказательств для domestикации; 3 — примерное время появления в регионе

водческое хозяйство. Кроме того, следует иметь в виду, что лошадь — мигрирующее животное, ареал ее кормления строго ограничен, поэтому предположение о том, что ботайцы добывали столь большое количество лошадей за счет охоты на путях миграций, лишено основания.

В целом, видимо, производящее хозяйство на Южном Урале впервые складывается под влиянием проникновения сюда из более южных областей Восточного и Южного Прикаспия домашних животных. Адаптация их к местным условиям, успешно завершившаяся к неолиту, позволила, вероятно, местному населению успешно domestцировать самостоятельно и новые виды домашних животных, в том числе и лошадь. Особенности природных условий приводят к тому, что в степях и лесостепях Южного Приуралья развивается преимущественно скотоводческое хозяйство, а в энеолите, видимо, появляется и специализированное коневодство на востоке (Ботай) и овцеводство (ямная) на западе.

- ¹ Müller S. Urgeschichte Europas. Strassburg, 1905.
- ² Déchelette J. Manuel de archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. Paris, 1908.
- ³ Pittioni R. Die urgeschichtliche Grundlagen der europäischen Kultur. Wien, 1949.
- ⁴ Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новейших исследований. М., 1956, с. 24, 25.
- ⁵ Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- ⁶ Матюшин Г. Н. О характере экономики неолита и энеолита Южного Урала.— В кн.: Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981; Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.
- ⁷ Матюшин Г. Н. О времени становления производящего хозяйства на Урале.— КСИА, 1981, вып. 165.
- ⁸ Матюшин Г. Н. Мезолит...
- ⁹ Петренко А. Г. Становление и развитие животноводства в Поволжье. М., 1984.
- ¹⁰ Воронцов Н. Н., Коробицина К. В., Надлер Ч. Ф., Хофман Р., Сапожников Г. Н., Горелов Ю. К. Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец.— Природа, 1972, № 3.
- ¹¹ Вавилов Н. И. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.; Л., 1932.
- ¹² Childe G. Most Ancient East. London, 1928.
- ¹³ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric investigations in Iráqí Kuraistan.— SAOC, Chicago, 1960, vol. 31.
- ¹⁴ Solecki R. L. An Early Village Site At Zawi Chemi Shanidar. Malibu, 1980, 1981, I; Perkins D. Prehistoric fauna from Shanidar, Irac, Science. N. Y., 1964, 144.
- ¹⁵ Smith P. E. L. An interim report on Ganj Dareh Tepe, Iran.— American Journal of Archaeology, 82; Hesse B. C. Evidence for husbandry. From the early Neolithic site of Gonj Dareh in Western Iran. Doctoral dissertation. Columbia University. N. Y., 1977.
- ¹⁶ Smith Ph. El, Mortensen P. Three New «Early Neolithic» Sites in Western Iran.— CA, 1980, vol. 21, N 4.
- ¹⁷ Hole F. Studies in archeological History of the Den Luran Plain. Ann, Arbor, 1977.
- ¹⁸ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigation...
- ¹⁹ Perkins D. The fauna from Madamagh and Beida, a preliminary report in the Five seasons at the Pre-pottery Neolithic village of Beida in Jordan, by D. Kirkbride.— PEQ, 1966, Jan.— June.
- ²⁰ Legge A. J. The Origins of Agriculture in the Near East. In Hunters, Gatherers and First Farmers Beyond Europe. Leicester University Press, 1977.
- ²¹ Cambel H., Braidwood R. The Joint Istanbul—Chicago Universities Prehistoric Research Project in Southeastern Anatolia comprehensive viewa The Work to date: 1963—1972.— In: Prehistoric Research in Southeastern Anatolia. Istanbul, 1980.
- ²² Lawrence B. Evidences of animal domestication an Cayônû.— PRSA, 1980.
- ²³ Perkins D. Fauna of Catal Huyük: evidence for early cattle domestication in Anatolia.— Science, 1969, N 164.
- ²⁴ Lamberg-Karlovsky C. C., Sabloff J. A. Ancient Civilization. London, 1979, p. 61.
- ²⁵ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- ²⁶ Петренко А. Г. Костные остатки животных с поселения Муллино.— В кн.: Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.
- ²⁷ Матюшин Г. Н. Энеолит...
- ²⁸ Матюшин Г. Н. Мезолит...
- ²⁹ Матюшин Г. Н. О времени становления...

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СТРАТИГРАФИИ И ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА ПРЕДУРАЛЬЯ

В последнее десятилетие в Предуралье выявлено сравнительно большое количество неолитических и энеолитических памятников, что позволило перейти к изучению конкретных исторических процессов, происходивших в данном регионе. Однако отсутствие абсолютных датировок затрудняет эту работу. В связи с этим особое значение приобретает стратиграфия памятников, свидетельствующая об их относительных датировках. Наиболее перспективны в этом отношении двухслойные стоянки на р. Ай, расположенные на северо-востоке Башкирии. Здесь имеются и однослойные энеолитические памятники, которые позволяют уточнить хронологию многослойных стоянок. Следует отметить стоянки Месягутово, Гумерово, Алегазово, Средняя Ока. Неменьший интерес представляют памятники в центральной части Башкирии на р. Деме — Казангулово, Давлеканово и в низовье р. Белая — Старо Буртюково, Кюнь II и др.

Остановимся на характеристике стоянки Средняя Ока. Памятник находится в центре одноименной деревни на берегу р. Ока, правого притока р. Ай. Вскрытая площадь — 120 кв. м. Стратиграфия: под 10—12-сантиметровым слоем дерна залегал культурный слой, который на глубине 40—56 см подстилался материковой глиной. В южной части раскопа обнаружена каменная вымостка, перекрывавшая несколько квадратов, под которой залегал слой песка. В северной части раскопа культурный слой достигает 50—56 см, а в южной не превышал 40 см.

Основную массу находок составляет керамический материал (6 тыс. фрагментов). В нижнем слое залегала неолитическая керамика, орнаментированная при помощи округлой или приостренной палочки, а также двузубым штампом. В орнаменте преобладает мотив линейного или волнистого узора. Орнамент нанесен как гладким прочерчиванием, так и методом отступающей палочки. В незначительном количестве имеются фрагменты, орнаментированные отпечатками гребенчатого штампа. Так называемая волнисто-гребенчатая керамика. Сосуды орнаментированы сплошь, внутренняя поверхность заглажена. Среди примесей преобладает песок, реже встречается тальк и слюда, что особенно характерно для памятников Зауралья. Сосуды яйцевидной формы имеют приостренное дно и утолщенный с внутренней стороны венчик (рис. 1, 2, 3, 18, 19). Керамика нижнего горизонта находит многочисленные аналогии в южно-уральских неолитических памятниках¹. Подобная керамика характерна и для южносибирских² и, отчасти, памятников Среднего Поволжья³, датироваемых раннеэнеолитическим временем. Идентична ей и керамика с прочерченным орнаментом из нижних слоев Алегазовской стоянки.

Подобная стратиграфическая картина наблюдается на Старо-Буртюковской стоянке в низовье р. Белая. К нижним слоям памятника относится керамика, орнаментированная длинным гребенчатым штампом в виде вертикального зигзага и шагающей гребенки (рис. 1, 8, 9), взаимопроникающих прямоугольников, заполненных этим же штампом (рис. 1, 1). Здесь же встречено три сосуда, не отличающиеся по фактуре и технике изготовления от остальной неолитической керамики, но их орнамент выполнен прочерчиванием округлой палочкой (рис. 1, 4).

Аналогичная керамика с орнаментом в виде рядов шагающей гребенки (рис. 1, 13) обнаружена на Казангуловском поселении, где она также находится в нижнем горизонте. Данный комплекс перекрыт 0,5 см слоя эпохи развитой бронзы, что указывает на заселение памятника в эпоху неолита, по всей вероятности, развитого его этапа.

Керамический материал верхнего горизонта стоянки Средняя Ока,

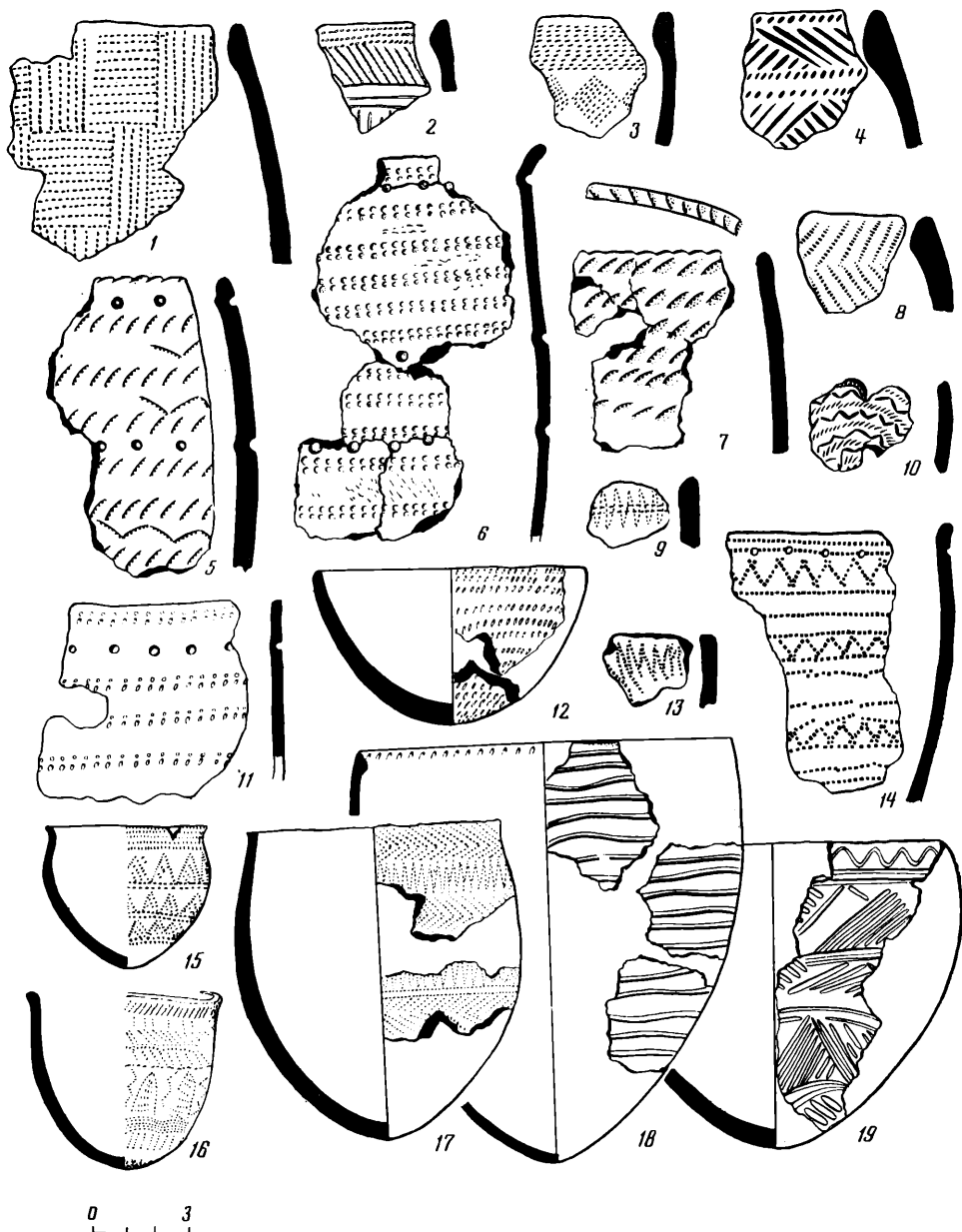

Рис. 1. Керамический материал стоянок Приуралья

2—3, 5—6, 10—11, 14—15, 18, 19 — Средняя Ока; 1, 4, 7—9, 12 — Старо-Буртюково; 13 — Казангулово; 16, 17 — Месягутово

перекрывающий волнисто-гребенчатый комплекс, делится на две группы. *Первая группа* представлена довольно однотипными сосудами с прямыми стенками, приостренным или округлым дном. Устье сосудов широкое, венчики прямые и иногда слегка отогнуты наружу, наплыв на внутренней стенке отсутствует. Сосуды орнаментированы сплошь. Основным элементом орнамента — косо поставленная короткая гребенка и отпечатки округлой палочки. Оттиски гребенкой произведены под углом к верхнему краю сосуда. Они разделены на горизонтальные зоны поясками из ломаных линий, нанесенных этим же штампом и рядами ямок, образующих на внутренней стороне стенок жемчужины (рис. 1, 5, 14). К этой группе керамики относятся и пять-шесть небольших сосудов, орнаментированных косыми насечками (рис. 1, 10).

Вторая группа сосудов украшена наколами раздвоенной и одинарной палочки. Под венчиком проходит ряд ямок: такие же разделительные ряды ямок располагаются по тулову (рис. 1, 6, 11). Стенки двух сосудов заполнены горизонтальными рядами заштрихованных треугольников (рис. 1, 15).

Аналогичная картина наблюдалась на Старо-Буртюковской стоянке. Коллекция керамики, в которую входят 4—5 сосудов, орнаментированных коротким косопоставленным штампом и косыми насечками (рис. 1, 7, 12), перекрывала материалы длинногребенчатой керамики. Отмеченные сосуды были серого цвета, имели пористую поверхность. В изломе прослеживалась примесь ракушки. Аналогичные комплексы находятся на целом ряде энеолитических памятников низовья р. Белая: Бачки-Тау II, Какры-Куль, Старо-Мушта и др.

Среди однослойных энеолитических памятников интересна Месягутовская стоянка на р. Ай, где нет сосудов неолитического облика, зато имеются сосуды с отогнутым венчиком. В орнаменте преобладают геометрические фигуры, треугольники, ромбы, ломаные линии. В качестве разделительных поясков выступают ряды прямых или ломаных линий, шагающей или косопоставленной гребенки (рис. 1, 16, 17). В тесте — примесь талька. Попытки выяснить аналоги неизменно приводят к зауральским энеолитическим памятникам типа Суртанды VIII, Мурат, Линево⁴; Кораблик, Латочка⁵ и ряду памятников липчинской культуры⁶ лесного Зауралья.

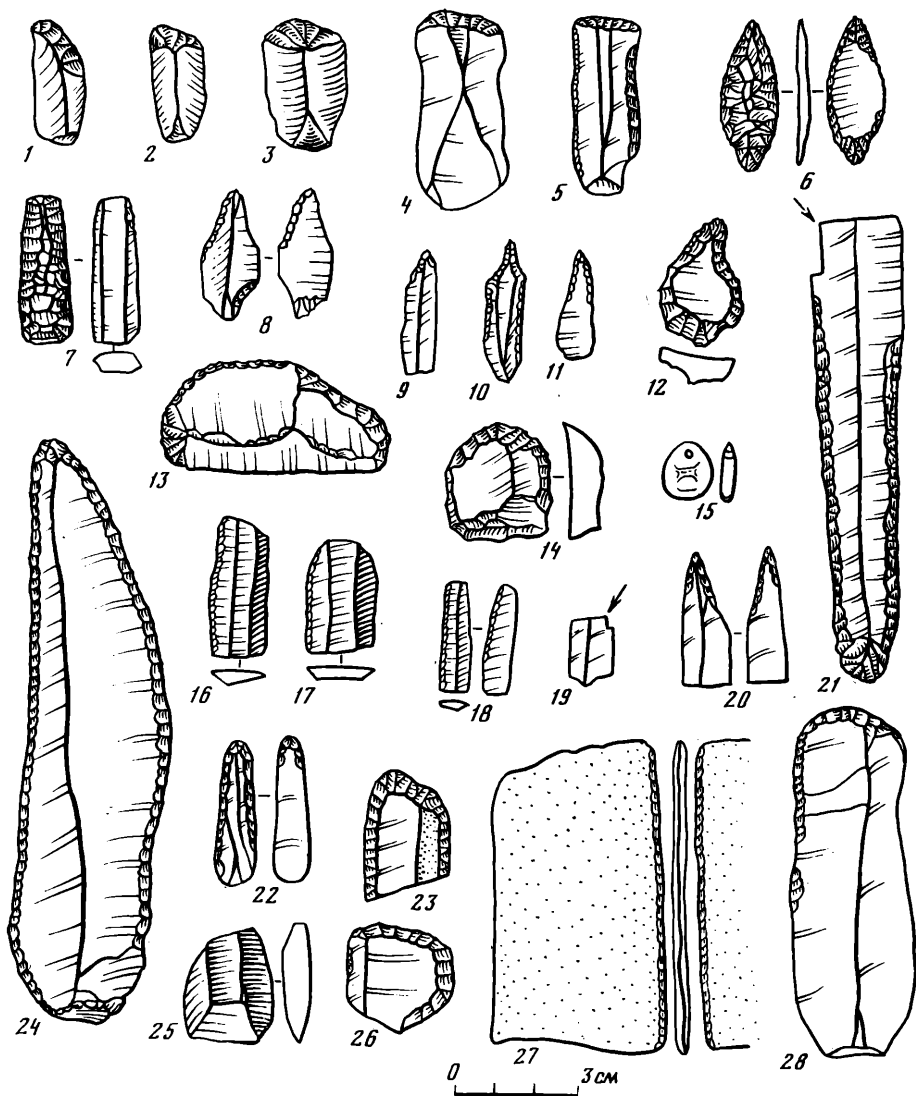
Важное значение для выяснения происхождения и развития неолитических культур имеет характер кремневого инвентаря, эволюция которого прослеживается достаточно определенно, особенно на таких многослойных стоянках, как Средняя Ока, Старо-Буртюково, Мулино.

Нижний слой стоянки Средняя Ока характеризуется преобладанием ножевидных пластин и изделий из них. Из 926 орудий 622 являлись ножевидными пластинами, основная часть которых (453 экз.) приходилась на нижние слои памятника. В этом же слое обнаружено 132 из 192 скребка; причем более 30 выполнено на концах ножевидных пластин (рис. 2, 1—3) и не менее 50 на продольных сколах (рис. 2, 4, 5). Из нижнего горизонта происходят также девять проколов (три выполнены на ножевидных пластинках, рис. 2, 9—11), наконечники стрел (рис. 2, 6—7) и 30 нуклеусов.

Группа орудий, стратиграфически перекрывающая первую, изготовлена на более крупных ножевидных пластинах, сколах и отщепах: округлые скребки (рис. 2, 14) и скребки на отщепах, разнообразные по форме и размерам скребловидные орудия (рис. 2, 13), проколки и развертки (рис. 2, 8, 12). Здесь же имеется серия комбинированных орудий; резец и скребок на крупной ножевидной пластине (рис. 2, 21), скребок и нож на широкой ножевидной пластине (рис. 2, 24) и др. Обнаружена весьма характерная округлая сланцевая подвеска (рис. 2, 25), аналогичная подвескам волосовских поселений на Средней Волге⁷ и турбинских поселений в Среднем Прикамье⁸.

Основной особенностью каменного инвентаря стоянки Средняя Ока является сочетание архаических и относительно поздних приемов обработки камня. Пластинчатая техника, доминирующая на ранних этапах заселения памятника, позднее вытесняется техникой, связанной с широким использованием отщепов и крупных сколов.

Сложнее проследить эволюцию, каменного инвентаря Старо-Буртюковской стоянки, сопровождающего две разные группы керамики, так как ведущие формы орудий типологически близки. Коллекция из камня составляет 123 экз. Материал — известняковый кремень темного и светлосерого цвета. Из 53 орудий 26 представлены ножевидными пластинами, размеры которых колеблются от 1,8 до 3,5 см, при ширине 0,8—1,7 см. Семь ножевидных пластин оформлены боковой ретушью (рис. 2, 16, 17), две из них ретушированы со спинки и брюшка (рис. 2, 18). Ряд орудий изготовлен на ножевидных пластинах: резец (рис. 2, 19) две проколки

Рис. 2. Кремневые орудия стоянок Приуралья

1—15, 21, 24 — Средняя Ока; 16—20, 22—23, 25 — Старо-Буртукково; 26—28 — Месягутово; 13, 14, 21—23, 26, 28 — скребки; 6, 7 — наконечники стрел; 8—12, 20 — проколки, развертки; 19 — резец; 21, 24 — комбинированные орудия; 16 — сланцевая подвеска; 25 — шлифованное долотце; 27 — большой нож на плитке

(рис. 2, 20) и четыре концевых скребка (рис. 2, 22—23). Всего в коллекции 17 скребков (10 изготовлены на отщепах — три — на концах продольных сколов и четыре — на ножевидных пластинах. Формы концевых скребков очень близки позднемезолитическим материалам памятников низовья р. Белая — IV Татарско-Азибейской⁹ и Старо-Муштинской¹⁰ стоянкам.

В верхних горизонтах памятника вместе с неолитической керамикой залежали скребки на отщепах, крупные ножи на пластинах с плоской ретушью. Здесь же обнаружено шлифованное долотце из сланца (рис. 2, 25) и два обломка мотыгообразных орудий.

Наглядно проявляются изменения техники обработки камня и на однослойных неолитических памятниках. На Месягутовской стоянке обнаружено всего лишь шесть нуклеусов. Из 150 ножевидных пластин (причем крупного размера) две трети относятся к нижней части слоя. Большая серия скребков (37 экз.), обнаруженная в верхней части слоя,

изготовлена в основном на сколах и отщепах (рис. 2, 28). Разнообразие их форм и размеров скребков свидетельствует о возросшей функции этого орудия. Здесь же обнаружен один наконечник копья, проколка и нож на плоской крупной плитке (рис. 2, 27).

Особенности каменного инвентаря учитываются при характеристике хронологических этапов, но главное место отводится все же керамике. Группа волнисто-накольчатой керамики невелика, но она хорошо выделяется как типологически, так и стратиграфически — нижние горизонты стоянок. На тех же памятниках, где волнисто-накольчатая керамика отсутствовала, в нижних слоях залегала керамика с напльвом на внутренней стороне венчика, орнаментированная длинным гребенчатым штампом.

Отмеченные группы керамики перекрывались материалами, отличающимися как по фактуре, так и по орнаментике. Гребенчатые штампы представлены короткими оттисками; большая серия сосудов орнаментирована насечками и наколами двухзубой палочки. Венчики сосудов прямые или слегка отогнутые наружу, лишены напльвов на внутренней стороне. Поверхность большинства фрагментов пористая; в тесте — примесь органических остатков и дробленной ракушки.

Как уже отмечалось, основные трудности в определении времени существования памятников неолита и энеолита Приуралья заключаются в отсутствии абсолютных дат. В настоящее время достаточно уверенно можно говорить лишь о верхней дате мезолита, которая здесь определяется по C_{14} в пределах 6525 ± 180 до 6345 ± 110 гг. до н. э.¹¹ Учитывая, что позднемезолитические и раннеэнеолитические комплексы технологически и типологически близки, временной разрыв между ними не может быть значительным. Следует отметить, что и В. Н. Чернецов сложение уральского неолита относил к V тысячелетию до н. э.¹² На сегодняшний день трудно определить начало развитого и финального неолита. Что же касается периода энеолита, то его сложение следует датировать не позднее середины III тысячелетия до н. э.

¹ Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала.— МИА, 1968, № 141.

² Генинг В. Ф., Гусенцова О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

³ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

⁴ Матюшин Г. Н. Некоторые итоги изучения каменного века на Урале.— В кн.: К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1978.

⁵ Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.

⁶ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.

⁷ Никитин В. В. Волосовские племена на Средней Волге.— В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в волосово-

турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.

⁸ Бадер О. Н. Поселение турбинского типа в Среднем Прикамье.— МИА, 1961, № 99.

⁹ Косменко М. Г. Новая мезолитическая стоянка в устье реки Белой.— В кн.: Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М., 1972, вып. 1.

¹⁰ Матюшин Г. Н. Памятники каменного века в низовьях р. Белой.— В кн.: Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М., 1972, вып. 1.

¹¹ Яхимович В. Л., Пшеничнюк В. С., Киекбаев И. Д., Шестока Я. Л. Радиоуглеродные даты, полученные лабораторией Института геологии Башкирского филиала АН СССР.— БКИЧП, 1974, № 42; Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.

¹² Чернецов В. И. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
БАС — Башкирский археологический сборник
БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
БФ АН СССР — Башкирский филиал АН СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ЗАН — Записки Академии наук
ЗКОРГО — Записки Кавказского отдела Русского географического общества
Изв. ГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИНКВА — см. INQUA
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КУ — Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МГУ — Московский Государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ — Советская этнография
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТИЭ — Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая
СА — Current Anthropology, A World Journal of the Sciences of Man, The University of Chicago Press
INQUA — International Quaternary Association
PEQ — Palestine Exploration Fund Quarterly
PRSA — Prehistoric Research in Southeastern Anatolia. Istanbul
SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilization

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Охота и рыболовство в каменном веке	
<i>В. П. Любин, Г. Ф. Барышников.</i> Охотничья деятельность древнейших (ашело-мустьерских) обитателей Кавказа	5
<i>Н. М. Ермолова.</i> Охотничья деятельность человека	9
<i>Н. Б. Леонова.</i> Планиграфическое исследование свидетельств утилизации охотничьей добычи на материалах верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II	12
<i>В. И. Бибикова.</i> Охотничий промысел в палеолите и мезолите Северного Причерноморья	17
<i>Л. И. Алексеева.</i> <i>Equus hydruntinus</i> — один из основных компонентов охотничьей добычи человека верхнего плейстоцена (по материалам южной зоны европейской части СССР)	20
<i>А. Е. Матюшин.</i> О палеолитических орудиях для разделки охотничьей добычи	24
<i>Ю. А. Савватеев.</i> Особенности среды и охотничьей деятельности в каменном веке на территории Карелии	30
<i>Л. Я. Крижевская.</i> Некоторые данные о рыболовстве эпохи мезолита-энеолита в Степном и Урало-Поволжском районах РСФСР	36
<i>Л. Б. Ермолов.</i> Охотничья деятельность и экология в каменном веке Северной и Центральной Азии	40
<i>З. А. Абрамова, Т. Ю. Гречкина.</i> Об охоте и охотничьем вооружении в позднем палеолите Восточной Сибири	44
<i>М. В. Константинов, Н. Д. Оводов, Г. Л. Карасев.</i> Древние охотники и рыболовы Забайкалья	50
<i>Р. С. Васильевский.</i> Становление и развитие приморской системы хозяйства в северной части Тихоокеанского бассейна	52
<i>Д. Л. Бродянский.</i> Водная фауна бассейна Японского моря в первобытной экономике	57
<i>А. А. Орехов.</i> Среда и охотничья деятельность человека в эпоху неолита на Северо-Востоке Азии (опыт реконструкции хозяйства лахтинской культуры)	61
Проблемы изучения четвертичного периода	
<i>И. К. Иванова.</i> Состояние вопроса геологической истории ископаемых людей и их предков	65
<i>В. П. Любин.</i> Древний палеолит Кавказа	72
<i>Л. К. Габуния, А. К. Векуа.</i> Об остатках палеоантропов Грузии	77
<i>Ю. А. Смирнов.</i> Неандертальские погребения (история признания и состояние источников)	81
<i>Г. Н. Матюшин.</i> Геология, периодизация и хронология каменного века Урала	87
<i>З. А. Абрамова.</i> Мустьерский грот в Хакасии	92
<i>С. А. Сафарова.</i> Природная среда обитания людей в палеолите в Минусинской котловине (по данным спорово-пыльцевого анализа)	98
<i>М. Р. Касымов, Г. Ф. Тетюхин, М. Х. Годин, Д. И. Хусанбаев.</i> К вопросу о комплексном исследовании многослойной палеолитической стоянки Кульбулак в Узбекистане	102
<i>А. Г. Амосова, С. А. Несмеянов.</i> Палеогеография и история древнейшего заселения Бешкентской долины в южном Таджикистане	109
<i>А. Г. Амосова.</i> Мезолит Бешкентской долины	115
<i>Г. Н. Матюшин.</i> Время и природные условия сложения производящего хозяйства на Урале	117
<i>Ю. А. Морозов.</i> Новые данные по стратиграфии и хронологии памятников неолита и энеолита Предуралья	123
Список сокращений	128